

902.7 (Дат)
Б90

А. БУЛАТОВА

ЛАКЦЫ

МАХАЧКАЛА
1971

902.7 (Дат)
.Б90

ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ АН СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
ИМ. Г. ЦАДАСЫ

А. БУЛАТОВА

ЛАКЦЫ
(XIX—нач. XX вв.)

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ
ОЧЕРКИ

Махачкала 1971

Ответственный редактор
С. Ш. ГАДЖИЕВА

60005

ВВЕДЕНИЕ

Лакцы — одна из коренных национальностей Дагестана. По переписи 1959 года лакцев насчитывалось 64 тыс. человек.

Основная масса лакцев живет компактно в Лакском, Кулинском, а с 1944 года и в Новолакском районах Дагестанской АССР. Часть лакцев проживает в ряде селений соседних районов — Акушинского (Балхар, Кули, Цуликана, Уллучара), Рутульского (Аракул и Верхний Катрух), Ахтынского (Бурши-Мака), Дахадаевского (Шадни) и Чародинского (Шали).

Территория, занимаемая лакцами, представляет собою центральную часть нагорного Дагестана и имеет форму треугольника, одна из вершин которого обращена на север, в сторону Цудахарского ущелья. Основанием треугольника служат вершины Дульты-дага (4131 м. над уровнем моря), Акулалу (3884 м.), Пабаку (4098 м.), Кокма (3673 м.), которыми территория Лакии отделяется от долины реки Самура и Азербайджана. Горные хребты также отделяют Лакию от Аварии и Даргинии.

Вся территория Лакии изборождена множеством ущелий, извивающихся преимущественно в направлении с юга на север. Представляя собою трудно доступный извне горный край, территория Лакии все же достаточно сглажена и не имеет естественных препятствий для сообщения между ее отдельными частями.

Почва на всей этой территории каменистая. Верхний слой ее состоит из сухой серой глины, часто перемешанной с булыжником и щебнем. Под этим слоем большей частью следуют сплошные каменные массы преимущественно известковой формации. Такого же строения скалы громоздятся на бесплодных вершинах гор, на их обрывистых краях и склонах, на крутых утесистых берегах рек. Только на юге находятся горные отроги и между ними долины, в почвах которых изобилует шифер, а местами и чернозем, смешанный с глиной.

По данным Б. Ф. Добрынина площадь Лакии составляет

1271 кв. версту или 132660 десятины, пахотной же земли здесь всего 7783 десятины или около 6% территории¹.

Территория лакцев почти безлесна, только 1,6% земли находится под кустарниковым лесом (в Лакском и Кулинском районах). Деревья, образующие леса, преимущественно чинаровые, реже береза и дуб.

На климат Лакии значительное влияние оказывают близость снежных вершин гор и наличие большого количества рек и источников. Все реки, орошающие Лакию, берут начало с гор, расположенных на юге и юго-западе, и текут на север. Самая большая река — Казикумухское Койсу. Она берет начало на Дульты-даге, протекает по всей территории лакцев, пересекая ее с юга на север, а после Цудахарского ущелья, соединившись с Акушинкой, поворачивает на запад и сливается у Гергебиля с Кара-Койсу.

Из-за вытянутости территории Лакии с севера на юг, а также потому, что к югу она повышается, климатические условия здесь не везде одинаковы. В северной, более низкой части территории растительность созревает раньше, чем в южной.

* *
*

Многие вопросы истории и этнографии лакцев до сих пор не разработаны в достаточной мере, хотя отдельные стороны их хозяйства, быта и культуры одновременно привлекали внимание исследователей.

Однако никем из них не ставилась задача комплексного изучения этнографических вопросов, позволяющая создать цельную картину социально-экономических отношений, материальной и духовной культуры лакцев.

По ряду народов Дагестана такие исследования уже проведены², по другим народам начаты.

¹ Б. Ф. Добрылин. География Дагестанской АССР. Буйнакск, 1926, стр. 82.

² С. Ш. Гаджиева. Материальная культура кумыков, Махачкала, 1960; Её же. Кумыки. Историко-этнографическое исследование, М., 1961; А. И. Алнев. Социалистическое преобразование культуры и быта даргинцев, 1953 (рукопись кандидатской диссертации); Народы Дагестана, М., 1955; С. С. Агаширинова. Материальная культура лезгин, 1958 (рукопись кандидатской диссертации); М. М. Ихтилов. Народности лезгинской группы. Махачкала, 1967; М.-Х. А. Агларов. Андийцы, 1966 (рукопись кандидатской диссертации); Социалистическое преобразование культуры и быта народов Дагестана (рукопись коллективной монографии); С. Ш. Гаджиева, М. О. Османов, А. Г. Пашаева. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967; Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967; С. Х. Асиятилов. Историко-этнографические очерки хозяйства аварцев. Махачкала, 1967; Г. А. Сергеева. Арчицы. М., 1967.

Данная работа является первым опытом монографического изучения лакцев. В ней делается попытка осветить хозяйственные занятия, материальную и духовную культуру, общественный и семейный быт лакского народа на значительном отрезке времени, охватывающем период XIX—начала XX вв. на фоне его политической и социальной истории. Работа написана главным образом на основе полевого этнографического материала, собранного во время научных командировок в лакские районы в 1963—1966 годах. Кроме того, при написании работы широко использовались архивные материалы, памятники обычного права, специальная историческая и этнографическая литература.

* *
*

Первое конкретное упоминание о лакцах мы встречаем у А. Олеария: «За Тарку в горах к западу находятся еще другие, которые зовутся кумуки или казикумуки, каждое из этих племен имеет особые своих государей»³.

Последующие источники по лакцам условно можно разделить на несколько периодов.

Первый период—XVIII—начало XIX вв., время, когда после персидского похода Петра I русское правительство стало проявлять большой интерес к Дагестану и его народам. Интерес этот вызывался чисто стратегическими, военными соображениями, и сведения авторов того времени о народах Дагестана в основном отвечают именно этим потребностям.

Вначале сведения о лакцах, сообщавшиеся русскими исследователями и путешественниками, были очень скупы. Они охватывали преимущественно местоположение населенных пунктов, занятия населения, имена правителей и названия некоторых аулов.

Так, И. Г. Гербер в своем «Описании стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря», относящемся к 1728 году, сообщает, что лакцы живут между горами подле карахайдаков и Табасарана, «а от зюйду и от весту высокими горами обняты, которые через весь год снегом покрыты»⁴. Автор указывает, что несмотря на горный рельеф Лакии, здесь есть также места, удобные для хлебопашества, однако отмечает холодный климат края и связанное с этим позднее

³ А. Олеарий. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб, 1906, стр. 498.

⁴ «История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв.» Архивные материалы под редакцией М. О. Косвепа и Х.-М. О. Хашаева (в дальнейшем ИГЭД). М., 1958, стр. 102.

поспевание урожая. Этнографических сведений И. Г. Гербер не дает.

Характерен для того времени очерк о Лакии Ф. Ф. Симоновича, содержащийся в его «Описании Южного Дагестана» (1796 г.). Так же, как и Гербер, он указывает местоположение и границы Лакии, но помимо этого дает краткую характеристику трем населенным пунктам Лакии: Кумуху, Кули, Хосреху. Автор пытается также дать свое толкование этногенеза лакцев, сообщая, что «народ сей поселился, по свидетельству некоторых персидских летописей, при шахе Абумеселиме из Гильяна и состоял при духовном чиновнике казы, под владением Шамхаловым». Он по-своему объясняет и происхождение названия «казыкумук». Из этого же очерка можно почерпнуть кое-какие сведения о занятиях населения Лакии и доходах казыкумукского хана.

В 1804 году А. И. Ахвердов сообщает о владении «казыкумуцком», что оно «довольно обширно» и его владетель Сурхай-хан может всегда собрать от 7000 до 8000 войска. Здесь же отмечается, что суровыми мерами наказания он искоренил воровство в своем владении. Говоря о занятиях жителей, он подчеркивает, что среди отраслей скотоводства здесь наиболее развито овцеводство. Впервые в этом сообщении встречается упоминание о том, что лакцы «делают также шелк»⁶.

Некоторые сведения о нагорном Дагестане вообще и о лакцах в частности можно почерпнуть у Ф. И. Гене, который в 1833 году производил военно-топографические работы в Дагестане. Наряду с общими сведениями о нагорном Дагестане автор сообщает некоторые конкретные данные о занятиях лакцев, дает характеристику отдельных населенных пунктов, а также дорог, связывающих эти населенные пункты Лакии между собой и всех лакцев с другими народами Дагестана и Кавказа⁷.

Очень ценны сведения И. А. Гильденштедта о кавказских, в частности, дагестанских народах, собранные им в поездке по Кавказу в 70-х гг. XVIII века. Он приводит названия 102 населенных пунктов Лакии, причем многие из них даются в лакском звучании, например, Гукал (позже, официально, Табахлу), Куркуль, Кундими, Чушуль и т. д. Интересно, что кварталы Кумуха Чилейми и Цувади названы здесь самостоятельными селениями.

По преданиям, Кумух образовался из нескольких отдель-

ных селений, которые долго еще сохраняли свои различия в языке, а кварталы Чилейми и Цувади считались в народе более отсталыми, за что их называли Алчи. По-видимому, какое-то обособление этих кварталов от остальных было еще сильно в Кумухе XVIII в., что и дало повод Гильденштедту трактовать их как отдельные селения, находящиеся рядом с Кумухом, который он называет «Кумбаза»⁸ (большой базар, по-лакски).

Некоторые сведения о лакцах содержит известное сочинение С. Броневского «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе» (М., 1828). Особенно интересна здесь характеристика образа правления во владении Казыкумукском, который С. Броневский относит к монархическому, или «единоначальному» правлению «по временным обстоятельствам и личной власти нынешнего Сурхай-Хана». С. Броневский сообщает также сведения о населении и количестве населенных пунктов Лакии.

Важным источником для изучения истории Дагестана является труд А.-К. Бакиханова «Гюлистан-Ирам»⁹, освещающий ряд важнейших вопросов истории Дагестана и Ширвана, начиная с древнейших времен и кончая XVIII веком. Кроме обзора политической истории, автор сообщает сведения о происхождении отдельных народов и населенных пунктов Дагестана. Однако с мнением автора о происхождении лакцев от руссов, которое он излагает не только здесь, но и в отдельной статье, посвященной происхождению народов Дагестана¹⁰, невозможно согласиться, так как это мнение не имеет под собою реальной почвы и основано на случайном совпадении звучания отдельных слов, например, лакского приветствия «изров» и русского «здоров»¹¹.

Вторая группа источников относится ко второй половине XIX—началу XX вв. Она связана с именами не только военнослужащих, собиравших различные сведения о Кавказе, но и ученых, путешественников, интересовавшихся народами Дагестана. Публикуются отдельные статьи лиц, проводивших в Лакии некоторый период времени на службе (например, медиков).

В этот период появляются также исследования местных этнографов, особенно ценные обилием фактического материала. Они показывали жизнь лакцев такой, какой воспринимали ее выходцы из самого лакского народа.

После окончания Кавказской войны кавказская лингвисти-

⁸ Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия акад. И. А. Гильденштедта через Россию и по кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 годах. СПб., 1809, стр. 132—133.

⁹ А.-К. Бакиханов. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926.

¹⁰ А.-К. Бакиханов. Происхождение племен, населяющих нынешние Закавказские провинции. «Кавказ», 1848, № 1.

¹¹ А.-К. Бакиханов. Гюлистан-Ирам, стр. 14.

⁵ Ф. Ф. Симонович. Описание Южного Дагестана. ИГЭД, стр. 159.

⁶ А. И. Ахвердов. Описание Дагестана. 1804. ИГЭД, стр. 225.

⁷ Ф. И. Гене. Сведения о горном Дагестане. 1835/36 г. ИГЭД, стр. 340—352.

ка и этнография обогатились трудами П. К. Услара. Он исследовал языки народов Дагестана, в том числе и лакский¹². Им же впервые были записаны и опубликованы некоторые лакские сказки.

Переводчиком и помощником П. К. Услара в его работе среди лакцев был Абдулла Омаров, «молодой человек, весьма даровитый и трудолюбивый», по отзыву Услара.

Произведения А. Омарова, особенно этнографические очерки «Как живут лаки»¹³ и «Воспоминания муталима»¹⁴ представляют собою энциклопедическое описание жизни и быта лакцев в первой половине XIX века и до сих пор не потеряли своей познавательной и научной ценности. В этих произведениях нет, пожалуй, ни одной стороны жизни лакцев, которую бы не затронул автор, лакцы представлены им как в повседневном труде и быту, так и на праздниках, свадьбах и т. д. Он знакомит нас с поверьями лакцев, с приемами народной медицины, с системой обучения грамоте в примечетской школе, рисует жестокие нравы феодальных правителей Лакии.

К 60-м годам XIX в. относится и публикация А. В. Комарова, собравшего и систематизировавшего дагестанские алаты¹⁵. В ряде мест этой работы дается материал и по Казикумухскому округу.

Определенный интерес для изучения материальной культуры лакцев представляют сведения, сообщаемые Н. И. Вороновым в его работе «Из путешествия по Дагестану»¹⁶. Наиболее интересны здесь данные об одежде лакских женщин, а также этнографическое описание старинного массового лакского танца. Правда, заметки эти беглы, как и у других путешественников, но для нас они ценны как свидетельство очевидца.

В 1871 году появляется первая книга первого тома «Истории войны и владычества русских на Кавказе», известного труда академика Н. Ф. Дубровина. В специальном разделе «Дагестанские горцы» даются разнообразные сведения о лаках и других народах Дагестана¹⁷.

Летом 1882 года во время своей поездки по Дагестану Лакию посетил Д. Н. Анучин. Он сообщает некоторые исто-

рические сведения о достопримечательностях Кумуха (мечети), о занятиях населения, о верованиях его¹⁸.

Краткие этнографические сведения о лаках (поселения, жилища, одежда, домашний быт) можно найти и в отчете К. Ф. Гана о путешествии в Кахетию и Дагестан в 1898 году¹⁹.

Интересные данные о Казикумухском округе сообщает медик Н. М. Трипольский. Рассказ о распространенных в Лакии болезнях он сопровождает описанием географических, экономических и бытовых условий лакцев. Причины многих заболеваний в Лакии, особенно у детей, он справедливо видит в бедственном положении трудящихся масс, в неблагоустроенности их жилищ, в антисанитарии, в скудости одежды и пищи. Статья пронизана сочувствием к простому народу²⁰.

С этой статьей перекликается письмо лекарского помощника Н. Данилова к медику Казикумухского округа Ф. Я. Сивицкому²¹.

Значительный интерес для исследователя представляют статьи, в разное время публиковавшиеся в газетах «Кавказ», «Каспий», «Новое обозрение», «Черноморский вестник», а позже в газете «Дагестанские ведомости».

В 1851 году в газете «Кавказ» появляется анонимная статья «Аул Кумух»²², с кратким описанием местности вокруг селения, занятий жителей, некоторых построек.

Более полны сведения, которые даны в статье «Казикумухский округ», помещенной в 1890 г. в газете «Новое обозрение»²³. В статье описываются природно-географические условия Лакии, рассказывается об административном делении округа, а также даются некоторые сведения о жилищах и пище лакцев; здесь же говорится о развитии ремесел и отходничества в Казикумухском округе, о социальных болезнях лакцев.

Автор другой статьи, помещенной в «Новом обозрении»²⁴, Д. Б. Бугаев сообщает подобные же сведения относительно селения Кумух, но в отличие от других авторов подчеркивает положительные стороны отходничества — приобщение к рус-

¹² П. К. Услар. Лакский язык. Тифлис, 1890.

¹³ А. Омаров. Как живут лаки. Сборник сведений о кавказских горцах (в дальнейшем ССКГ), вып. III—IV, Тифлис, 1870.

¹⁴ А. Омаров. Воспоминания муталима. ССКГ, I—II, Тифлис, 1868, 1869 гг.

¹⁵ А. В. Комаров. Алаты и судопроизводство по ним. ССКГ, вып. I, 1863.

¹⁶ Н. И. Воронов. Из путешествия по Дагестану. ССКГ, III, 1870.

¹⁷ Н. Ф. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, т. I, кн. I, СПб, 1871.

¹⁸ Д. Н. Анучин. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 года. Известия Русского географического общества (в дальнейшем Изв. РГО), 1884, т. XX, вып. 4.

¹⁹ К. Ф. Ган. Путешествие в Кахетию и Дагестан (летом 1898 г.). Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (в дальнейшем СМОМПК), вып. XXXI, Тифлис, 1909.

²⁰ Н. М. Трипольский. Казикумухский округ. «Медицинский вестник», № 36, 1865, стр. 345.

²¹ Н. Данилов. Из письма лекарского помощника медику Казикумухского округа Ф. Я. Сивицкому. Кавказ (в дальнейшем—«К»), 1864, № 98.

²² Аул Кумух, «К», 1851, № 79.

²³ Казикумухский округ. «Новое обозрение», 1890, № 2159.

²⁴ Д. Б. Бугаев. Казикумух. «Новое обозрение», 1891, № 2750.

ской культуре, в частности замена глиняного пола досчатым, появление застекленных рам в окнах, русских печей, железных крыш вместо глинобитных, некоторых предметов мебели, а также употребление нижнего и постельного белья и т. п.

Следует упомянуть еще о статье П. С. Пржецлавского «Дагестан, его нравы и обычаи»²⁵. Хотя автор статьи имеет в виду не только лакцев, но и население других округов Дагестана (Гунибского, Аварского и Андийского), однако здесь можно найти любопытные сведения о разных сторонах жизни лакцев — их хозяйстве, семейном быте, обрядах, материальной культуре.

Большим вкладом в изучение обычного права горцев Кавказа и их общественного быта явилась работа видного кавказоведа М. М. Ковалевского «Закон и обычай на Кавказе»²⁶.

М. М. Ковалевский побывал в Дагестане, в частности в Лакии, и собрал обширный материал по обычному праву, обрядам и верованиям лакцев. Лакский материал, наряду со сведениями о других народах Дагестана, автор широко использовал в указанной работе.

В начале 1880-х гг. появляется первое исследование по антропологии кавказских горцев—работа Р. Эркерта «Антропологические измерения кавказских народов и описание измеренных субъектов»²⁷. Наряду с представителями других народностей Кавказа он дает здесь описание трех лакцев (по признакам: цвет волос, размер и цвет глаз, форма и длина носа, профиль лица, ширина скул, нижняя челюсть, лоб, голова), сопровождая это описание измерениями. По соотношению отдельных показателей он делает несколько неожиданный вывод о степени «благородства» каждого индивидуума.

Определенный интерес для изучения занятий лакцев, а также сословных отношений у них представляют очерки А. Дирра²⁸.

Краткие сведения о лакцах, их занятиях, положении женщин сообщает в своих путевых заметках В. Сидоров²⁹.

А. Александров и С. Лобанов, путешествовавшие в начале XX в. по Дагестану, побывали в Темир-Хан-Шурином, Ка-

²⁵ П. С. Пржецлавский. Дагестан, его нравы и обычаи. «Вестник Европы», 1863, т. 3.

²⁶ М. М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе. Т. II, М., 1890.

²⁷ Р. Эркерт. Антропологические измерения кавказских народов и описание измеренных субъектов. «Известия Кавказского отделения русского географического общества» (в дальнейшем ИКОРГО), т. VII, 1882—1883.

²⁸ А. Дирр. Очерки по этнографии Дагестана. IV Кумух и лаки. «К», 1903, № 284.

²⁹ В. Сидоров. По России. Путевые заметки и впечатления, ч. 2, Кавказ, СПб, 1897.

зикумухском и Аварском округах и записали некоторые поверья, описали обряды и методы народной медицины дагестанцев, в том числе лакцев³⁰.

В конце XIX—начале XX вв. в различных изданиях появляются статьи вышеупомянутого Д. Б. Бутаева, лакца по национальности, высокообразованного человека, лесничего Казикумухского и Гунибского округов, посвященные различным вопросам истории и этнографии лакцев.

Большой интерес для этнографа представляют, в частности, его статьи: «Ловля жениха»³¹, «О происхождении землепользования, известного в Казикумухском округе под названием «Барт-Урту, Духра и Ква»³², «Из жизни Нагорного Дагестана»³³, «Дорога из Кумуха в Гуниб через Чох»³⁴, «Свадьба лакцев (казикумухцев)»³⁵, рукопись статьи «Нагорный Дагестан»³⁶.

В этих статьях описываются отдельные стороны быта лакцев. Наиболее ценна в этом отношении «Свадьба лакцев (казикумухцев)», которая очень полно, со множеством интересных деталей, описывает свадебный обряд лакцев — жителей сел. Кумух.

Значительным вкладом в этнографию лакцев является исследование А. Т. Васильева «Кази-кумухцы»³⁷. Эта работа дает довольно полное представление о материальной и духовной культуре лакцев, их семейном и общественном быте в конце XIX века.

Несколько позже кавказская этнографическая наука обогатилась работами Г. Ф. Чурсина. Его статьи на различные этнографические темы содержат ценный и разнообразный материал, рисующий быт народов Дагестана, в том числе лакцев.

Для исследователя духовной культуры народов Кавказа и Дагестана большой интерес представляют сведения, собранные им в «Очерках по этнологии Кавказа»³⁸. Непосредствен-

³⁰ А. Александров и С. Лобанов. Заметки из путешествия по Дагестану. «Этнографическое обозрение» (в дальнейшем ЭО), 1910, № 1, 2.

³¹ Д. Б. Бутаев. Ловля жениха. «Каспий», 1906, № 38.

³² Д. Б. Бутаев. О происхождении землепользования, известного в Казикумухском округе под названием «Барт-Урту, Духра и Ква». «Дагестанские ведомости», 1910, № 1.

³³ Его же. Из жизни Нагорного Дагестана. «Дагестанские ведомости», 1912, № 13.

³⁴ Его же. Дорога из Кумуха в Гуниб через Чох. ИКОРГО, т. XXXIII, № 3, 1915.

³⁵ Его же. Свадьба лакцев (казикумухцев). ЭО, 1916, № 1, 2.

³⁶ Его же. Нагорный Дагестан. Рукописный фонд Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР (в дальнейшем — РФИ), ф. 5, оп. I, д. 26.

³⁷ А. Т. Васильев. Кази-кумухцы. ЭО, 1899, № 3.

³⁸ Г. Ф. Чурсин. Очерки по этнологии Кавказа. Тифлис, 1913.

ное отношение к лакцам имеют его статьи «Праздник выхода плуга у горских народов Дагестана»³⁹, «Свадебные обычаи и обряды на Кавказе»⁴⁰. Факты, собранные более ранними исследователями, получают у него глубокое научное обобщение.

Крупным вкладом в историю и этнографию лакцев является разностороннее исследование С. Габиева «Лаки, их прошлое и быт»⁴¹. В этой работе характеризуются основные вехи истории лакцев с древнейших времен до конца XIX века. Хотя в исторической части своего сочинения автор находится под определенным влиянием официального кавказоведения, этот труд, особенно его этнографический раздел, совершенно оригинален и представляет большой научный интерес. Это одно из самых содержательных и полных дореволюционных исследований по истории и этнографии лакцев.

Сравнительно большой статистический материал по нашей теме содержится в «Обзорах Дагестанской области» (издававшихся с 1892 по 1915 г. ежегодно), в «Кавказском календаре» (издавался с 1846 по 1917 год), в «Сборниках сведений о кавказских горцах», в «Сборниках сведений о Кавказе», «Сборниках материалов для описания местностей и племен Кавказа», в двух выпусках «Дагестанского сборника» (в 1902 и 1904 гг.).

После Великой Октябрьской социалистической революции работа по этнографическому изучению народов Дагестана резко усиливается.

Труды лакского историка Али Каяева как бы перекидывают мостик между дореволюционными и советскими исследованиями. Прекрасно владея арабским языком, автор был хорошо знаком с арабскими источниками о Дагестане, и повидимому не только с теми, которые известны нам в переводах Н. А. Караулова, но и с другими, неизвестными нам; к сожалению, Каяев приводит этот материал без указания источников, что значительно снижает его ценность. В его работах мы находим обзор истории народов Дагестана, в частности лакцев, с XVII по XIX в. включительно, а также ряд ценных сведений по сословным и земельным отношениям лакцев в дореволюционный период. Немало здесь сведений, относящихся к XVIII—началу XIX вв., которые автор кропотливо собирал по записям на полях арабских книг⁴².

³⁹ Его же. Праздник выхода плуга у горских народов Дагестана. Бюллетень Кавказского историко-археологического института в Тифлисе, вып. 4, 1928.

⁴⁰ Его же. Свадебные обычаи и обряды на Кавказе. Сборник «Весь Кавказ», вып. 1, 1903.

⁴¹ С. И. Габиев. Лаки, их прошлое и быт. СМОИМК, вып. 36, 1906.

⁴² А. Каяев. Материалы по истории лаков. РФИ, ф. 1, оп. 1, д. 444.

Большой интерес представляют и лакские поверья, записанные А. Каяевым⁴³.

В 30—40-е годы XX в. усиливается интерес к художественным промыслам лакцев, публикуются работы о балхарских мастерах⁴⁴, о лакских ювелирах⁴⁵.

После Великой Отечественной войны началось систематическое изучение истории, археологии и этнографии народов Дагестана. Вначале исследования проводили московские ученые, затем после подготовки местных научных кадров через различные институты Академии наук СССР в эти исследования включились ученые нашей республики.

Первым из местных советских ученых большой вклад в изучение этнографии народов Дагестана, в том числе и лакцев, внес проф. Р. М. Магомедов. В 1936—1947 гг. им были собраны «Материалы по историко-этнографическому обследованию лаков», которые, к сожалению, пока не опубликованы, но в значительной мере использованы, как отмечает сам автор, в его известном труде «Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII—начале XIX в».

Следует отметить, что послевоенные годы характеризуются началом археологического⁴⁶ и этнографического обследования Лакии. Ряд ценных сведений по лакской истории, в том числе и более ранней, был собран и опубликован Л. И. Лавровым⁴⁷. Им устанавливается факт первоначального пребывания шамхалов, позже известных под именем Тарковских, в Кумухе, а также исследованы вопросы распространения ислама в Лакии. Социалистическим преобразованиям в быту и культуре лакцев посвящена его статья «Советская культура и быт лаков»⁴⁸. Значительный интерес представляют также его статьи, посвященные лакцам и помещенные в коллективных трудах «Народы Дагестана» и «Народы Кавказа» (т. 1)⁴⁹. Ряд интересных сведений по лакцам находим мы в последней

⁴³ А. Каяев. Лакские поверья. 1931 г., РФИ, ф. 8, оп. 1, д. 165.

⁴⁴ Е. М. Шиллинг. Орнаментальное искусство Дагестана. Альманах «Творчество народов СССР», 1. М., 1937.

⁴⁵ Е. М. Шиллинг. Изобразительное искусство народов Дагестана. Доклады и сообщения исторического ф-та МГУ, 1950, кн. 9.

⁴⁶ Л. И. Лавров. Раннесредневековый могильник в Нагорном Дагестане. Сборник МАЭ, т. XIII, М.—Л., 1951; Р. М. Мунчаев. Археологические исследования в Нагорном Дагестане в 1954 году. КСИИМК, 71.

⁴⁷ Л. И. Лавров. Некоторые итоги Дагестанской экспедиции 1950—1952 гг. КСИЭ, вып. 19, 1953; его же. Из эпиграфических находок Дагестанской экспедиции. Сборник МАЭ, т. XVII, М.—Л., 1957; его же. Некоторые вопросы истории лаков. РФИ, ф. 3, оп. 3, д. 2.

⁴⁸ Л. И. Лавров. Советская культура и быт лаков. В кн: «Вопросы этнографии Кавказа». Тбилиси, 1952.

⁴⁹ Народы Дагестана, М., 1955, стр. 152—178; Народы Кавказа, т. 1, М., 1960.

работе Л. И. Лаврова «Эпиграфические памятники Северного Кавказа»⁵⁰.

Содержательные вопросы лакской истории получили освещение в отдельных статьях М.-С. Саидова⁵¹ и А. Р. Шихсаидова⁵².

Значительный интерес для истории и этнографии лакцев представляют работы Р. Г. Маршаева «Лаки с древнейших времен до VII в.» и «Лаки в XV—XVII вв.»⁵³, в которых он затрагивает социально-экономические проблемы и вопросы этнической истории лакского народа. Автор — сторонник миграционной теории происхождения лакцев, для доказательства которой он пользуется данными клинописей Урарту и Двуречья, а также данными лингвистики и топонимики. Однако в его трудах совершенно не нашли отражения работы дагестанских археологов, красноречиво свидетельствующие о заселенности Дагестана с самых древних времен. Одному из вопросов средневековой лакской истории посвящена статья этого же автора «О термине «шамхал» и резиденции шамхалов»⁵⁴.

Определенный интерес представляет неопубликованный этнографический очерк о лакцах Л. Б. Панек⁵⁵.

Вопросам металлообработки у лакцев посвящены две статьи, появившиеся в 1958 году, — «Металлообработка у лаков (по этнографическим материалам)» Д. Габиева⁵⁶ и «Художественная обработка металла в лакском селении Кумух в XIX—начале XX вв.» Н. М. Ильчука⁵⁷, а также кандидатская диссертация Д. Габиева.

Ценным вкладом в историю народов Дагестана, в том числе лакцев, являются монографии дагестанских ученых Р. М. Магомедова «Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII—начале XIX вв.» (Махачкала, 1957), Х.-М. О. Хашаева «Общественный строй Дагестана в XIX веке» (М., 1961). В обоих исследованиях отдельные

параграфы посвящены истории и этнографии лакского народа.

Интересные данные о наличии у лакцев в прошлом большой семьи приводит С. Ш. Гаджиева в своем исследовании «Семья и семейный быт народов Дагестана в XIX—XX вв.»⁵⁸.

Для выяснения вопросов этногенеза дагестанских народов большое значение имеет исследование А. Г. Гаджиева «Происхождение народов Дагестана» (по данным антропологии)⁵⁹.

Работая над монографией, мы пользовались сборником архивных материалов «История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв.» (М., 1958, под ред. М. О. Косвена и Х.-М. О. Хашаева), а также материалами Дагестанского центрального государственного архива, Рукописного фонда Института ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР, коллекциями Дагестанского краеведческого музея.

⁵⁰ Л. И. Лавров. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. М., 1966.

⁵¹ М.-С. Саидов. Данные о некоторых памятниках материальной культуры в лакских районах. Уч. зап. ИИЯЛ, т. 3, 1957.

⁵² А. Р. Шихсаидов. О пребывании монголов в Рича и Кумухе. Уч. зап. ИИЯЛ, т. 4, 1958; его же. О проникновении христианства и ислама в Дагестан. Уч. зап. ИИЯЛ, т. 3, 1957.

⁵³ Р. Г. Маршаев. Лаки с древнейших времен до VII в. РФИ ИЯЛ, ф. 3, оп. 1, д. 51. Лаки в XV—XVII вв. РФИ, ф. 3, оп. 1, д. 56.

⁵⁴ Его же. О термине «шамхал» и резиденции шамхалов. Уч. зап. ИИЯЛ, т. VI.

⁵⁵ Л. Б. Панек. Лаки. РФИ, ф. 5, оп. 1, д. 37.

⁵⁶ Д. Габиев. Металлообработка у лаков. Уч. зап. ИИЯЛ, т. 4, 1958.

⁵⁷ Н. М. Ильчук. Художественная обработка металла в лакском селении Кумух в XIX—начале XX вв. СЭ, 1958, № 3.

⁵⁸ С. Ш. Гаджиева. «Семья и семейный быт народов Дагестана в XIX—XX вв.». РФИ, ф. 3, оп. 3, д. 195.

⁵⁹ А. Г. Гаджиев. Происхождение народов Дагестана. Махачкала, 1965.

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ И СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ ЛАКЦЕВ В XIX—НАЧАЛЕ XX вв.

Лакцы называют себя «лак», а свой край «лакрал кІану» (место лаков). Соседи именуют лакцев по-разному: аварцы — «пумал»; даргинцы — «вулугуни», «вулечуни», «лагла» (акучинцы); лезгины — «яхулви».

Неоднократно предпринимались попытки объяснить самоназвание лакцев и происхождение их. Так, В. И. Абаев ошибочно проводил параллель между самоназванием «лак» и терминами «лаг» и «лы», обозначающими крепостного, с осетинским словом «лаег» (человек и мужчина). М. Алиханов-Аварский писал, что самоназвание лакцев на малайском наречии острова Явы означает «человека»¹. П. К. Услар указывал на лингвистическое сходство термина «лак» с названием классических «легов», обитавших в Дагестане в начале нашей эры. Он же обратил внимание на близость этого термина к имени Лекоса, мифического прародителя всех дагестанских народов по грузинской летописи².

В XIX в. возникла миграционная теория происхождения лакцев, которой придерживались многие исследователи. Так, А.-К. Бакиханов считал лакцев смесью русских, гуннов, исторических аваров, хазар, арабов и камаков, причем по его мнению большая часть лакцев будто бы происходит от племени руссов. Для доказательства этого он пользовался случайным признаком: «Жители Казыкумыха сохранили наружные приметы и некоторые обычаи славян и поныне, приветствуя друг друга, снимают шапки и говорят «изров», что сходствует с русским «здоров»³.

П. К. Услар считал, что лакцы переселились из более северных земель⁴. А. М. Алиханов-Аварский производил лакцев от пуннов. Одновременно с этим он уверял, что лакский

¹ М. Алиханов-Аварский. В горах Дагестана. Путевые впечатления и рассказы горцев. «Тифлисский листок», 1899, № 5.

² П. К. Услар. Лакский язык. Тифлис, 1890, стр. 1—2.

³ Бакиханов. Происхождение племен, населяющих нынешние закавказские провинции. К., 1848, № 1; его же Гулистан-Ирам, стр. 14.

⁴ П. К. Услар. Указ. соч., стр. 30.

и другие языки Дагестана якобы находятся в генетическом родстве с языками Индии, Малайи и Дальнего Востока.

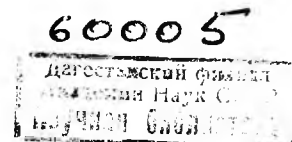
Н. Я. Марр в 1917 году высказал гипотезу о переселении лакцев из древнего Урарту. С. Колокольцев писал, что казыкумухи являются, по-видимому, остатками древнего народа кумух, греческого коммачена, набеги которого в VII в. до н. э. разоряли Малую Азию. По С. Габиеву, лакцы, как и другие кавказские народы, являются оттесненными в горы осколками каких-то крупных народов, проживавших в некую эпоху в соседних степях. А. Гасанов считал, что до VII века нагорная часть Дагестана не имела оседлого населения, так как эта область была спорной между иранскими шахами и хазарами, и при победах то одной, то другой стороны каждая поселяла здесь своих соплеменников. Кроме того, он предполагал, что дагестанские племена могли возникнуть на почве смешения рас в Эламо-Мидийских горах и затем постепенного их продвижения на север в порядке очередных этапных переселений под нажимом более сильных врагов⁵. Что касается непосредственно лакцев, А. Гасанов предполагал, что предки их до своего водворения на Кавказе произошли от смешения хетского племени кумухов, сирийского кочевого племени лаков и каких-то кавказских аборигенов⁶. Все это, на наш взгляд, построено на случайных созвучиях племенных названий и на ошибочных логических построениях.

Как отмечалось выше, в наши дни сторонником миграционной теории происхождения лакцев является дагестанский историк Р. Г. Маршаев.

В доантичную эпоху (в VIII в. до н. э.) он находит лакцев в северной части Месопотамии по среднему течению реки Евфрат к югу от современного города Мелетены в стране Куммух или Катмухи. Они живут здесь в условиях государственности, занимаются земледелием, скотоводством и ремеслами. Нашествие скифов и киммеров дало толчок к продвижению лакцев в сторону Кавказа. По материалам топонимики Закавказья Р. Г. Маршаев делает попытку проследить пути продвижения куммухов в Дагестан. При этом автор часто приводит интересный языковой материал, хотя нельзя не отметить произвольной интерпретации его во многих случаях. По мнению Р. Г. Маршаева, дагестанские горы служили для лакцев убежищем, где они скрывались от теснивших их более сильных племен. Поэтому этноним «лак» он возводит к понятию «лакэсса» — высокий, а название «Лакрал кІану»

⁵ Г.-Э. Алкадари. Асари Дагестан. Махачкала, 1929. Примечания А. Гасанова, стр. 12, 171.

⁶ См. Л. И. Лавров. Эпиграфические памятники Северного Кавказа X—XVII вв. М., 1966, стр. 179.

(место лакцев) к «лакIрай буккан» (название детской игры в прятки) ⁷.

На наш взгляд, отождествление понятий «лак» (лакцы), «лакъсса» (высокий) и «лакIрай буккан» (играть в прятки) совершенно неправомерно по той причине, что все эти слова имеют в лакском языке совершенно разное звучание, хотя в русском написании они и сходны. В слове «лак» «а» звучит редуцированно, как звук средний между «е» и «я». Скорее всего, в этническом имени лакцев сохраняется название классических «легов», как и в даргинских названиях лакцев.

При изучении вопроса об этногенезе того или иного народа необходимо использование и сопоставление всей совокупности данных археологии, лингвистики, антропологии. Материалы же археологических раскопок в Дагестане убедительно свидетельствуют о населенности его с древнейших времен, о глубочайшей древности исторического процесса на территории Дагестана (с палеолита). Набор орудий каменного века из стоянок в горной части Дагестана (многослойная Чохская стоянка, Ругуджинские стоянки) говорит о том, что древнейшие насельники Дагестана уже переходили к оседлому образу жизни от охотничье-собирательного хозяйства к производящему, основанному на первобытном земледелии и скотоводстве (тесловидные топоры, вкладыши от составных серпов и т. д.) ⁸.

Таким образом археологические данные свидетельствуют о том, что палеолитические и мезолитические племена горного Дагестана не были случайными пришельцами, а являлись постоянными его обитателями ⁹.

Судя по материалам археологических раскопок, к началу эпохи бронзы уже сложились основные элементы дагестанского горского поселения с характерным ступенчатым расположением прямоугольных каменных жилищ. По-видимому в эту эпоху часты были межплеменные столкновения, так как при выборе места для поселения решающую роль играл оборонный фактор. Вместе с тем расположение горных поселений в речных долинах или поблизости от них, а также вблизи достаточного количества пастбищных угодий свидетельствует о дальнейшем развитии земледелия и животноводства в нагорном Дагестане. В частности о развитии земледелия свидетельствует бытование некоторых аграрных культов, о которых можно судить по орнаментальному сюжету верхнегунибских

глиняных рельефов. О развитом пашенном земледелии говорят и находки печей «коров» для обжаривания зерна и выпечки хлеба ¹⁰. Эти печи, а также своеобразная система отопления жилища в бронзовом веке (обогреваемая лежанка) дожили до наших дней.

Можно предполагать, что бурный рост производительных сил в бронзовом веке и особенно развитие скотоводства и металлургии приводят к возникновению имущественной дифференциации внутри отдельных племен, к выделению племенной знати.

Интенсивное развитие сельскохозяйственно-скотоводческого хозяйства продолжается и в железном веке. К этому времени относится развитие прядения и ткачества. А родовые отношения оформляются в виде строя военной демократии ¹¹.

В целом данные археологии свидетельствуют о непрерывности исторического процесса на территории нагорного Дагестана, начиная с каменного века, и у нас нет никаких оснований предполагать, что этот процесс миновал территорию расселения лакцев. Физико-географические условия этой территории всегда были благоприятны для жизни человека; а земли, пригодные для земледелия в Лакии, должны были обеспечить потребности в зерне сравнительно небольшого населения. Наличие же прекрасных альпийских пастбищ должно было способствовать развитию животноводства. Кроме того, территория расселения лакцев, расположенная в самом центре нагорного Дагестана, издавна пересекалась путями сообщения одних народов с другими.

Обратимся к данным лингвистики. Все дагестанские языки делятся на три подгруппы: аваро-андо-дидойская, даргинско-лакская и лезгинская. Наличие большого количества слов, общих для всех дагестанских языков и обозначающих тождественные понятия, связанные с древнейшей трудовой деятельностью человека, а также тесное структурное родство дагестанских языков, привело языковедов к выводу о существовании в древности одного дагестанского праязыка, бытование которого они относят ко времени не ближе III тысячелетия до н. э. ¹². Однако общность выявляется не только внутри дагестанской группы языков. Дагестанские языки составляют одну из групп иберийско-кавказских языков, к которым относятся, кроме дагестанских, картвельские, абхазско-адыгейские и вейнахские языки. Изучение иберийско-кавказских

⁷ Р. Г. Маршаев. Обзор источников и литературы по истории лаков до начала XVIII в. РФИ, ф. 3, оп. 1, д. 45, стр. 3.

⁸ В. Г. Котович и Н. Б. Шейхов. Археологическое изучение Дагестана за 40 лет. Уч. записки ИИЯЛ, т. VIII, 1960, стр. 334.

⁹ В. Г. Котович. Каменный век Дагестана. Махачкала, 1964, стр. 222.

¹⁰ В. М. Котович. Верхнегунибское поселение-памятник эпохи бронзы горного Дагестана Махачкала, 1965.

¹¹ М. Н. Пикуль. Хабадинский могильник. Материалы по археологии Дагестана (в дальнейшем МАД), т. II. Махачкала, 1961.

¹² Е. А. Бокарев. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961, стр. 17—18.

языков показывает, что «чем больше углубляемся мы в их прошлое, тем ярче наблюдается существующая между ними общность»¹³. В настоящее время выявлено много общих черт, характерных для иберийско-кавказских языков в словообразовании, склонении, спряжении, в лексике. Все больше удается установить и звуковых соответствий между отдельными группами иберийско-кавказских языков. В свою очередь, ряд важных сходных черт как в грамматической структуре, так и в лексике, наблюдается между иберийско-кавказскими и некоторыми древними переднеазиатскими языками¹⁴.

Видный французский лингвист А. Мейе считал, что исконная языковая семья, откуда, возможно, берут начало иберийско-кавказские, баскский и некоторые мертвые переднеазиатские языки (шумерский, протохеттский, эламский, хуритский, урартский и т. д.), если она на самом деле существовала, представляла собой единство в глубокой древности, в V—IV тысячелетиях до н. э.¹⁵

О единстве происхождения и развития дагестанских народов наиболее убедительно говорят данные антропологии.

Анализ данных по палеоантропологии Дагестана свидетельствует, что в древнейшую эпоху территорию Дагестана населяли представители узколицевого и долихокранного типа, не соответствующего современному типу населения Дагестана. Развитие современного типа предполагается из более древнего в результате внутреннего процесса изменчивости, причиной которого является изменение социальных условий¹⁶. По мнению антропологов, предки аварцев, андоцунтинских народов, лакцев, собственно даргинцев были древнейшим населением нагорного Дагестана и, по-видимому, первыми освоили этот край. Принадлежность их к тому же типу, что и черкесы, балкарцы и карачаевцы, осетины, горные этнографические группы грузинского народа, ингуши и чеченцы, не говорит о каких-либо сравнительно поздних этногенетических связях этих народов, разных по языку, культуре и происхождению. Но она свидетельствует о какой-то очень древней общности их предков, восходящей, по-видимому, еще к верхнепалеолитическому времени¹⁷.

В свете вышеизложенного более оправданной в настоящее

время является постановка вопроса не о происхождении того или другого дагестанского народа в отдельности, а о происхождении народов всего нагорного Дагестана. В отношении этногенеза отдельных народов Дагестана можно говорить лишь в плане эпизодического участия разновременных иноэтнических элементов в процессе автохтонного формирования отдельных дагестанских народов.

Следовательно, мысль о переселении лакцев из каких бы то ни было дальних стран должна быть отвергнута из-за своей научной несостоятельности.

Одним из наименее изученных периодов истории лакского народа является древнейший период. По этому периоду мы не имеем никаких письменных источников, за исключением античных, где находим упоминание о «гелах и легах», которые названы скифскими племенами¹⁸. «Леки» упоминаются наряду с другими дагестанскими племенами и позже, в «Армянской географии VII в.», приписываемой М. Хоренскому¹⁹.

В лакском фольклоре сохранились свидетельства о том, что лакцев коснулись события, связанные с войнами римлян на Кавказе. По-видимому, поход римлян на Кавказ запомнился лакцам как большое бедствие. Когда человек чем-нибудь сильно огорчен, лакцы говорят: «Къатта чурчурив, вилах лившурив, Турьян (троян) ливкрив?» — «дом сгорел, очаг потух или Троян пришел?». Среди проклятий лакцев известно выражение «Турьянсса ликкивуи», смысл которого заключается в следующем: «Пусть тебе будет так, как при Трояне».

Указание на столкновение лакцев с римлянами мы находим и в старинных детских играх лакцев. Так, с наступлением весны все дети от 8 до 15 лет собирались на башнях старинной крепости в Кумухе, делились на две партии и начинали сражаться (не применяя, разумеется, оружия). При этом одни называли себя «римским строем», другие — «лакским войском»²⁰.

В 80 году н. э. между Арменией и Грузией происходили войны²¹. Леки и албанцы, по свидетельству М. Хоренского, выступали на стороне Грузии. Вот как описывает он наиболее крупное сражение лакцев с армянами на поле Дцераве: «Когда взошло солнце против нашего войска, лучи от медью покрытых щитов, как огромной тучи, начали отражаться на горах; тогда полетели из среды наших нахараров храбрые

¹³ Г. А. Меликишвили. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, стр. 94.

¹⁴ Г. А. Меликишвили. Наир-Урарту. Тбилиси, 1954, стр. 400—403.

¹⁵ Г. А. Меликишвили. К истории древней Грузии, стр. 97.

¹⁶ А. Г. Гаджиев. Происхождение народов Дагестана. Махачкала, 1965, стр. 111—114.

¹⁷ В. Алексеев. Некоторые вопросы происхождения народов Дагестана в свете антропологии Северного Кавказа. Уч. зап. ИИЯЛ, т. XIII, 1965, стр. 166.

¹⁸ Страбон V. 1, XI, 7. 1 ВДИ, 1947, № 4, стр. 222, 226. Плутарх, «Помпей» XXXV, ВДИ, 1947, № 4, стр. 283.

¹⁹ Армянская география VII в., приписываемая М. Хоренскому, СПб, 1877, стр. 37.

²⁰ С. И. Габиев. Лаки, их прошлое и быт, стр. 8.

²¹ Р. Г. Маршасв. Обзор источников..., стр. 43.

мужи, одетые в панцырь, блестящие как луч молнии. При одном их виде ужас объял прежнее войско; страшно стало немного и нашему; восходящее солнце стало глядеть. Но как только сшиблись обе стороны, пошло осеняющее облако и с нашей стороны подул сильный ветер против персов. Когда все смешалось, Камсар Спандарт встречается с большим отрядом, в котором находился храбрый Шергир, царь леков, твердо стоящий во главе среднего полка. Ринулся на него Спандарт, прорезался сквозь толпу войск, положил на месте храброго мужа, как громом пораженного, опрокинул его отряд и обратил в бегство»²².

Имеется предположение о некотором участии в этногенезе лакского народа сарматов и гуннов. В прошлом у лакцев определенная прослойка зависимых людей, находившихся в услужении у знати, называлась «сармат» (в женском роде — «сурмухху»). Известно, что в первые века до н. э. и в первые века н. э. в археологических памятниках равнинной части Дагестана прослеживается довольно сильное влияние сарматской культуры. Возможно, небольшое число сарматов попало в нагорный Дагестан и оказалось там в зависимом положении.

В IV веке в Дагестан вторглись кочевники-гунны. Следы пребывания их в Лакии сохранились в топонимике и языке. Например, один из 7 кварталов Кумуха носил в прошлом название «Гъуннал-ал» — «народ гуннов», а среди лакских родовых имен встречаются такие, где отчетливо слышится этноним «гун»: Гун-на-хъул (Гуннаевы), Цур-гун-нахъул, Бу-гун-нахъул. По-видимому, и эти пришельцы пребывали здесь в зависимом, неравноправном положении: квартал «Гъуннал-ал» в Кумухе считался в прошлом рабским.

В начале V в. равнинная и предгорная части Дагестана попали под власть хазар. Грузинские источники сообщают: «Хазаних, который превосходил всех потомков Лекана, пришел и поселился в расщелинах гор, выстроил город и назвал своим именем Хазанихети. И такое состояние продолжалось много времени и все эти племена платили дань хазарам»²³. Данными, свидетельствующими о распространении власти хазар на Лакию, мы не располагаем, за исключением предания, рассказывающего о кратковременном пребывании их там. Между селениями Кумух и Шовкра есть местность «Ияллал-ралу» (дословный перевод: «под развалинами»). По преданию, здесь когда-то появился отряд хазар, который остался зимовать, построив из камней небольшие временные жилища

«ча»; от костров, которые жгли на открытом воздухе замерзавшие хазары, возник пожар и сгорел лес, покрывавший эти места, после чего хазары ушли.

В V веке сасанидская Персия усилила агрессию против народов Кавказа. По грузинским и армянским источникам, Персия время от времени владела некоторыми областями Кавказа, в частности в 461 году она завладела Албанией, а с хазарами у нее постоянно возникали стычки²⁴.

Следы пребывания персов в Лакии сохранились в топонимике. Согласно преданию, в верхней, скалистой части современного Кумуха в древности располагался сторожевой пункт Персии, который местные жители называли Кибиди. Название это сохранилось в наименовании одного из кварталов Кумуха Цувади. В фольклорном произведении XVI в. «Гъукъалал Кайдар» Кумух называется «Къивиди», а кумухцы «къивидинцами».

По другому преданию, под именем Кибиди аборигены в древности объединяли несколько небольших поселений в местности Букъливалу. Они были населены персами, которые постоянно враждовали с окружающими поселениями лакцев. Тогда девять лакских селений — Кумух, Шовкра, Говкра, Читур, Кулушац, Гуши, Кубра, Дучи, Ницовкра — объединили свои усилия и разгромили кибидинцев. Их уголья были распределены между победителями, за исключением пастбищной горы «Дучрал гъаттаралу», которой жители названных селений вплоть до начала XX века пользовались сообща.

Кроме того, по преданию, в сел. Табахлу (рядом с сел. Кумух) был пухум Кибиди, а на горе «Дучра-уртту» есть местность, которая носит название «Кибидиял къан» — плоскость кибидинцев. Выходцам из Персии приписывают основание небольших поселков, которые объединившись образовали селение Ури (Лакского района), а также основание соседнего сел. Кихарчи²⁵.

В связи с событиями середины VII в. арабские источники упоминают о целом ряде политических образований («царств») на территории Дагестана: Лакз, Табасаран, Зирихгеран. Хайдак (Кайтаг или Хамзин), Гумик, Туман, Серир и Джидан. Очевидно, эти «царства» существовали и ранее VII в.²⁶ Лакцев принято локализовать в «царствах» Гумик, Туман, упоминаемых арабскими источниками. Наиболее точно локализуется всеми исследователями Гумик по сходству с названием селения Кумух. Не вызывает сомнения у современных

²² История Армении М. Хоренского. М., 1858, стр. 194.

²³ М. Джанашвили. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России. СМОМПК, XXII, 1897, стр. 11—12.

²⁴ Р. Г. Маршаев. Лаки с древнейших времен до VII в. РФИ, ф. 3, оп. 1, д. 51, стр. 53—54.

²⁵ Полевой материал 1966 г.

²⁶ История Дагестана, т. 1. М., 1967, стр. 140.

исследователей также заселение лакцами области Тумая. Аварцы до сих пор называют лакцев «тумал» (во мн. ч.— «туман»). Следует, однако, отметить, что А.-К. Бакиханов локализовал Туман совсем в другом месте, на плоскости: «Квартал Андреевой деревни, называемой «Туман-ляр» должно почтить за остатки древнего народа Туманшах, поселенного Нушированом»²⁷.

«Дербенд-Наме» локализует Туман между Ихраном и Гумри, ниже Кайтага (вариант Клапрота). Другой вариант «Дербенд-Наме» помещает Туман на месте современного селения Акуша²⁸.

В. Ф. Минорокий, основываясь на сообщении Баладзори о том, что капитуляция Серира Мервану сопровождалась сдачей округа Туман, предполагает, что термин «Туман» у Баладзори является синонимом имени «Гумик»—или что он относится к одной из групп этих горцев²⁹. Полностью отождествлять Гумик с Туманом, как нам кажется, не представляется возможным, так как по сообщению дагестанского хронографа Мухаммеда Рафи, казикумухские шамхалы, наряду с другими областями Дагестана, получали дань и с области Туман. По-видимому, Туман являлся одной из областей Лакии. Возможно, что в лакском родовом имени Тумалахул сохранились отзвуки названия этой области Лакии.

М. И. Артамонов полагает, что упоминаемый в арабских источниках Филан также мог соответствовать владению Казикумухскому³⁰.

Мы допускаем, что в раннее средневековье Лакия, или одна из областей ее, выступала также под другим названием. Баладзори сообщает о деятельности Ануширвана в Дагестане: «И выбрал Ануширван царей и назначил их, предоставив каждому из них шахство над отдельной областью. Из них были: хакан горы, т. е. владетель Сарира (трона) с титулом Вахрарзаншах, и царь Филана, он же Филаншах, и Табарсараншах, и царь аль-лакзов с титулом Джурджан-шах, и царь Маската, царство которого теперь не существует, и царь Лирана с титулом Лираншах, и царь Ширвана, именующийся Ширваншахом. И утвердил он властителя Бухха над Буххом и властителя Зирикирана над Зирикираном; и утвердил он царей горы Кабак в их владениях и заключил с ними мир, обвязав платить ему подати»³¹.

Насколько нам известно, область Бухха никем из исследо-

вателей не локализовалась. Возможно, что в период раннего средневековья под названием Бухха скрывалась если не вся Лакия, то одна из областей ее. Известно, что селение Табахлу в Лакии до разрушения его в 1741 году располагалось на укрепленном склоне горы значительно выше современного селения и называлось Гьухьал³². Согласно преданию, более древнее название его — Бух-ал (древний народ). Не исключено, что Гьухьал-Бухал и Бухха, упоминаемый Баладзори, — это одно и то же.

Судя по арабским источникам, в раннее средневековье Лакия выступала то как самостоятельная политическая единица, то как область, входящая в состав Серира. Ибн-Русте сообщает, что «у царя Серира есть крепость, называемая Алал и Гумик, она неприступна, и в ней находится казнохранилище царя. Крепость эту вручил ему Ануширван»³³.

Мы считаем возможным отождествление Алала с Бухалом-Гьухьалом. Гьухьал и Кумух (Гумик) находятся настолько близко друг от друга, что составляют как бы одно селение.

Как видно, Лакия до установления в ней шамхальской власти выступала то как самостоятельное государственное образование, то в составе более мощного Серира, границы которого были вероятно шире, чем границы более поздней Аварии.

С середины VII века начинаются походы арабов на Дагестан. Первые крупные успехи арабов в Дагестане связаны с именем Джарраха. Местные хроники приписывают насаждение ислама в Дагестане Абу-Муслиму в VIII веке. Но исследователями уже отмечалось неправдоподобие этой версии³⁴. Они справедливо указывали, что в арабских источниках нет упоминания о насаждении Абу-Муслимом ислама в Дагестане. Напротив, эти источники говорят о бытовании в тот период в Дагестане христианства. Масуди в X в. сообщал: «За царством Берзбана следует царство Гумик, жители его христиане»³⁵. Источник XI в., комментируемый В. Минорским, называет лакцев неверными: «пумикские неверные

³² Лакцы и сейчас называют его Гьухьал.

³³ Ибн-Русте. Из книги драгоценных камней. См. Н. А. Караулов. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении, Азербейджане. СМОМПК, XXXII, 1903, стр. 49.

³⁴ Г. Э. Алкадари. Асари Дагестан. Примеч., стр. 172; М.-С. Саидов. Данные о некоторых памятниках материальной культуры в лакских районах. Уч. записки ИИЯЛ, т. 3, 1957; А. Р. Шихсандов. О происхождении христианства и ислама в Дагестане. Уч. зап. ИИЯЛ, т. 3, 1957; А. Н. Генко. Арабский язык и кавказоведение. Труды II сессии ассоциации арабистов. М., 1941.

³⁵ Масуди. Луга золота и рудники драгоценных камней. См. Н. А. Караулов. Указ. соч., СМОМПК, XXXVIII, 1908, стр. 52.

²⁷ А.-К. Бакиханов. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926, стр. 13.

²⁸ М. Алиханов-Аварский. Тарихи Дербенд-Наме. Тифлис, 1898, стр. 33, 96.

²⁹ В. Ф. Минорокий. История Ширвана и Дербенда. М., 1963.

³⁰ М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962.

³¹ Баладзори. Книга завоевания стран. Баку, 1927, стр. 7.

напали на селения ал-Баба, убили много мусульман и разграбили их имущество, затем, наложив харадж на оставшихся в живых, они вернулись домой»³⁶.

Правильнее считать, что ислам был занесен в Лакию вскоре после появления в Дагестане арабов, окончательное же утверждение его произошло в XI—XII вв.³⁷.

Местные источники сообщают, что арабы поставили правителем лакцев шамхала. Вопрос о времени появления шамхалов и происхождении этого титула до сих пор является спорным. В советской исторической литературе по этому поводу существует несколько различных взаимоисключающих мнений. Р. М. Магомедов возникновение термина «шамхал» относит к периоду Золотой орды, основываясь на том, что «титулы местных дагестанских владетелей стали известны ученому миру только с начала XV века»³⁸. Р. Г. Маршаев пишет, что «происхождение титула «шамхал» было связано с пребыванием в Кумухе арабов», но «никак нельзя допустить, что этот титул мог возникнуть в VII—X вв.»³⁹. По его мнению, возникновение этого титула относится к периоду завоеваний сельджуков (XI в.). Автор соответствующего раздела в «Истории Дагестана» А. Р. Шихсаидов считает, что появление терминов уцмий, шамхал и майсум не связано с арабскими завоеваниями, хотя их раннее происхождение и возможно⁴⁰. По мнению Х.-М. О. Хашаева, «Кумухское ханство во главе с шамхалами существовало очень давно, видимо, до появления в Дагестане арабов и было одним из сильнейших»⁴¹.

Вероятно, возникновение термина «шамхал» можно все же отнести ко времени ранее X века, так как упоминание о нем имеется в одном из арабских источников X века—трехтомнике Табари «История народов и царей»⁴².

Возникновение самого термина «шамхал» связано, возможно, с приходом в Лакию арабов, которые на место прежних правителей назначали своих ставленников. Образоваться термин мог от слияния слова «Шам» (Сирия) с «ал» (народ), то есть шам-ал—народ из Шама, сирийцы. По такому же типу подобные слова нередко образуются в лакском языке, например, кур-ал (кюринцы), дарг-ал (даргинцы), тунал-ал

³⁶ В. Минорский. Указ. соч., стр. 74.

³⁷ См. Л. И. Лавров. Эпиграфические памятники Северного Кавказа, X—XVII. М., 1966, стр. 182.

³⁸ Р. М. Магомедов. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII—начале XIX вв. Махачкала, 1957, стр. 144.

³⁹ Р. Г. Маршаев. О термине «шамхал» и резиденции шамхалов. Уч. зап. ИИЯЛ, т. VI, стр. 167.

⁴⁰ История Дагестана, т. 1, стр. 158.

⁴¹ Х.-М. О. Хашаев. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961, стр. 158.

⁴² Табарн. История народов и царей. Стамбул (1) 306 г. х.

(гунны—название квартала в Кумухе). По-видимому, название шам-ал, данное лакцами новым иноземным правителям, чтобы отличить их от прежних, местных, затем перешло в титул, а произношение с придыханием перед «ал» превратило это слово в «шамхал».

Монголы впервые появляются в Дагестане в 20-е годы XIII в. Вторично они появились здесь в конце 30-х годов XIII века; в это время через Рича они проникают в Лакию, и в начале апреля 1240 года Кумух был разрушен монголами⁴³. К нашествию монголов на Лакию принято относить описание разорения Кумуха в «Тарихи-Дагестан» Мухаммеда Рафи. «Они (обитатели Кумуха) сражались с великим мужеством и 70 юношей пали мучениками. Эти заняли укрепление выше мечети (называемое) Кекели⁴⁴ и обязали себя клятвой сражаться и пожертвовать своим имуществом, жизнью и телами. Когда эти юноши исполнили свой долг в укреплении (т. е. были все убиты), оба князя Сартан и Каудер опустошили Кумух в субботу месяца Сафара⁴⁵. Столица лакцев Кумух восемь раз разрушалась монголами⁴⁶.

В конце XIV века Лакия вновь подверглась нашествию монголов под предводительством Тимура. Шереф-ад-дин Иезди сообщает о взятии Тимуром укрепленных лакских крепостей Кулы (Кули, — А. Б.) и Тауса⁴⁷. «Оба отряда согласованно сверху и снизу напали (на крепость). Сколько ни бросали (из крепости) стрел и камней и сколько ни гибло храбрцев, другие верующие смельчаки, благодаря счастливой судьбе могущественного Тимура, храбро принимались за это дело. Жители крепости, видя эту небесную и земную беду сверху и снизу спускающуюся и поднимающуюся, оробели и растерялись»⁴⁸.

Объединенные силы лакцев и аварцев выступили против Тимура в количестве 3000 человек, помогая жителям Ушкуджа. Войска эти, предводительствуемые «шаукалом Казикумухским и Аухарским», потерпели поражение. «...Старшины (калантары) казикумухские и аухарские вместе с тамошними кадиями и вельможами (акабир) прибыли ко двору Тимура, признали свою вину и поступок, каялись и просили прощения и выполнили обычай подчинения и службы»⁴⁹. Борьбе лакцев

⁴³ А. Р. Шихсаидов. О пребывании монголов в Рича и Кумухе. Уч. зап. ИИЯЛ, т. 4, 1958, стр. 7.

⁴⁴ Место это сейчас называется «Ччиккула».

⁴⁵ Извлечение из Тарихи Дагестана Мухаммеда Рафи. См. Тарихи Дербенд-Наме, стр. 180.

⁴⁶ Очерки истории Дагестана, т. 1, стр. 70.

⁴⁷ Около сел. Хосрех до сих пор сохранились развалины Тауса.

⁴⁸ В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.—Л., 1941, стр. 182.

⁴⁹ Там же, стр. 186.

с полчищами Тимура посвящена лакская эпическая песня «Парту Патима».

Как известно, монгольские завоевания явились одной из причин, задержавших социально-экономическое развитие Лакии.

Освободившееся от монгольской власти Казикумухское шамхальство в XV—XVI вв. усиливается. В завещании Андуника (XV в.) говорится: «Затем обрати внимание на свидетельство наших почтенных предков о численности мужей в Дагестане. В нем 250 тыс. воинов, из них 60 тыс. табасаранского, 50 тыс. хайдакского, 100 тыс. кумухского падишаха, 40 тыс. — нуцала...»⁵⁰.

Факты свидетельствуют, что власть кумухского шамхала в отдельные периоды распространялась на весь Дагестан. Согласно источникам «Дербенд-Наме» и «Тарихи-Дагестан», шамхал собирал подати зерном и скотом со всего населения Дагестана⁵¹. Натуральный характер дани говорит о том, что основной формой ренты в данное время была продуктовая рента, которую получал шамхал за счет использования летних и зимних пастбищ, находившихся в его собственности. Это указывает на неразвитость феодальных отношений. Господствующим был феодальный способ производства при наличии устойчивых патриархально-родовых пережитков. В сельской общине в это время еще в значительной степени сохранялись родовые порядки, что фиксируется в лакских адатах. Во многих случаях сельская община пока выполняла свои административные функции, но притязания шамхалов на общинные земли не только не прекращались, но и принимали все более настойчивый характер.

Развитие феодальных отношений происходит в условиях классовой борьбы, выразившейся в противодействии общин наступлению феодалов на общинные свободы, в попытках уклонения крестьян от платежа податей и выполнения повинностей. Иногда крестьяне от пассивной борьбы переходили к открытым выступлениям. Одно из таких выступлений против шамхалов в 1640 году закончилось изгнанием последних из Кумуха.

После изгнания шамхалов из Казикумуха лакцы избирают себе правителя — куклавчи, хахлавчи. Первым казикумухским хахлавчи на собрании феодальной знати кьат был избран Алибек, из побочной ветви семьи шамхалов, оставшейся в Казикумухе⁵².

⁵⁰ Х.-М. О. Хашаев. Указ. соч., стр. 135.

⁵¹ Извлечение из истории Дагестана Мухаммеда Рафи, «Дербенд-Наме», приложение IX, стр. 176—177.

⁵² А. К. Казикумухские и кюринские ханы. ССКГ, вып. II, Тифлис, 1869, стр. 5.

После взятия Шемахи в 1712 году казикумухский хахлавчи Чолак-Сурхай получает титул хана ширванского и казикумухского. Он отстраняет кьат и духовенство от вмешательства в дела управления, и власть его становится неограниченной. Период правления Чолак-Сурхая отмечен рядом войн, которые он вел в Закавказье с целью захвата новых областей. В XVIII веке усиливается агрессия Ирана на Кавказе. В 1741 году объединенные силы лакцев, аварцев, даргинцев, кубачинцев, кумыков и лезгин разбили полчища Надир-шаха в битве на Турчи-даге. К 1741 году относятся и события, связанные с разрушением Гьухьала и известные в научной литературе под названием «восстания табахлинских узденей»⁵³.

Р. М. Магомедов, говоря о восстании табахлинских узденей в XVIII в., не указывает года события. На наш взгляд, восстание относится именно к 1741 году. На полях книги «Джазанри аввалу» шейха Ибрагима ал-Бейджури⁵⁴ есть запись о том, что в месяце Сафаре в пятницу 1154 г. (апрель 1741г.) во времена Магомедхана было разрушено сел. Табахлу. Другого случая разрушения Табахлы в XVIII в. мы не знаем. Народное предание связывает это событие с распрей между сыновьями Чолак-Сурхая: Магомедханом, ставшим ханом после Чолака, и демократически настроенным Муртузали, которого поддерживали табахлинские уздени. Не последнее место здесь, по-видимому, занимали и патристические мотивы, которыми руководствовались табахлинцы. Как известно, после того, как Чолак-Сурхай потерпел поражение от Надир-шаха в местности Деве-Батан, он вернулся в Кумух. Надир-шах, взяв Шемаху и оставив там своего наместника, двинулся по следам Чолак-Сурхая и добрался до Кумуха. Чолак-Сурхай с семейством бежал в Аварию, а Надир-шах по заступничеству шамхала Хасбулата не разрушил Казикумуха и назначил правителем Магомедхана, старшего сына Чолака⁵⁵.

Ставший ханом при указанных обстоятельствах, Магомедхан как ставленник Надир-шаха, разумеется, не мог импонировать лакскому узденству. Кроме того, табахлинцы были возмущены захватом ханом общинных земель⁵⁶.

По преданию, Магомедхан жестоко расправился с табахлинцами. Он собрал мужчин Табахлы в Муркелинскую мечеть, будто бы для проповеди, и запер их там, а потом ввел свои войска в Табахлу, разгромил и разрушил ее, фактически без сопротивления.

⁵³ Р. М. Магомедов. Указ. соч., стр. 311.

⁵⁴ Книга хранится у краеведа М. Пашаева.

⁵⁵ С. Габиев. Указ. соч., стр. 25.

⁵⁶ Р. М. Магомедов. Указ. соч., стр. 311.

В середине XVIII в. усиливается ориентация народов Дагестана на Россию. Беспрерывные иранские и турецкие нашествия, в результате которых уничтожались посева, угонялся скот, разрушались производительные силы, обрекали горцев на голод и нищету. Гюлистанский мирный договор (октябрь 1813 г.) юридически оформил присоединение Дагестана к России. Для казикумухского же ханства официальной датой присоединения к России было установлено 12 июня 1820 года.

До 1812 года Кюринское и Казикумухское ханства составляли одно целое. В 1812 году было образовано отдельное Кюринское ханство, правителем которого был назначен Асланбек, племянник казикумухского Сурхай-хана. Сурхай-хан, хотя и принес присягу правительству России, все же ориентировался на шахскую Персию, ездил туда дважды, держал связь с Шейх-Али-ханом и несколько раз пытался захватить Кюринское ханство. 12 июня 1820 года генерал-майор Мадатов, разбив отряды Сурхай-хана в Чирахе, вынудил его бежать в Хосрех, а из Хосреха в Кумух. Но так как жители Кумуха присягнули на верность России, Сурхай-хан вынужден был бежать и отсюда, в Аварию, где и умер в 1826 г. в сел. Согратль.

После этого Казикумухское и Кюринское ханства вновь были объединены в одно ханство, правителем которого стал Аслан-хан. После его смерти в 1835 году ханством управляли его сыновья Нуцал-ага (умер в 1836 г.) и Магомед-Мирза (умер в 1838 г.).

В 1839 году Казикумухское и Кюринское ханства снова были разделены. Кюринским ханством управлял сначала Гарун-бек, затем Юсуф-бек. В Казикумухском ханстве правительницей была оставлена вдова Аслан-хана Уми-Гюльсумбике. С 1839 года ее помощником состоял Махмуд-бек, который был связан с мюридизмом и в 1842 году перешел к Шамилю. Правительницу тоже увели мюриды, но вскоре она была освобождена. Управляющим к ней назначили Абдурахман-бека, при котором был создан совещательный орган в составе казикумухского кадия и двух старшин из знатных дзденей; каждому платили по 300 рублей жалованья в год. Затем казикумухским ханом был утвержден Агалар-бек, который умер в 1858 году. С мая 1859 года ханством управлял князь Тархан-Моуравов, а в октябре 1859 года было утверждено гражданское управление во главе с царским штаб-офицером. Что же касается сельского управления, то оно осуществлялось, как и везде в Дагестане, выборными старшинами влиятельных и богатых фамилий⁵⁷.

По «Положению об управлении Дагестанской областью и Закатальским округом» (1860 г.) Казикумухское ханство было преобразовано в Казикумухский округ. Все жители округа были обложены налогом в 1 рубль с дыма⁵⁸.

Присоединение Дагестана к России объективно было прогрессивным явлением, так как оно способствовало положительным сдвигам в социально-экономических отношениях. В Дагестан начинает проникать передовая русская культура⁵⁹.

После реформы 1861 года в России начинается бурное развитие капитализма. В русло капиталистического развития оказываются втянутыми и национальные окраины России, в том числе и Дагестан, в сельское хозяйство которого проникают элементы капиталистического уклада. Ускоряется процесс классового расслоения крестьян и обезземеливания трудящихся масс.

Для Лакии второй половины XIX века характерен рост торговли. Появились специальные скупщики изделий кустарей, в частности усиленно скупались шерстяные ткани, так называемые лезгинские сукна. Эта прослойка торговых людей носила название «совдажары». Скупленные у мастериц разных селений ткани вывозились на выючных лошадях через горные перевалы на рынки Закавказья. Оттуда «совдажары» привозили в Лакию бумажные и шелковые ткани, а также другие товары. В руках этих скупщиков сосредоточивались значительные средства.

Установление прочных связей Дагестана с другими районами страны после окончания Кавказской войны вызвало усиление отходничества, в частности в Лакии. Отходничество было прогрессивным явлением, так как способствовало повышению культурного уровня не только самих отходников, но и всего населения дагестанских аулов. «Перекочевыванья», — писал В. И. Ленин, — означают создание подвижности населения. Перекочевывания являются одним из важнейших факторов, мешающих крестьянам «обрастать мхом», которого слишком достаточно накопила на них история. Без создания подвижности населения не может быть и его развития, и было бы наивностью думать, что какая-нибудь сельская школа может дать то, что дает людям самостоятельное знакомство с различными отношениями и порядками и на юге, и на севере, и в земледелии, и в промышленности, и в столице, и в захолустье»⁶⁰.

В начале XX в. быстро развиваются рыночные связи

⁵⁸ Очерки истории Дагестана, т. I, стр. 245.

⁵⁹ См. Очерки истории Дагестана, т. I, стр. 247.

⁶⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 246.

⁵⁷ Х.-М. О. Хашасев. Указ. соч., стр. 40—41.

Дагестана с центральной Россией. Из года в год увеличиваются поставки на общероссийский рынок животноводческой продукции—в 1902 году Казикумухский округ поставил около 6 тыс. овец и 880 пудов шерсти, а в 1914 году—17575 овец и 9105 пудов шерсти⁶¹.

При рассмотрении социальных отношений в Лакии в XIX в. бросается в глаза резкое деление всего ее населения на два антагонистических класса — феодалов и крестьян: первый составляли хан и его приближенные, беки, чанки и знатные уздени «кьуни кьаттри», а также высшее духовенство. Ко второму классу относились зависимые уздени, райты и лаги (рабы).

Хан был главой феодального общества, ему принадлежало право отправлять суд, а до присоединения к России — объявлять войну, заключать мир, издавать законы. Он был не только верховным правителем, но и главным собственником земли. Основным источником доходов казикумухских ханов были летние горные пастбища, которые отдавались ими в аренду. Так, Магомед-Мирзе хану Казикумухскому принадлежало более 40 пастбищных гор, и доход хана составлял ежегодно 2500 овец⁶². Кроме пастбищ, ханы имели обширные сенокосы и пашни в самых лучших местах. Все полевые работы для ханского дома выполнялись райтами, они же платили ханам значительную дань продуктами.

В XVIII—первой половине XIX веков в Лакии были известны следующие виды феодальных податей и повинностей. харж—доля урожая, взимаемая с зависимых сословий; касима—налог на животных, принадлежащих зависимым сословиям; магъала — дань, взимаемая животными и уплачиваемая отдельными обществами; шилтач — налог за «уличение в неправде»; тангъа — налог с торговцев; тамач—налог со строений; бигар — работа на хана по очереди; сурмухъху — выделение рабыни для обслуживания вышедшей замуж дочери феодала; караваш — предоставление прислуги во двор хану; зунтах ятту — бараны за пастьбу с обществ; зунтах ниц — бык за пастьбу с обществ; ниц биххаву — убой быка при посещении владельца; каччил дукра — корм для собак.

Некоторые из этих повинностей (магъала, тамач) сохранились до конца XIX века, хотя и в значительно сокращенных размерах. Помимо уплаты твердо установленной ренты продуктами, зависимые слои населения Лакии обязаны были в любое время, по требованию хана, поставлять ему продукты

своего хозяйства: масло, сыр, корм для скота. Кроме того, ханский скот отправлялся для откорма в зависимые селения. В ханскую казну поступало имущество тех жителей ханства, после смерти которых не оставалось наследников по мужской линии (за вычетом доли дочерей).

По преданию, каждый дом Хосреха был обязан ежегодно поставлять ханскому дому 2 датЯла сыра и 1 датЯл масла, каждые два дома ежегодно давали один палас (ххютIа) определенного размера. В случае приезда хана для его угощения со всего аула собирались яйца, сыр, кувшины браги «мачча».

В селении Чаравалли в пользу хана ежегодно выделялся один бык, собиралось масло и сыр. Поборами в пользу хана было обложено население не только зависимых, но и узденских селений. Так, аулы Ури, Мукар, Камахал, Бухты, населенные узденями, обязаны были ежегодно поставлять ханскому дому по 15 выюков дров. Помимо дров, жители аула Бухты ежегодно поставляли хану 30 датЮ ячменя, а несколько семейств этого селения давали ханскому дому 300 овец. Из аула Арчи ежегодно посылалось для хана 10 выюков дров, а Арчи и Хосрех для перевозки ханского зерна выделяли 30 ослов⁶³.

Характерно, что все эти повинности были отменены Шамилем после взятия им местностей «Дусрарат» и «Мукардарат», а натуральная подать арчинцев была заменена денежной (200 рублей). Окончательно от этой подати арчинцы избавились лишь с утверждением в Дагестане царской администрации.

Кроме вышеуказанных доходов, важным источником обогащения ханов были горные пастбища, сдававшиеся в аренду отдельным животноводам и целым сельским обществам.

Таким образом, в первой половине XIX в. в Лакии сосуществовали отработочная рента и рента продуктами, причем последняя была наиболее распространенной. Во второй половине XIX в. стала распространяться денежная рента.

Привилегированным сословием были также беки и чанки, жившие во многих селениях Лакии. Чанки, то есть лица, происходящие от неравного брака, например, хана с узденкой, не пользовались привилегиями своего отца, но стояли выше сословия своей матери⁶⁴.

Доходы беков составлялись из натуральной ренты с населения. Так, сел. Арчи платило оброк не только ханам, но и бекам. Каждому беку и бике «чистым с обеих сторон»

⁶¹ Г. Г. Османов. Социально-экономическое развитие дагестанского доколхозного аула. М., 1965, стр. 61.

⁶² Х.-М. О. Хашаев. Указ. соч., стр. 161.

⁶³ А. Каяев. Материалы по истории лаков. РФИ ИЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 444, л. 12—15.

⁶⁴ ЦГА ДАССР, ф. 7, оп. 1, д. 145, л. 6.

(т. е. когда оба родителя их были из бекского сословия) арчинцы давали ежегодно по 3 коровы; тем, кто был «чист» только со стороны отца — по 2 коровы. Подать арчинцев бекам уменьшалась, когда бек или бике умирали, и увеличивалась, когда у них рождались дети.

Если многие селения Лакии освободились от повинностей в пользу хана во время Кавказской войны и после ликвидации ханской власти, то зависимые отношения крестьян к бекам сохранялись до конца XIX в., а кое-где и до начала XX в. Так, в конце XIX в. жители 6 селений Лакии (Тулизма, Говкра, Шовкра, Шара, Хурхи, Чирах) продолжали нести повинности в пользу беков сел. Кумух. В селении Кани 14 дымов из 182 отбывали повинности в пользу беков сел. Цуцар, а в сел. Куцы 2 дыма из 15—бекам сел. Акар⁶⁵.

Боржиханские беки даже в начале XX в. продолжали полагать с жителей Боржихана повинности, заключавшиеся в следующем: 1) уздени и раяты совместно платили бекам по 8 баранов малых и по 1 барашку с каждого стада или пастуха; 2) раяты давали бекам по 9 саб зерна и 1 овцу с дыма; имевшие улья — по одному улью с десяти и каждые 4 двора по очереди — по 4 батмана (2 пуда) масла, всего в год 15 батманов⁶⁶.

Владение беков первоначально носило временный характер. Ханы практиковали передачу отдельных селений в управление своим родственникам, а иногда и просто любимцам, передавая им вместе с тем свои права на доходы. Из этих родственников постепенно составилось бекское сословие, причем царская администрация сохранила создавшееся положение.

Поскольку большинство горных пастбищ оставалось в собственности беков и потомков ханской фамилии, сельские общества вынуждены были арендовать их на кабальных условиях, особенно те общества, которые совершенно не имели своих выгонов и пастбищ.

Утверждение царской администрации в Лакии не изменило положения зависимых сословий в части обеспечения их земель. Беки сохранили все свои права и владения.

Самой многочисленной сословной группой лакского общества были уздени. Узденями называли тех, кто имел все права, кто ни на кого не работал, не платил никому подати. Уздени не были обложены данью в пользу ханов и беков, но последние, имея на своей стороне силу, заставляли их работать на себя.

Уздени составляли основную производительную силу фео-

дальной Лакии. В исследуемое время разные узденские общества Лакии зависели от хана в различной степени. Часть из них (Ури, Мукар, Камахал, Чукна, Хути и др.) платила подати и несла определенные повинности в пользу хана. Зависимость других заключалась в предоставлении хану воинов со своим продовольствием⁶⁷ или в выделении из своей среды работников для выполнения определенных работ для хана (например, ежегодно несколько жителей сел. Сумбатль обязаны были очищать в Кумухе озеро от ила). Имелись и такие узденские общества, которые были полностью свободны от каких-либо обязанностей в отношении хана. Экономической основой власти феодалов над узденями в Лакии была собственность первых на горные пастбища.

В XIX в. сословие узденей было неоднородно. Среди них выделялись так называемые «кьуни кьаттри», просто уздени и «гьарза узданта». «Кьуни кьаттри» — это состоятельные слои узденства, накопившие в своих руках значительные богатства. Эти уздени стояли близко к знати и не несли никаких повинностей в пользу кого бы то ни было. Они пользовались покровительством хана и по своему положению были по-видимому близки к кумыкским «сала-узденям». «Гьарза узданта» — это уздени, смешавшиеся в одном или нескольких поколениях с более низким сословием: раятами, лагами.

Следует отметить, что такое деление узденей было свойственно в основном Кумуху. В некоторых других селениях Лакии среди узденей различали только «чистых» и смешанных с лагами.

К зависимым сословиям в Лакии относились лаги (рабы) и раяты. Раб являлся полной собственностью владельца, который мог его продать, обменять и т. д. Первоначальным источником рабства были пленные, но затем появились и другие источники рабства. Рабы в Лакии не были однородны, среди них различались: ханские и узденские. Ханские лаги были доверенными лицами, обязанности которых заключались в усмирении непокорных. Ханские лаги отбирали имущество у тех, кто не хотел отдать его добровольно, арестовывали виновных в чем-либо, в общем исполняли в Лакии полицейские функции. Сборщик дани в Хосрехе «дарагъа» назначался из числа лагов, в других раятских селениях должностные лица также являлись ханскими лагами.

По-видимому, ханские лаги в основном составляли ханский аппарат принуждения. В селениях Катрух и Четрух, где лаги жили оседло, они обрабатывали ханские земли и соби-

⁶⁵ ЦГА ДАССР, ф. 95, оп. 1, д. 3, л. 1—3.

⁶⁶ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 2, д. 30, л. 8—9.

⁶⁷ Г. Г. Османов. О социальном строе Дагестана в конце XVIII — начале XIX в. Ученые записки ИИЯЛ, т. VII, 1960, стр. 161.

раемый на этих землях хлеб отдавали своим владельцам. Ханы имели право брать отсюда прислугу как мужского, так и женского пола; лаги этих селений имели и собственные земли⁶⁸.

В более стесненном положении находились лаги, принадлежавшие узденям. Их хозяева могли заставить их работать на себя, либо по своему усмотрению продать.

Следует заметить, что в горах рабство не получило широкого распространения, так как небольшие площади удобной для обработки земли ограничивали возможности использования рабского труда в хозяйстве. Так, самый крупный феодал в Лакии в середине XIX в. — хан Агалар владел пашней всего на 178 саб (8, 9 десятин). Чаще всего рабы, принадлежавшие узденям, получали свободу за выкуп или без выкупа и постепенно становились членами сельского общества. Однако, несмотря на формальную свободу, потомки освобожденных рабов особенно сильно испытывали на себе все тяготы сословного неравноправия. Породниться с потомками лагов уздени считали для себя унижительным, их не допускали к участию в общественной жизни селения, во многих аулах им не разрешали посещать квартальные мечети.

К 60-м годам XIX в. — ко времени упразднения ханской власти рабы, в основном, были посажены на землю на правах зависимых крестьян или отпущены на волю.

В 1864 году в Казикумухском округе насчитывалось всего лишь 40 неосвобожденных рабов обоого пола⁶⁹. Во многих селениях к лагам приравнивались члены тухумов, которые по каким-либо причинам переселились в данный аул. Их недружелюбно называли «асбакъулт» (дословно: «бессовестные»). Они не имели в аулах земельных наделов, сельское общество часто не разрешало им пользоваться выгонами и сенокосами. Зарабатывать себе на жизнь они могли арендуя на каменных началах землю у зажиточных людей или исполняя у них всевозможные работы по хозяйству, но чаще всего в XIX в. этот слой тружеников занимался ремеслом. Бесправное положение, отсутствие у них недвижимого имущества, приравнивало их в глазах местных жителей к рабам.

В сел. Шара имелось три рабских тухума: Чаргас лагъарт, Мугъалтар (мугалы) и Щангъи лагъарт. Здесь наряду с лагами из числа пленных, захваченных во время набегов на Азербайджан и Грузию, фигурируют выходцы из аварского селения Щангада. В сел. Убра рабскими считались тухумы, переселившиеся сюда из Кая, Хойми и других лакских селений.

Другим зависимым сословием лакского общества в XIX в. были раяты. Раятами называли жителей некоторых селений Лакии, которые должны были вносить определенную ренту ханскому дому и выполнять некоторые работы для ханского дома. По одним сведениям, 16 селений в Лакии были раятскими⁷⁰, по другим — их было значительно больше. Документ 1864 г. «Сведения о видах крепостной зависимости, существующих в Дагестане» называет такие раятские селения Казикумухского округа: Чирах, Ашты, Кунки, Олюх, Худуц, Анлух, Цырха, Санджи (даргинские селения), Шара, Тохчар, Гамиех, Коцран, Хурхи, Тулизма, Хулизма, Арчи, Хосрех⁷¹. Жители всех этих селений отбывали повинности тому, кто был правителем лакцев. Население двух аулов — Шали, Халапки — являлось наследственными раятами братьев Аслан-хана, Омар-бека и Таир-бека, а жители Боркихана — боркиханских беков.

Сословие раятов формировалось в Казикумухском ханстве двумя путями. С одной стороны, за счет пленных — лагов, которых ханы сажали на землю, с другой — путем закабаления разными способами свободных общинников. Например, жители даргинских селений Чирах, Ашты, Кунки, Худуц и др. были силой оружия превращены в раятов казикумухского хана, а в таких лакских селениях, как Тулизма, Хулизма, Хосрех и другие, раятская группа в основном сложилась за счет лагов, посаженных на землю⁷².

Положение раятов в Лакии не отличалось от положения крепостных крестьян. Раяты производили для хана все виды сельскохозяйственных работ: пахоту, посев, сбор урожая, молотьбу, помол зерна на мельнице. Они же косили сено и привозили его хану домой. На своих лошадях и ослах они вывозили навоз на ханские поля. Во время полевых работ раятов подгоняли ханские лаги и нукеры с нагайками. Все строительные работы для хана или его визиря выполнялись также раятами: они добывали и привозили камень, помогали мастерам, выполняя всю черную работу. При этом ханы могли в любое время собирать с раятов любые продукты.

Необходимо отметить, что не во всех раятских селениях, названных нами, поголовно все жители были раятами казикумухских ханов. В этих селениях жили и свободные уздени. С другой стороны, в ряде узденских селений часть жителей выполняла работу на хана.

С утверждением в Дагестане царской администрации господство ханов и беков над раятами нашло полную поддержку

⁶⁸ ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 1, д. 11-б, л. 3, 4.

⁶⁹ ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 1, д. 11-б, л. 5.

⁷⁰ Р. М. Магомедов. Указ. соч., стр. 263.

⁷¹ ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 1, д. 11-б, л. 6.

⁷² См. Г. Османов. Указ. соч., стр. 157—158.

со стороны новой власти. Представители царизма видели «в отношениях беков и поселян с детства знакомый им институт крепостного права»⁷³.

Стремление хана к постепенному закреплению свободных общинников вызывало среди последних протест, часто активный. Характерно решение общества сел. Убра, записанное ученым Магомедом из Убра, умершим в 1146 г. х. (XVIII в.): «Если ханские лаги или жукары явятся за данью или за мужчинами, следует всем выйти на борьбу с ними. С невышедшего берется и режется в пользу джамаата бык, а также в пользу джамаата конфискуется его угодыя и все его имущество»⁷⁴.

Все имеющиеся документы свидетельствуют, что в XIX в. позиции феодализма в Лакии были очень сильны. «Лакия — типичная горная область, здесь как нельзя лучше проявлялись особые специфические черты феодализма в горных условиях», — отмечает Х.-М. О. Хашаев⁷⁵.

Однако рядом с феодальными отношениями в земледелии и землепользовании уживались пережитки патриархальных отношений. Как указывает Р. М. Магомедов, в XVIII—начале XIX вв. уровень развития отдельных областей Лакии был неодинаков. В Кумухе и окружающих его селениях были развиты ремесла и торговля, а в селениях нынешнего Кулинского района в силу внутренней замкнутости и изолированности продолжали сохраняться полупатриархально-полуфеодальные отношения⁷⁶. Эта неравномерность общественно-экономического развития разных частей Лакии наблюдалась на протяжении всего XIX в., хотя и не в такой сильной степени, как в более ранний период.

В исследуемое время все земли в Лакии делились на следующие категории: частновладельческие угодыя (абсолютное большинство земель); земли, принадлежащие казне; вакуфные земли. Кроме того, сохранялось общинное владение выгонами и частично покосами, пастбищами и лесом. По данным 1897 г. в Лакии в частном владении находилось свыше двух третей земельных угодий⁷⁷. Часть частновладельческих земель состояла из владений хана (в первой половине XIX в.) и беков, а также разбогатевших узденей (кьуни ккатри). Другую часть частновладельческих земель составляли мелкие участки — мюльки, находившиеся во владении свободных узденей.

⁷³ ЦГА ДАССР, ф. 7, оп. 1, д. 145, л. 6. (Сословно-поземельный вопрос в Дагестане и учреждение крестьянских установлений в Дагестанской области).

⁷⁴ А. Каюев. Указ. соч., л. 21.

⁷⁵ Х.-М. О. Хашаев. Указ. соч., стр. 166.

⁷⁶ Р. М. Магомедов. Указ. соч., стр. 281—282.

⁷⁷ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 1, д. 12, л. 8.

Самым крупным землевладельцем в Лакии в первой половине XIX в. был хан. Последний лакский хан Агалар владел 34 пастбищными горами⁷⁸, являвшимся основным источником доходов этого хана. Значительные доходы горные пастбища приносили и бекам, сдававшим их в аренду.

Крупнейшими феодалами — землевладельцами были в Лакии Кадиевы и Качаевы. Так, Камиль Кадиев в 1905 году имел 243 десятины земли, Максуд Мустафа-оглы — 375 десятин и т. д. В то время как 47 хозяйств крупных землевладельцев имели 3622 десятины, на один крестьянский дым приходилось в среднем 0,65 десятины⁷⁹.

По данным 1897 г., в частном владении было всего (без Мукарского участка) 5386 дес. пашни, 3534 дес. покосов, 19977 дес. пастбищ⁸⁰. Из них в руках привилегированных сословий (без земель Мукарского участка) по данным 1901 года, было лишь 114,1 дес. пашни, 136,9 дес. сенокосов, 23,6 дес. леса и 4627 пастбищ⁸¹.

Следовательно, в конце XIX—начале XX вв. основную массу частновладельческих земель в Лакии составляли крестьянские мюльки. Установить точное время перехода пахотных участков в частную собственность не представляется возможным, но несомненно это произошло задолго до XIX в.

В XIX в. в частной собственности находилась также часть покосов и пастбищ. Следы же бывшей общинной собственности на пашни и покосы сохранились в Лакии вплоть до начала XX в. в виде сервитутов «барт-уртту», «духра» и «ках».

«Барт-уртту» (дословно: кромка травы) представляло собою право весеннего выпаса скота на пастбищных и покосных угодыях, принадлежавших сельскому обществу или отдельному лицу. «Духра» или «дух-уртту» (дословно: старая трава) — право на использование травы после сенокоса. «Кях» — право на осенний выпас на пахотных участках после снятия урожая.

По адату, право «барт-уртту» действовало до 10—20 июня, после чего покосные участки оставались под травой для сенокоса. Право «барт-уртту» могло принадлежать отдельно сельскому обществу, распространяясь на угодыя другого сельского общества, или отдельным лицам — на определенный участок покоса в своем или в другом селении.

Злоупотребление этим правом вызывало споры и тяжбы между владельцами угодий и обладателями сервитутного права. Так, в 1865 году жители сел. Суки начали тяжбу с вихлинцами, которые имели право трехдневной пастбы на

⁷⁸ Р. М. Магомедов. Указ. соч., стр. 264—265.

⁷⁹ Х.-М. О. Хашаев. Указ. соч., стр. 162.

⁸⁰ Вычислено нами по данным ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 1, д. 12, л. 12.

⁸¹ ЦГА ДАССР, ф. 2-р, оп. 2, д. 8, л. 1.

землях сел. Суки не в весенние месяцы, как обычно практиковалось, а по прошествии 27 дней после начала лета (т. е. в 20-х числах июля). Жители сел. Суки справедливо указывали, что это право наносит им большой ущерб, поощряя порчу их сенокосов⁸².

Много неприятностей доставляло хозяину пашни право «ках». Владелец «ках» мог запретить хозяину пашни произвести зяблевую вспашку или сев озимых на этом участке. Если, несмотря на запрет, хозяин пашни вспахивал ее или засеивал озимыми, он обязан был выплатить владельцу «ках» 2 руб. 85 копеек с десятины⁸³ или 1/3 сабы ячменя с каждой высеянной сабы ячменя⁸⁴. Правом «ках» пользовались как отдельные лица, так и целые сельские общества. Общественное положение хозяев полей и владельцев «ках» не имело никакого значения.

Возникновение указанных сервитутов можно связать с былой собственностью общины на пашню и покосы. С прекращением переделов и переходом отдельных участков в частную собственность на первых порах земля после сбора урожая вновь как бы поступала в собственность сельской общины. Энгельс говорит относительно германской марки: «Что же касается парового поля, то на все время нахождения под паром оно снова переходило в общее пользование и служило пастбищем для всей общины. И как только кончалась жатва на прочих двух полях, они также снова возвращались в общее пользование до нового посева и служили общественным пастбищем. То же самое относится к лугам после осеннего сенокоса»⁸⁵.

Отсюда и право «ках» у лакцев, которым пользовалась вся сельская община. Впоследствии право общины претерпело некоторые изменения, выразившиеся в том, что это право перешло в собственность отдельного владельца и могло таким передаваться другим лицам за обусловленное вознаграждение на определенный срок.

Точно так же в первое время после того, как возникла частная собственность на покосы, они оставались на время до начала косыбы в общинной собственности. Отсюда и право «барт-уртту» целого селения на какой-нибудь покосный участок, принадлежащий определенному лицу. Появление же отдельных собственников права «барт-уртту» — явление более позднего порядка, развившееся в результате купли-продажи.

Разумеется, в сохранении этого права вплоть до Октябрьской революции сыграли определенную роль и другие причи-

ны социально-экономического характера: земельный голод в Лакии, развитие отгонного животноводства. После пригона скота с плоскости несколько дней нужно было где-то пастись овец до угона их на альпийские пастбища. Осенью и зимой часть овцепоголовья оставалась в селениях, и пасли его на землях, на которые существовало право «ках». Мечетские земли-вакуфы образовались в результате пожертвований и завещаний отдельных лиц в пользу мечети.

По данным 1899 года в мечети Казикумухского округа ежегодно поступало 2923 пуда зерна, 4870 пудов печеного хлеба, 1392 барана, 196 пудов мяса, 521 баранья ляжка, 493 пуда сала, 15 пудов масла и столько же сыра, 717 пудов толокна, 6 пудов соли, 44 пуда халвы, 3 пуда нефти⁸⁶.

По форме пользования все земли можно разделить на 1) земли, находившиеся в личном пользовании владельца; 2) земли сельских обществ, находившиеся в подворном пользовании с периодическими переделами; 3) земли, находившиеся в совместном поочередном пользовании нескольких владельцев — «лагал».

В Лакии в исследуемое время все пахотные земли находились в личном пользовании владельца. Если пашня отдавалась им в аренду другому лицу, то, как правило, на условиях половины урожая. В частном владении в ряде случаев находились и сенокосы. Эти угодья можно было отчуждать, закладывать и т. д.

Пользование сенокосами было либо личным, либо подворным с периодическими переделами. По Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года, в сел. Вильтах, например, пользование сенокосными угодьями было подворным, причем в передел поступал весь участок. Переделы бывали здесь ежегодно; разверстка осуществлялась посредством выюков и единицу разверстки составляли 3 выюка⁸⁷.

Выгоном пользовались все члены общества без ограничений, чужих же не допускали. Пастбищами, принадлежащими обществу или арендуемыми им, также пользовались все жители селения.

Там, где в пользовании был лес (кустарник), каждый дом получал ежегодно по 3 выюка дров⁸⁸.

В личном пользовании феодалов были пахотные участки и пастбища. Они отдавались феодалами в аренду сельским обществам или отдельным лицам. Отдавать их в аренду было принято только на летние месяцы, в остальное же время близлежащее сельское общество имело право использовать их для своего скота, как выгны. В результате многократных разде-

⁸² ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 2, д. 15, л. 1—4.

⁸³ Х.-М. О. Хашаев. Указ. соч., стр. 164.

⁸⁴ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 1, д. 18, л. 7.

⁸⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, 1935, стр. 635.

⁸⁶ Обзор Дагестанской области за 1899 г. Т.-Х.-Шура, 1900, стр. 46.

⁸⁷ ЦГА ДАССР, ф. 59, оп. 1, д. 99, л. 4.

⁸⁸ Там же, л. 5.

лов между наследниками и свободной купли-продажи их долей во второй половине XIX в. на многие горные пастбища оказывалось большое количество совладельцев, часто не имевших между собой никаких родственных отношений. Таким образом, получалась довольно пестрая картина владения и пользования пастбищами.

Сельские общества, не имевшие достаточного количества пастбищ, прибегали к аренде их, иногда частичной. Решение Казикумухского окружного суда от 1292 г. х. гласит: «Джамаат сел. Чаравалли взял в аренду Ухчаравалу за 31 бухца у Абдул-Каира. Договорились на том, что джамаат сел. Чаравалли через каждые три дня на четвертый может пасти там свой скот»⁸⁹.

Мечетские земли также сдавались в аренду, и полученные от них доходы тратились на нужды мечети.

Среди вакуфных земель выделялись такие, доходы от которых шли не в пользу мечети, а в пользу сельского общества. Каждый член общества, пользовавшийся этими землями, ежегодно готовил хлебцы из условленного количества муки и раздавал их в мечети, либо резал барана и, сварив мясо, относил его в мечеть для раздачи посетителям. Таких земель в Лакии было немного и в лучшем случае на 20—30 саб.

За использование других земель, принадлежащих сельскому обществу, арендатор должен был выполнять какие-либо работы для сельского общества: ремонтировать дороги, очищать от ила бассейны для воды, зимой делать во льду проруби. На некоторых сельчанах, пользовавшихся подобными пахотными участками, лежала обязанность готовить саваны и надмогильные плиты для умерших бедняков, или приобретать инвентарь для рытья могилы.

Для Лакии XIX—начала XX вв. характерно наличие земель нескольких владельцев, находившихся в их совместном очередном пользовании—«лагал шайсса лухчив». Происхождение их таково. Пахотный или сенокосный участок, ранее принадлежавший одной семье, затем разделившейся, переходил в поочередное пользование новых родственных семей, если нельзя было рационально его использовать, поделив между отдельными семьями (из-за малых размеров или по другим причинам). Этих участков могло быть два или больше, в таких случаях отдельные семьи пользовались поочередно то лучшим, то худшим участком. Причем на пашне хозяин менялся через каждые два года (так как её удобряли через 2 года), а на покосе ежегодно. Если же один из совладельцев хотел продать свой пай, то при наличии двух или больше неоднородных участков лучший продать он не мог из-за несо-

гласия партнера. В итоге продавался хороший участок с условием очередности в использовании обоих участков с другим совладельцем, т. е. на условиях «лагал». Так как в исследуемое время пашни и часть покосов были уже в частной собственности, пай на угодья свободно покупались и продавались, поэтому часто партнеры по «лагал» не были даже дальними родственниками.

Институт «лагал», который в Лакии имел широкое распространение, был вызван к жизни частной собственностью на пахотные и частично на сенокосные участки, а также земельным голодом и неудобством раздела земель, находившихся ранее в общей собственности одной большой семьи, из-за малых размеров земельных участков, из-за неудобства расположения их, из-за различной структуры и разной степени плодородия разных частей одного и того же участка.

На правах «лагал» могли использоваться и угодья, принадлежащие общине. Например, в сел. Унчукатль сенокосные участки в местностях «Шачгал рягь», «Курбанул сун», «Акни сун» использовались на правах «лагал» жителями трех кварталов аула. Так, если Магомедов из верхнего квартала косил в этом году первый участок, то во второй раз, когда до него доходила очередь, он пользовался вторым участком, а третий раз—третьим и т. д.

Таким образом, все население Лакии XIX—начала XX вв. делилось на два антагонистических класса—феодалов и крестьян. Доходы феодалов состояли в ренте, выступавшей в трех формах: отработочной, продуктовой и денежной (со второй половины XIX века).

Существовали следующие виды земельной собственности: 1) частная (крупное феодальное землевладение и мелкие крестьянские участки—мюльки), 2) казенная и 3) вакуфная. Кроме того, сохранялись пережитки общинного землевладения.

Землепользование также имело несколько форм: личное, подворное пользование с периодическими переделами и поочередное пользование нескольких владельцев.

В целом для Лакии в исследуемое время характерны были вполне сложившиеся и сравнительно с некоторыми другими горными районами Дагестана более развитые феодальные отношения. Однако в землевладении и землепользовании рядом с феодальными отношениями соседствовали пережитки патриархально-родовых отношений.

⁸⁹ Личный архив краеведа М. Пашаева (Махачкала), оп. 2, № 245.

ГЛАВА II

ХОЗЯЙСТВО

В XIX—начале XX вв. лакцы занимались земледелием, животноводством, а также разнообразными домашними промыслами и ремеслами.

Древнейшим занятием лакцев, как и всех горцев Дагестана, было земледелие. Об этом свидетельствуют археологические материалы¹, а также сохранившиеся у лакцев пережитки аграрных культов и сельскохозяйственных обрядов.

Другим древним занятием лакцев было животноводство.

Лакция обладала прекрасными альпийскими пастбищами, которые благоприятствовали развитию животноводства, особенно овцеводства. Однако оно тормозилось полным отсутствием зимних пастбищ, которые нужно было арендовать на плоскости. Это и вызвало к жизни отгонную систему животноводства.

Так как ни земледелие, ни животноводство не обеспечивали полностью потребностей населения, здесь в сильной степени развился отхожий промысел, служивший для бедной части населения единственным источником существования. Большое развитие получили также разнообразные ремесла: слесарное, ювелирное, лудильное и др.

Среди женщин были развиты домашние промыслы: изготовление сукон («лезгинских шалей»), паласов, вышивание золотом по сукну, шелку, коже, изготовление войлока, гончарное производство.

§ 1. СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ КАЛЕНДАРЬ

Хотя в исследуемое время земледелие и не могло полностью прокормить лакцев, но каждый мало-мальски пригодный клочок земли ими тщательно обрабатывался. Как и у

¹ В. Г. Котович. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане. Уч. зап. ИИЯЛ, т. IX, 1961.

других народов Дагестана, земледелие у лакцев имело свои издревле сложившиеся приемы и технику обработки земли, свои традиции, обряды и сельскохозяйственный календарь, выработавшийся в течение многих веков. Создателем его явилась народная наблюдательность и мудрость. Календарь регламентировал основные сроки сельскохозяйственных работ с учетом местных климатических условий, поэтому в разных частях Лакции он отражал разные природные условия.

Астрономические сведения, накопленные народом, также использовались им в повседневной хозяйственной деятельности. Определенное положение небесных светил знаменовало наступление периода тех или иных хозяйственных работ, а в повседневном быту помогало фиксации отдельных моментов суток. По-видимому сельскохозяйственный календарь был значительно более содержательным, чем тот вариант его, который нам удалось восстановить.

Сельскохозяйственный год разбивался на несколько периодов, в каждый из которых выполнялись определенные работы.

В отдельных селениях были свои ориентировочные точки, по которым узнавалось время года и дня.

Почти у каждого аула на вершинах, из-за которых восходило солнце и за которыми оно скрывалось, были поставлены каменные столбы для обозначения времен года; смотря по тому, около какого столба солнце восходило или заходило, старики определяли начало каждого из четырех времен года. Так, в селении Суки Кулинского района в начале весны и осени солнце касалось определенных точек в местности «Вивхулувалу», в начале лета оно проходило над местностью «Чансун», а в начале зимы — над «Вивбургивалу». В селении Вихли того же района в начале весны солнце восходило из-за «Луркубизану» и шло до «Къун рьягъ». С началом зимы оно начинало восходить из-за «Бюхтул муруллу». Так было здесь в первые 5—6 дней зимы. Восход солнца из-за гряды «Ялун битъу» и заход в стороне Цудахара было признаком начала лета. Восход из-за пика Шуну-Дага был признаком осени. В это время начиналось осеменение сельскохозяйственных животных.

Небесные светила служили лакцу не только дорожным ориентиром. По времени появления и исчезновения их он определял время для начала тех или иных работ.

Лакцы знали, что «Чанна цуку» (Венера) появляется на небосклоне под утро, значит, пора выходить в поле. Созвездие «Ряхва цуку» (дословно: шесть звезд), также появляется под утро во все времена года.

Появление созвездия «Мукъва цуку» (дословно: четыре звезды) означало начало зимы. Появлялось оно поздней ночью и наблюдалось до конца второго месяца весны.

Созвездие «КурчІлу» (дословно: «Снто») наблюдалось на ночном небе после конца первого месяца зимы и пропадало через два месяца весны.

Особенно важное значение придавалось наблюдению за созвездием «Турши». Считалось, что это созвездие появляется на небе по истечении двух месяцев лета (5—7 августа), а исчезает через два месяца с начала весны. После появления этого созвездия в воздухе чувствовалась свежесть, и не рекомендовалось ночевать в открытом месте, так как можно было простудиться. Особенно опасным считался момент первого появления «Турши».

К этому моменту чабаны стремились спустить овец с горных вершин пониже, а сами избегали спать под открытым небом. Существовало поверье, что если в момент появления этого созвездия свет его коснется живого существа, то оно гибнет. В связи с этим, если в одной семье в короткое время гибло несколько человек или несколько голов скота, говорили «Турши щуну бур» (их коснулось Турши).

Время появления этого созвездия, судя по срокам, определяемым народом, представляло собою переломный момент лета, когда днем еще очень жарко, а ночью становится прохладно. С этого времени трава начинала высыхать, а хлеба созревали — объявлялась пора жатвы.

За положением «Турши» на небе следили очень внимательно, так как по нему устанавливали сроки многих сельскохозяйственных работ, особенно весенних. В определенных положениях Турши сеяли пшеницу, ячмень, горох. Когда это созвездие скрывалось совсем, сеять что-либо было уже поздно. После исчезновения Турши в горах начинала буйно расти трава.

До исчезновения Турши с небосвода рекомендовалось закончить перегон овец с плоскости в горы. Если запаздывали с перегонем, овцы начинали гибнуть в пути, что приписывалось действию какой-то травы, отравляющей овец, которая прорастает на плоскости после исчезновения Турши.

Другим ориентиром лакцев была «МаркІачІан цІуку» (вечерняя звезда), которая появлялась вечером и исчезала ночью.

В древности сельскохозяйственный календарь лакцев по видимому, делил год на циклы, каждый из которых отличался определенной температурой воздуха и определенными видами работ, выполнявшимися в это время.

Холодными считались конечные дни декабря — Хачлил гьантри (дни креста или крещения) или Ажюжал гьантри, а также конец января и начало февраля — «киналел барз». В это время обычно занимались прядением.

Земледелие в Лакии в основном террасное, причем здесь встречаются все виды террас, которые характерны для нагорного Дагестана: древние речные террасы и искусственные террасы с межевыми откосами или подпорными стенами, на которые часто дополнительно наносится почва².

Вследствие сильно изрезанного горного рельефа Лакии бедна удобной для возделывания землей. Но и эта земля, будучи малоплодородной, не могла прокормить население Лакии. Своего хлеба Лакии часто не хватало даже на полгода, поэтому лакцы прикупали его у лезгин предгорья, а также у кумыков и терекеменцев на плоскости. О том, что благосостояние лакцев зависело от урожая в соседних областях, свидетельствует поговорка: «Если в Кюре голод, то и в Лакии голод»³.

В 1897 году в Казикумухском округе полученного хлеба приходилось на душу населения 0,11 четверти; население могло им прокормиться всего 0,69 месяца или 0,08 года.

Основными культурами, которые возделывались в горах, были голый ячмень «у», ячмень «хъва», пшеница «лачІа», горох «хъюру», лен «турт», овес «никъа», просо «ши», конопля. Лет 70—80 назад в северной части Лакии — Вицхинском магале — стали культивировать кукурузу.

Культура земледелия у лакцев имеет свои устоявшиеся традиции и навыки, выработанные веками.

Весенние полевые работы начинались в первой половине марта, причем в более высокой южной части Лакии эти работы начинались дней на 10 раньше, чем в северной части, а созревало зерно в южной части дней на 10 позже. Существовала определенная последовательность в севе. В первую очередь сеяли яровую пшеницу, затем горох и голый ячмень «у». Кукурузу сажали не раньше чем через 40 дней после начала весны. В конце мая, когда овцы возвращались с плоскости, сеяли ячмень «хъва». Когда овцы поднимались в горы, наступала очередь льна и проса. Бахчевых культур Лакии не знала.

В исследуемое время в Лакии господствовала трехпольная система земледелия, на которую наложило свой отпечаток малоземелье лакцев: широко использовалось также чередование культур. Пахотное поле делилось на три части, а если было несколько участков, то через каждые два года на третий

² З. А. Никольская и Е. М. Шиллинг. Горное пахотное орудие террасовых полей Дагестана. СЭ, 1952, № 4; М. А. Агларов. Техника сооружения террасных полей и вопросы эволюции форм собственности у аварцев (до XX в.). Уч. зап. ИИЯЛ, т. XIII, 1964.

³ Х. Х. Рамазанов, А. Р. Шихсаидов. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964, стр. 120.

один из участков оставлялся под так называемый «черный пар». Участок, бывший летом под паром, осенью засевался озимой пшеницей. Определенная последовательность культур существовала и на остальных участках.

Вообще любой участок осенью, после снятия урожая старались перепахать, чтобы зеленая поросль, которая бывает на скошенном поле — «ках», оказалась бы в земле — «ка вив дишин». Считалось, что это необходимо для удобрения земли и для уничтожения сорных трав на пашне. Однако, по свидетельству А. Омарова «весьма немногие хозяева исполняют это»⁴.

Участок пашни, оставленный под пар, обрабатывали следующим образом. После того, как остальные участки весной засевались, участок, оставленный под пар, перепахивали, затем дав вырасти траве, в середине лета снова перепахивали его. В конце августа — начале сентября этот участок третий раз перепахивали, а дней через десять засевали озимой пшеницей. Озимую пшеницу стремились посеять в такие сроки, чтобы уже к началу осени появились всходы. Рачительный хозяин старался, помимо этого обязательного вспахивания, производить дополнительную вспашку пара через определенные промежутки времени, до 6—7 раз.

Участки, предназначенные под засев весной, обрабатывались следующим образом. Первым делом их старались удобрить. Удобрением служил навоз, а также зола. Участки обычно удобрялись через два года на третий, так как на ежегодное удобрение навоза не хватало. Удобрения разбрасывали по полю после того, как производили первую весеннюю вспашку «духъан». На следующий день после разбрасывания удобрений пашню засеивали. Делали это так: вначале крестьянин равномерно разбрасывал зерно по полю, затем, проводя сохой вспашку определенной глубины, заделывал зерно землей. При этом удобрения также оказывались внутри. Чтобы поле было засеяно равномерно, его предварительно делили на равные участки. Для этого пахарь вел плуг по нижнему краю поля «марща» до боковой межи. Затем по ней он проводит борозду на расстоянии 2,5—3 м., потом поворачивал плуг параллельно нижней границе и шел до второй боковой межи. Здесь опять вверх по меже он проходил около 3 м и вновь поворачивал плуг параллельно «марща» и проводил борозду до пересечения с первой боковой межей. Таким образом, весь участок оказывался разделенным на определенное количество четырехугольников. После этого крестьянин насыпал в мерку зерно и сначала засеивал один четырехугольник, разбрасывая зерно сначала в одну сторону, потом в другую, за-

тем все остальные. Весной до начала пахоты старики проверяли влажность почвы «араву».

Для выхода в поле выбирался определенный день недели, который каждый считал для себя наиболее удачливым. Это происходило после празднования дня первой борозды, символизировавшего начало весенних полевых работ.

Если сев был чисто мужской работой, то прополку делали только женщины. Сроки прополки были строго регламентированы: после того, как у зерна начинал прорезаться колос — «ник дуккан», производить прополку было уже поздно.

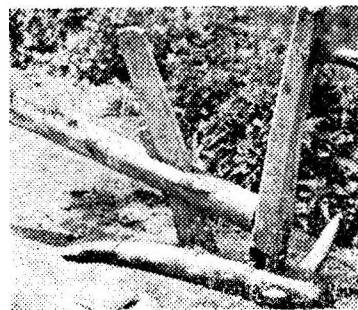

Рис. 1. Плуг «къарас».

Для того, чтобы сорняков на поле было меньше, во время осенней и весенней пахоты все поле очищали от корней — «марха буккан».

Сорняки после просушки их там же на месте, через несколько дней перевозились домой и использовались зимой как корм для скота. Если сорняков было мало, то их после прополки связывали небольшими пучками и оставляли тут же на поле между стеблями пшеницы, чтобы они сгнили, а при зяблевой вспашке, попав в почву, образовали перегной. В засушливое лето посеы не очищали от сорняков, так как, во-первых, из твердой почвы невозможно было выдернуть корни сорняков, а во-вторых, в этом случае сорняки давали тень всходам и защищали их от полного выгорания.

Для жатвы старшинами селения «къунисса» назначался определенный день — «мюгъ шаву» (тронуть серпом). К этому дню все готовились задолго. Для жатвы использовали серпы местной работы, а также фабричные покупные серпы. Употреблялись и маленькие косы — «мирх». Эту работу выполняли женщины, а мужчины связывали снопы. Для выполнения этой работы у лакцев принято было организовывать «марща» — взаимопомощь.

У лакцев существовало два способа укладки снопов в поле: «чанну» и «лизу». «Чанну» состоит обычно из трех или шести снопов. Шесть снопов в «чанну» располагаются следующим образом: три снопа лежат на земле, на них кладут два снопа и на самом верш — один сноп. Когда «чанну» складывали из трех снопов, два снопа располагались на земле, а один на них сверху. Способ «чанну» применялся в тех случаях, когда уборка урожая производилась в сухую жаркую погоду. В случае сырой погоды или если мокли снопы, уже сложенные в «чанну», их ставили «лизурде» (мн. ч. от «лизу»).

⁴ А. Омаров. Указ. соч., ССКГ, IV, стр. 22.

«Лизу» представлял собой пирамиду из нескольких снопов, поставленных вертикально колосьями вверх. Через несколько дней снопы, сложенные в «чанну» или «лизу», складывали в скирды «чанту», которые получались наращиванием «лизу».

После окончания жатвы необходимо было приготовить в селении токи. На каждом току молотили свой хлеб несколько хозяев, причем очередь устанавливалась жребием. Были и такие токи, которые принадлежали отдельным владельцам на том основании, что они сделали ток на пустом месте. Преимущество хозяев было лишь в том, что они ежегодно на этом месте первыми производили обмолот «чар». После них ток мог воспользоваться соседи в порядке очереди по жребию. При подготовке тока прежде всего устраивали места для скирд. Эти места разравнивали, очищали от камней и травы, проводили вокруг канавку для стока воды. Обычно право на «камужанну» (место для скирд) переходило из года в год одной и той же семье, и по свидетельству современника каждый мог даже продать свое право на это место любому другому лицу⁵.

Укладка хлеба в скирды была далеко не простым делом. Часто для этого приглашали специального мастера, который умел так ставить снопы в скирды, чтобы в них не проникала вода. Скирды на току могли быть двух видов: «чанту» и «кхаму» (скирда больших размеров, часто из разных культур). При устройстве «кхаму» мастеру нужны были помощники, подававшие ему снопы. Длинный шест, которым орудовали при этом, назывался «чантакку».

Непосредственно перед молотью ток подвергался специальной обработке «курта баву». Вначале ток очищался от травы, затем посыпался землей, которую разравнивали, а потом утрамбовывали с помощью катка. После этого ток заливался водой, а затем сюда свозили навоз и, равномерно распределив по току, прибывали его метлой. Затем здесь опять разбрызгивалась вода и равномерно разбрасывалась мякина, которую также сбрызгивали водой и прибывали метлой. После этого ток должен был сохнуть не менее двух дней. На общественном току всю указанную процедуру должен был проделать тот хозяин, кому по жребию выпало первому сделать обмолот.

Обработка тока требовала значительных физических усилий, а также затраты большого количества навоза (10—15 выюков, что по тому времени составляло топливо на большую часть зимы), но ток после этого в течение 4—5 обмолотов был твердым и почва тока не смешивалась с зерном и мякиной.

В некоторых селениях Кулинского района зимой заливали

ток водой и ждали, пока образуется лед. На этой ледяной площадке и производился обмолот.

Обмолоту непосредственно предшествовал процесс «кков гъагъан» (дословно: «разбить снопы»). Рано утром хозяева начинали сбрасывать снопы из «чанту». Каждый сноп развязывали и ударяли о ток так, чтобы он разламывался в длину пополам. Прodelав это со всеми снопами, предназначенными для «чар», их равномерно распределяли по току.

Орудием молотьи являлись общеизвестные молотильные доски, которые соединялись между собой кожаными ремнями у головы; этот же ремень соединяли с длинной палкой «куртта», которая прикреплялась одним концом к ярму. «Чар» принято было делать на быках, но использовали для этого и лошадь или двух ослов, припрягавшихся как быки. По прошествии некоторого времени снопы трясли вилами — «кусу даву». Этот процесс повторялся несколько раз.

Следующий процесс — «кьусул даву» (или «ххуту даву»). Он заключался в том, что размельченную солому переворачивали деревянными лопатами «чата» таким образом, чтобы зерно попадало наверх. Считалось, что зерно в верхних слоях способствует размельчению соломы. После окончания обмолота, нужно было узнать произошло ли «чар дуччаву». Для этого, поднимая солому ногой, смотрели, не осталось ли в ней стеблей длиннее 8—10 см. Но самым главным было убедиться, что зерно выпало из колосьев. Отдельные целые колосья собирали вместе и били их сверху особыми дубинками «гьуннутив».

После этого все, что было на току, собирали в 2 кучки на расстоянии 2—3 м друг от друга («кьянцен батаву») и начинали провеивать зерно («гьуен»), подбрасывая его лопатами по направлению ветра. После этого зерно и солому сметали в отдельные кучи. Затем зерно провеивали еще раз («марцних личаву»), чтобы очистить его окончательно.

Здесь же на току принято было производить приблизительный подсчет полученного зерна. Деревянную ручку лопаты опускали через вершину кучки зерна до основания; отметив глубину погружения, вынимали и измеряли количество обхватов руки на бывшей в зерне части лопаты. На каждый обхват приходилось 2 пуда зерна. Следовательно, если лопата погружалась на 10 обхватов, в кучке насчитывалось 20 пудов зерна.

Хорошим считался урожай в том случае, если один выюк давал 2 сабы пшеницы (приблизительно 1,5 пуда). Иногда выюк давал больше двух саб, а три сабы считались необыкновенно высоким урожаем⁶.

⁵ А. Омаров. Указ. соч., стр. 23.

⁶ А. Омаров. Указ. соч., стр. 23.

Солома также имела в хозяйстве важное значение, так как являлась основным кормом для скота и топливом на зиму.

Полученное зерно хранили в больших балхарских сосудах «кара» или в деревянных ларях «су», поставщиками которых в Лакию издавна были аварцы (в основном, в нынешний Лакский район) и даргинцы (в нынешний Кулинский район).

Важным видом сельскохозяйственных работ было сенокосение. Сенокосы были двух видов в соответствии с правом собственности на них. Сенокосы, принадлежавшие общине, ограждались с ранней весны от скота, на них не разрешалось пасти скот ни на каких условиях. Участки такого сенокоса ежегодно распределялись между жителями селения непосредственно перед сенокосением (в августе). Другие же сенокосы имели владельцев, но на них распространялось право «бартуртту» отдельных лиц или сельской общины в целом. Владельцы «бартуртту» пасли здесь скот с ранней весны и прекращали пастбу за 10 дней до начала лета, т. е. 12 июня. На таких сенокосах после прекращения пастбы вырастала невысокая нежная трава, из которой получалось первосортное сено.

Сенокосы своеобразно удобрялись. Для этого владельцы не очень хороших сенокосов просили какого-нибудь овцевода поставить на ночь свою отару на сенокосе. Делалось это весной или осенью, когда овцы перегонялись на горные пастбища и обратно на плоскость. Такой способ удобрения применялся не только для сенокосов, но и для пашен.

Сено косили мужчины. Скошенное сено оставляли сохнуть рядами «шуркри». На третий день подсохшее сено собирали деревянными граблями — «бяххин» и складывали в несколько стогов «хала баку». На следующий день сено перевозилось в селение и хранилось здесь либо на сеновалах, либо в стогах на крыше жилья.

Садоводство и огородничество в Лакии не были развиты. Так в 30-х гг. XIX в. Гене писал: «Жители Казыкумукского владения, Акуши, Сюрдя, Кхесеруха, Мукратль и Андалала об огородах понятия не имеют, к разводу коих и климат неблагоприятен, почему принуждены лук, огурцы, морковь и другие огородные овощи покупать у своих соседей; яблоки, груши, изредка виноград привозят туда на продажу из Аварии и из деревень, лежащих по Койсу ниже селения Хаджал-Махи»⁷.

По свидетельству очевидца, в 60-х гг. XIX в. у лакцев, как и везде в горах, было чрезвычайно мало огородов, и овощи считались почти излишним лакомством⁸.

⁷ Ф. И. Гене. Указ. соч., стр. 344.

⁸ А. Омаров. Указ. соч., ССКГ, III, стр. 42.

В 1864 году медик Трипольский отмечал отсутствие в Казыкумукском округе садов. Он говорил, что в некоторых аулах стараются их разводить, но труды не увенчиваются желаемым успехом; деревья или не принимаются, или же остаются в диком состоянии, и, по рассказам стариков, не плодоносят в течение многих лет, несмотря на самый тщательный уход⁹.

В сведениях 1901 года по Кумукскому, Вицхинскому и Аштикулинскому участкам Казыкумукского округа отмечается полное отсутствие садов¹⁰. Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1917 года зарегистрировала по Казыкумукскому округу всего садов: в сел. Унчукатль—0,6 дес., в сел. Цушар—0,6 дес., Кукни—0,1 дес. и Хурукра—0,3 дес.¹¹ По-видимому и эти участки состояли из дикорастущих плодовых деревьев.

Что касается огородов, то в середине XIX в. отмечается наличие их, хотя и в небольших размерах. Так, Абдулла Омаров сообщает, что его односельчане имели небольшие огороды, которые, как и сады, вскапывали кирками или железными лопатками, а потом делали маленькие грядки¹². Большею частью выращивали лук и чеснок, меньше — огурцы, тыкву, стручковый перец и совсем немного — петрушку. Вокруг огорода высевали кукурузу, кое-где подсолнечник и коноплю. Последние разводились больше для украшения огорода, чем для использования их урожая. Те из хозяек, которые не имели своих огородов, приносили на своих плечах мешки с землей и, высыпав ее на крышу, на плоские камни или же в горшки, выращивали на ней перец, лук, чеснок.

Другой исследователь отмечал, что в Лакии овощи можно разводить с большим успехом. По его данным, некоторые лакские аулы были известны развитием отдельных отраслей огородничества. Например, жители сел. Кума, производившие много лука и в особенности огурцов, слыли за «огурцоедов» (чикабукулт); жители сел. Хараши занимались выращиванием моркови¹³.

Разведением особого сладкого сорта моркови издавна занимались жители сел. Курла. Полагают даже, что отсюда произошло и название этого селения («кур» — по-лакски — морковь).

Согласно нашим полевым данным, уллучаринцы привозили на кумукский базар особого вкуса редьку в форме длинно-

⁹ Н. М. Трипольский. Казыкумукский округ. «Медицинский вестник». 1864, № 39.

¹⁰ ЦГА ДАССР, ф. 72-р, оп. 2, д. 8, л. 1.

¹¹ Труды Дагестанского статистического Управления, в. IV; Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1917 г. Дагестан, III, Казыкумукский округ. Махачкала, 1924.

¹² А. Омаров. Указ. соч., стр. 43.

¹³ Н. И. Воронов. Путешествие по Дагестану. ССКГ, IV, стр. 38.

го корня — «ширтри къая», а жители Курла, кроме моркови, разводили «кяла къая» (белая редиска).

В конце XIX в. в Лакии значительное распространение как огородные культуры получают картофель, кукуруза, табак, конопля, кое-где капуста (сел. Кума). Немалую роль в этом сыграли отходники, работавшие в разных уголках России и постепенно приобщавшиеся к русской культуре.

§ 3. ЖИВОТНОВОДСТВО

Животноводство у горцев, в частности лакцев, так же как и земледелие, было одним из древнейших и важнейших занятий. Древность животноводства в нагорном Дагестане подтверждается материалами археологических раскопок. Судя по некоторым костным остаткам овец и крупного рогатого скота (у сел. Чох Гунибского района), можно предполагать наличие зачаточных форм скотоводства уже в эпоху мезолита, причем приручался не только мелкий, но и крупный рогатый скот¹⁴.

Обилие прекрасных альпийских пастбищ в Лакии издревле способствовало развитию здесь животноводства, хотя оно и тормозилось отсутствием зимних пастбищ и необходимостью отгона скота на плоскость.

Разведение крупного рогатого скота было несомненно явлением весьма древним. На древность этого занятия указывает, например, то, что в качестве штрафа народный обычай лакцев повелевал резать быка. В податях и повинностях лакским феодалам также фигурируют бык или корова.

Об этом же говорит характер таких феодальных повинностей в Лакии, как «зунтах ниц» — бык за пастьбу или «ниц биххаву» — повинность, лежавшая на сел. Табахлу: в случае посещения владельца джамаат обязан был зарезать быка.

На древность разведения крупного рогатого скота указывает и лакский обычай, связанный с древнейшим поверьем: обычно вечером из дому не выдавалась мука, кроме того единственного случая, когда она нужна была для того, чтобы снабдить ею пастуха. В этом случае следовало сказать: «Гьохчил чантай бивуну, къат дакъа буссиявча», т. е. «до меня дошла пастушья сумка, а у меня нет ни пригоршни». Это говорилось и тогда, когда такой причины фактически не было. Однако пренебрегать этой обязанностью избегали из опасения рассердить злых духов отсутствием уважения к такому святому делу, как удовлетворение пастуха. Все это го-

ворит об особом отношении к разведению крупного рогатого скота¹⁵.

Овцеводство в Лакии также было очень древним занятием, особенно в селениях нынешнего Кулинского района, где животноводство всегда играло первенствующую роль благодаря близости прекрасных альпийских пастбищ, а также вследствие большей суровости климата, чем в других местностях Лакии, в результате чего за короткое лето могли созреть не все злаки, а преимущественно голый ячмень и озимая пшеница.

На древность овцеводства указывает то, что у лакцев сложились отдельные названия для овец не только в соответствии с возрастом, но и по цвету и по другим признакам. Всего возникло около 40 названий (сел. Вихли). Например, «дурцеллиса» — пестрая окраска с преобладанием белого с черным; «тарли чакалиса» — сочетание коричневого цвета с белым; «хиняк чакалиса» — белый цвет с серым; «лях кашиса» — белые челюсти; «туру орчиса» — коричневый цвет с белым; «сангъравса» — безухий баран (или овца); «автаса» — с короткими ушами; «цатиса» — темного цвета с более светлой спинкой.

В исследуемое время у большей части населения имелся крупный рогатый скот (коровы, волы), а также лошади, ослы. Поскольку в Лакии не было зимних пастбищ, постольку домашнего скота было немного, держался он исключительно для нужд семьи и улучшением его породности никто не занимался. Современники отмечали невзрачность и малорослость скота местной породы при большой выносливости его¹⁶. Средняя удойность местных коров зимой составляла всего лишь 4—5 стаканов молока в день, летом 7—8, иногда 10.

В 1889 году в Казикумухском округе насчитывалось 21604 головы крупного рогатого скота¹⁷.

Горные травы и сено с альпийских пастбищ были превосходного качества, очень питательны и богаты белковыми веществами, поэтому скот за лето хорошо отъедался. Зимой же скот кормили очень плохо. За нехваткой сенокосных угодий сено не заготавливалось в достаточном количестве, поэтому почти всю зиму скот кормился преимущественно соломой. В 1911 году в Лакии на 1 голову скота приходилось сенокосов и пастбищ всего 0,16 десятины¹⁸.

Были попытки улучшить породность крупного рогатого скота. Так, в 1907 году общество с. Казикумух просило о вы-

¹⁵ Очередность домов в обеспечении пищей соблюдалась только по отношению к пастуху сельского стада.

¹⁶ Казикумухский округ. «Новое обозрение», 1890, № 2159.

¹⁷ Там же.

¹⁸ ЦГА ДАССР, ф. 7, оп. 1, д. 25, л. 2.

¹⁴ К. Н. Золотов. Роль охоты и животноводства в хозяйственной жизни населения Дагестана в древности. МАД, т. II, Махачкала, 1961, стр. 291.

писке им двух племенных быков, отпустив для этого 500 рублей. В начале 1908 года было приобретено на эти деньги два чистокровных швица из Харьковской сельскохозяйственной фермы. Содержались эти быки плохо: помещение для них было темным, грязным, корм не концентрированным, а уход посредственным. Результаты этого эксперимента оказались неудачными, и бычки были проданы в другое место¹⁹.

Неблагоприятные условия содержания, недостаток кормов делали местный скот очень восприимчивым ко всевозможным заболеваниям. Так, в 1885 году чумой заболело в округе 2763 головы скота, а выздоровело всего 306 голов²⁰.

Крупный рогатый скот в те периоды, когда он нужен был в хозяйстве, держали дома. Быков осенью и зимой держали в селении, так как на них производили молотьбу и вспашку поля, а на лето обычно отправляли в горы. В селениях бывшего Мукарского наместничества, пограничных с Аварией (Мукар, Ури, Палисма, Камахал), принято было на лето отправлять на горные пастбища и коров. Их пасли на горах «Никкьучавахалу», «Нагьлил арду» (сел. Мукар), «Кумалю», «Кьатнил зунтту» (сел. Палисма). С животными уходили обычно старухи и дети. Для коров строили загоны, а для людей — временные жилища «чаттирду» или устанавливали палатки из паласов. Запасаясь продовольствием, люди жили здесь около трех месяцев.

Женщины брали с собой все необходимое для изготовления масла. Сосуды со свеженадоенным молоком ставили в речку, протекавшую рядом, где оно сохранялось несколько дней, как в холодильнике. Затем снимали сливки сразу с большого количества молока, наливали их в маслобойки и сбивали масло. Коровы в это время давали много молока, так как день и ночь паслись на сочном корму.

Сливочное масло перетапливали, накапливая топленое масло на зиму. Из снятого молока приготавливали творог. Даже сыворотка не выливалась. Ее кипятили долгое время, пока в ней не появлялась творожистая масса, которая после стока жидкости имела приятный вкус; называлась она «магиш».

Такая форма летнего содержания молочного скота была характерна не для всех лакцев. Она зафиксирована нами лишь у жителей Мукарского ущелья — соседей аварцев и замештована по-видимому у них.

Поголовье коров, телят и ослов держали отдельно, нанимая отдельных пастухов.

Для получения мяса и шерсти разводили овец. Овцеводческими районами были селения нынешнего Кулинского района и ряд селений Вицхинского участка (Куба, Чукна и т. д.) нынешнего Лакского района.

В конце XIX в. возрастает товарность овцеводства, и оно приобретает крупный размах. Отдельные владельцы скота сосредотачивают в своих хозяйствах по несколько тысяч овец. В конце XIX в. К. Ган сообщал о жителях нынешнего Кулинского района: «Казикумухцы этого района все довольно состоятельны; они занимаются хлебопашеством и скотоводством. У многих есть от 3000—4000 штук овец и до ста и более лошадей, шерсть или на месте перерабатывается на ковры, сукна, бурки и т. д., или же продается с выгодой, по 9 руб. за пуд»²¹.

Развитие овцеводства было связано с возросшими потребностями рынка в конце XIX—начале XX вв. Из года в год увеличивается количество поставляемой на общероссийский рынок животноводческой продукции. Рост этот происходит в основном за счет овцеводства. Так, в 1902 году Казикумухский округ вывез на внешний рынок около 6 тыс. овец и 880 пудов шерсти, а в 1914 году 17575 овец и 9105 пудов шерсти. Мясо вывозилось в основном в промышленные районы Закавказья и Северного Кавказа, а шерсть в текстильные центры — в Москву и Иваново-Вознесенск²².

Разводились овцы местной горной породы с черной жесткой шерстью и с большим курдюком. Поскольку Лакия не имела зимних пастбищ, овцеводство носило отгонный характер. Однако часть овец зимовала в селениях, довольствуясь порослью на солнечных склонах и стерне. Владельцы же большого количества овец перегоняли их на плоскость. В округе было также много коз с длинной черной или белой шерстью. Овечья шерсть шла на изготовление сукон, так называемых «лезгинских шалей». По данным 1888 года в округе от общего количества 182000 от бескормицы пало 80000 голов овец и коз, причем одно только селение Чукна потеряло до 30 тыс. голов²³. Подобные падежи случались довольно часто. Так, письмоводитель Вицхинского наместничества Зайди Курклинский написал некоему Магомеду письмо с просьбой найти покупателей для казенных пастбищных гор, на которые нет арендаторов, так как после неудачной зимовки от баранты осталась

²¹ К. Ф. Ган. Путешествие в Кахетию и Дагестан (летом 1898 г.). СМОМПК, XXXI. Тифлис, 1902, стр. 76.

²² Г. Г. Османов. Социально-экономическое развитие дагестанского доколхозного аула. М., 1965, стр. 71.

²³ Казикумухский округ. «Новое обозрение». 1890, № 2159.

¹⁹ ЦГА ДАССР, ф. 7, оп. 1, д. 25, лл. 3—4.

²⁰ Казикумухский округ. «Нов. обозрение», 1890, № 2159.

лишь половина²⁴. Тем не менее овцы были здесь самым продуктивным видом скота.

В местах зимовки овец сено не заготавливалось. Они и зимой содержались на подножном корму. Обычно овцы отгонялись на плоскость в конце ноября и возвращались в конце мая. Овцеводы, имевшие небольшое количество овец, почти весь год пасли их на окрестных горах, арендуя кутаны на плоскости только на два весенних месяца (с конца марта до конца мая).

Каждые 300 овец составляли «гьукъала», которое сопровождали на плоскость один чабан и «хойчо» (распорядитель) — хозяин стада. Если в «гьукъала» были овцы нескольких хозяев, то «хойчо» назначался один из них, чаще всего тот, который имел в «гьукъала» больше овец. Остальные владельцы определенным образом вознаграждали хойчо. Плата чабану устанавливалась в соответствии с количеством овец. 3000 овец составляли «турзан», который сопровождали 8—10 чабанов и хойчо.

День возвращения овец с равнины отмечался как большой праздник. Все селение выходило навстречу чабанам с лучшими кушаньями. День первой дойки овец также отмечался как праздник — «даблун». В этот день устраивали «бега ягнят», и хозяин победившего ягненка должен был всех чабанов угощать пирогами с мясом. Молоко первой дойки заквашивали и раздавали в селении.

Для летней пастбы овец нанимался чабан «кун гьехчу». В порядке оплаты труда ему давали 12 овец, 6 овечьих шкур, 3 датала шерсти. Кроме того, ему полагались обувь, бурка и еда от хозяина. На питание чабану выделялось 3 овцы — «тта» и 3 барашка — «сси», а также первые три дня доились три овцы. Сезон дойки начинался в начале лета и кончался, когда проходило 2 месяца. Овец доили ежедневно с целью получения сыра брынзы, который готовился также ежедневно. Приготавливали брынзу так же, как и у других народов Дагестана.

Как указывалось выше, не все овцы перегонялись на плоскость — часть овец зимовала в горах. Некоторые хозяева имели специальные хутора — «мащи», где они зимовали с овцами. Так, жители селения Мукар нынешнего Лакского района имели целый ряд зимних «мащи» в местностях «Хюлунтав», «Гьаллав», «Гьаллавсса муруллу», «Хьучав» (2 мащи), «Агахьал мащи», «Пигьул мащи», «Аьттарак», «Асулал мащи», «Маршах мащи», «Ибранхьал мащи», «Гьазилавдулал мащи», «Пиртувсса мащи», «Хьун ххалав» — 2 мащи, а всего 14 хуторов.

В селении Палисма в местности «Бургьби сун» было мащи, принадлежавшее семейству Бухарихъул. Особенно много этих «мащи» было в Кулинском районе. По нашим полевым данным, ряд поздних поселений лакцев возник именно на месте бывших овечьих «мащи». Они часто сохраняли указание на это в своем названии: Чаккал-мащи, Джапарал-мащи, Ула-Урта, Тукат, Барних, Тукра, Кичурдих, Халух. Вокруг «мащи» были пастбища, на которых паслись овцы. Кроме того, хозяева мащи имели право «ках» на окружающие «мащи» пашни, т. е. овцы поедали осенью молодую поросль на стерне. Если владелец пашни, не считаясь с правом овцевода на «ках», производил здесь зяблевую вспашку, он платил овцеводу значительный штраф зерном.

Из других животных, имевших в хозяйстве горца большое значение, следует назвать лошадей и ослов. Верховые лошади для многих селений вплоть до революции были единственным транспортом. Для перевозки тяжестей вьюками наряду с лошадьми повсеместно использовались ослы. В 1911 году в Казикумухском округе было 2670 лошадей, 95 мулов и 4470 ослов²⁵. Лошадей приводили из других мест, особенно из Терской области, возвращающиеся домой отходники. Содержались лошади плохо, они получали мало сена и соломы, а овес и ячмень ели очень редко.

Очень неприхотливым и исключительно полезным домашним животным был осел. Часть полевых работ и основная работа по перевозке тяжестей лежала на нем. В условиях бездорожья осел был незаменимым животным для перевозки тяжестей по горным тропинкам среди скал.

Птицеводство в Лакии, как и вообще в горах, не было развито. Гене сообщал: «В верхнем Дагестане домашней птицы, исключая кур, никакой нет... В бытность мою в Казикумухе случилось мне видеть только двух гусей, которых для редкости держат, уток же и индюков вовсе не видно»²⁶. Другой автор в конце XIX в. сообщал о Лакии: «Птицеводство вовсе не развито; домашняя птица не имеет за собою никакого ухода; мясо невкусно и чрезвычайно жестко»²⁷.

Пчеловодство также не получило большого развития. Им занимались отдельные лица, которые продавали мед и воск на кумухском базаре. Простому народу мед был недоступен, а у богачей был в большом употреблении как в натуральном виде, так и для приготовления алкогольных напитков. Мед снимался осенью и отличался своим ароматом, лакская народная медицина широко его использовала.

²⁵ ЦГА ДАССР, ф. 7, оп. 1, д. 25, л. 2.

²⁶ Ф. И. Гене. Сведения о горном Дагестане. ИГЭД, стр. 345.

²⁷ Казикумухский округ. «Новое обозрение», 1890, № 2159.

²⁴ Архив краеведа М. Пашаева, № 2/19.

Таким образом, животноводство, как и земледелие, было одним из важнейших занятий лакцев.

В традициях, связанных с уходом за скотом, содержанием его, использованием в хозяйстве, у лакцев было много общего с другими народами Дагестана.

§ 4. ДОМАШНИЕ ПРОМЫСЛЫ И РЕМЕСЛО

Домашние промыслы в Лакии издавна получили большое развитие, так как острое малоземелье и отсутствие зимних пастбищ принуждали лакцев искать дополнительные возможности для существования. Развитие домашних промыслов в натуральном хозяйстве диктовалось необходимостью удовлетворять потребности членов семьи в одежде, предметах обихода. С тех пор, как мастер стал работать на заказ, из домашних промыслов выделяется ремесло. Ленин говорит: «Первой формой промышленности, отрываемой от патриархального земледелия, является ремесло, то есть производство изделий по заказу потребителя. Материал может принадлежать при этом потребителю — заказчику или ремесленнику, а оплата труда ремесленника происходит либо деньгами, либо натурой»²⁸.

Большое значение для развития промыслов имело и наличие свободных рабочих рук, которые не имели полной нагрузки в других отраслях хозяйства лакцев, а также наличие сырья. Так, овцеводство давало материал для сукноделия, изготовления лаласов и т. д.; наличие залежей высококачественной глины дало толчок гончарному производству в лакском селении Балхар.

В 1897 году в Казикумухском округе насчитывалось золотых и серебряных дел мастеров 415, кузнецов—136, сапожников—197, работниц сукноделия—2588, лудильщиков—1015, столяров—39, каменщиков—98²⁹.

Для развития ремесел, связанных с обработкой металла, необходимо было поддерживать экономические связи с другими народами Дагестана, Кавказа и особенно с нейтральной Россией, откуда горцы получали металл. Связи эти нужны были и для сбыта изделий.

Дороговизна привозных материалов и невозможность сбыта всех изделий на месте вызывали массовый отход ремесленников из Лакии. Для некоторых лакцев отхожий промысел служил единственным источником существования. Лакцы ежегодно отправлялись на заработки почти во все губернии России. Пробирались они и за границу: во Францию,

Алжир, Эфиопию. С 1860 по 1867 год ежегодно уходило из Лакии на заработки около 6 тыс. человек³⁰. В последующие годы число это неуклонно росло. Так, в 1899 году было зарегистрировано 8733 отходника³¹, а в 1900 году—11494 чел³².

Уходили они осенью, а весной возвращались домой для обработки полей. Отказывая себе в самом необходимом, живя и работая в крайне тяжелых условиях, отходник старался весь свой заработок, составлявший 80—100 рублей в год, принести домой.

Следует отметить, что не все отходники-лакцы занимались ремеслами, часть из них нанималась чернорабочими на плантации марены или на другие сельскохозяйственные работы.

Обработка шерсти и кожи

Обработка шерсти и производство изделий из нее было исключительно женским делом и требовало долгого и кропотливого труда. Сукноделием занимались в большинстве селений Лакии, вначале для собственного употребления, а затем и для продажи. Сукна выработывались различные: грубые, употреблявшиеся для изготовления повседневной одежды, и прекрасные тонкие сукна, отличавшиеся большой прочностью, которые шли на изготовление черкесок и женской одежды.

А. С. Пиралов сообщает: «В Даргинском округе и в соседнем Казикумухском (сел. Кая, Цовкра, Чукны, Арчи) выделяются лучшие сукна из овечьей и козьей шерсти, известные во всем кавказском крае в продаже под именем лезгинских»³³. Готовые сукна имели естественный цвет овечьей шерсти: белый, серый, черный, коричневый. Кусок лучшего казикумухского сукна в 12 аршин стоил 30—40 рублей³⁴.

Для изготовления сукон употреблялась шерсть годовалых овец—«сси» осенней и весенней стрижки. Снятая с овцы шерсть предварительно перебиралась, затем тщательно промывалась в холодной воде, чтобы очистить ее от грязи, жира, всевозможных минеральных солей. Если шерсти было мало, ее мыли дома, а значительное количество — в речке. Высушенная шерсть каждого цвета раскладывалась отдельно, а затем разрыхлялась руками. Окончательное разрыхление и очистка производились инструментом в форме лука — «тли-

³⁰ Казикумухские (лакские) народные сказания. ССКГ, вып. 1, Тифлис, 1868, стр. 45.

³¹ Обзор Дагестанской области за 1899 г., стр. 69.

³² ЦГА ДАССР, ф. 72-р, оп. 2, д. 8, л. 2.

³³ А. С. Пиралов. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа. Вест. Кавказ, 1914, стр. 209.

³⁴ М. Алиханов-Аварский. В горах Дагестана. К., 1895, № 67.

²⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 329.

²⁹ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 1, д. 12, л. 12.

ти курта». Инструмент этот состоял из тонкого, гибкого прута, согнутого дугой, к двум концам которого привязывалась суровая нитка. Прут погружали в предназначенную для разрыхления шерсть и через определенные промежутки времени натягивали тетиву так, чтобы нить все время находилась в движении и разрыхляла шерсть. Затем с помощью чесалки, состоящей из трех рядов стальных игл, распространенной у всех кавказских народов, шерсть расчесывалась и складывалась отдельными кудельками.

Лучшей считалась шерсть первой вычески «ззит». Из нее получалась пряжа для первосортного сукна, которая шла на изготовление нитей основы такого сукна. На нить для утка шла оставшаяся шерсть второй вычески — «вилт». Очески употреблялись для изготовления войлока.

Прядение шерсти производилось веретеном. В некоторых селениях нити основы для сукна пряли таким образом: к потолку жилища привязывалась ручка какого-нибудь разбитого балхарского сосуда и через нее пропускалась нить с веретена, которая благодаря сильному натяжению получалась предельно тонкой и прочной. Нить для утка пряли на веретене с пряслицем. Сучение имело целью получение более толстых ниток из тонких; соединив 2—3 нитки вместе, их скручивали. Для выравнивания такую нить пропускали через укрепленную на потолке ручку балхарского сосуда.

Наиболее распространено было изготовление сукон серого и черного цвета. Обычно ткался кусок длиной 14 «нак» (7 м), необходимый для изготовления черкески для мужчины среднего роста. Все подготовительные работы для выделки сукна производились зимой. В конце зимы — начале весны начинался сам процесс тканья, который спешили закончить до начала полевых работ.

Для тканья сукон и паласов употреблялся один и тот же станок, который назывался «чукълул кката» (станок для сукна «чукъа»). Основой станка были две параллельные жерди, укрепленные на земле с помощью кольев. Перпендикулярно к ним устанавливались более тонкие жерди. Ткачиха стояла во время работы на коленях на дощечке «ула». На тонкие жерди натягивались нити основы в два ряда. Ткацкий станок лакцев был горизонтальным. Основным рабочим инструментом этого станка являлось бердо «тарал», через которое пропускались нити основы и с помощью которого образовывался зев между верхним и нижним слоем ниток. Для раздвигания нитей основы служила и ремизная палка «къинул тарх» («къинбизу» и «бурлилул тарх»). Нитка утка («бурли», «къин») при тканье паласов всегда была черной. Челнок утка имел ладьеобразную форму — «къинул тур». Вспомогательными инструментами служили било «ква» для прибива-

ния нити утка к основе, «къачи» — гребень для прибивания готовой пряжи, «ххути» — костяная или деревянная палка длиной в 20 см, чтобы разрезать нити основы; «макъ руку» и «лагъу» применялись для того, чтобы не смешались нити основы. После изготовления куска сукна принято было производить «дарклан»: в корыте с водой этот кусок сукна мяти двое мужчин, чтобы ткань стала плотной. Процесс «дарклан» совершали мужчины, так как он требовал больших физических усилий. Затем сукно вынимали и тянули в противоположные стороны, чтобы не получилось усадки ткани. Потом с этой же целью к одной стороне куска привязывались грузы, а с другой стороны в специально для этого предназначенные петли просовывались два параллельных стержня, за которые и тянулось сукно. Вместе с растяжением ткани этот процесс способствовал и глаженью ее.

Если сукно ткалось естественного цвета овечьей шерсти, то для изготовления паласов шерстяные нити красили. В большинстве селений паласы ткались с узором в полоску («къа», «гъитта»), а селение Вихли нынешнего Кулинского района славилось своими клетчатыми паласами «чирчри».

Есть сведения, что в селениях нынешнего Кулинского района раньше было развито производство безворсовых ковров «ххюта» (селения Цовкра II, Хосрех). Эти ковры входили даже в состав дани натурой, которую взимали в XVIII в. лакские правители с жителей Хосреха.

Для окраски ниток в тот или иной цвет лакские женщины пользовались растительными красками, которые были созданы ими самими из местного материала. Только в красный цвет красили мареной «хуну», доставляемой с плоскости.

Очень распространенную в шерстяных паласах желтую краску получали следующим образом: цветы молочая «туккул нак» (дословно: ослиное молоко) 2—3 дня размачивали в холодной воде. Затем в воду добавляли особую землю «залакул арши», которая, по-видимому, содержала квасцы, ее мяти и ждали пока вода не отстоится. Затем отстоявшуюся воду пригоршнями удаляли в другой сосуд, а в оставшейся части воды опять мяти землю. Отстоявшуюся воду снова отливали, что продолжалось до тех пор, пока жидкость сохраняла кислотавый вкус. Затем эту жидкость кипятили, бросали в нее шерстяные нитки и держали их в ней около получаса для протравливания. Затем нитки высушивались, а жидкость с цветами молочая кипятили и бросали в нее протравленные нитки. Белые нитки приобретали ярко-желтый цвет, а сероватые или красноватые — зеленоватый.

Для получения зеленой краски использовали зеленые ягоды растений «мирхъик». Раздробленные ягоды этого растения держали некоторое время в холодной воде, затем их кипятят-

ли и в этот отвар бросали протравленные белые нитки. Они окрашивались в пустой зеленый цвет.

Для окрашивания в синий цвет собирали свежую мочу крупного рогатого скота, бросали в мочу нитки и оставляли в ней дней на 15. Моча выполняла здесь роль протравы. Затем нитки вынимали и смазывали синькой и опять помещали туда же. Через день процедура повторялась и так продолжалось три раза. Получалась ярко-синяя, не линяющая окраска. В ряде случаев в мочу добавляли в размельченном виде особый камень синего цвета и, положив пряжу в эту жидкость, оставляли в ней дней на восемь.

Все эти краски были очень устойчивы к действию воды и солнечных лучей.

Следует отметить, что такой способ крашения был распространен в основном в селениях нынешнего Лакского района, жители же Кулинского района для окраски отдавали пряжу акушинцам.

Для тканья паласов употреблялась пряжа из шерсти взрослых овец — «*хьун хайван*».

В Лакии повсеместно было развито также войлочное производство. Из войлока изготавливали зимнюю обувь, верхнюю одежду для пастухов, а войлочные подстилки служили вместо простыни.

Шерсть, предназначенную для изготовления войлока, не мыли, так как жир, грязь и пот в шерсти обеспечивали клейкость частиц в войлоке (мыли только готовый войлок). Шерсть для войлока равномерно располагали на паласе в три слоя определенной толщины: самый нижний слой — длинные волокна шерсти, средний — вычески, самый верхний слой, как и нижний, состоял из длинных волокон. Сверху набрасывали прутьики, чтобы при скручивании паласа шерсть не переместилась, все это равномерно сбрызгивали теплой водой и палас осторожно сворачивали. Сверток этот мяли особым образом руками, отталкивая от себя и притягивая. Палас трижды разворачивался и снова заворачивался в длину и ширину. Затем две женщины хватали сверток за концы и били о землю. После этого сверток заворачивали еще в один палас, обвязывали его крепко-накрепко веревками, особенно концы, и приносили на покато место. Здесь на него в ряд становились женщины и все одновременно мяли его ногами, передвигая вниз по склону. Затем сверток разворачивали, еще раз сбрызгивали шерсть водой и сворачивали то в длину, то в ширину. Процедура эта повторялась несколько раз, называлась она «*бавчан*».

Готовый войлок мыли. Если кусок войлока предназначался для подстилки, его обшивали разноцветными шерстяными нитками и делали бахрому.

Обычно изготовлением одного войлока занималось не меньше трех женщин, так как это занятие было весьма трудоемким.

Женским промыслом в сел. Кумух было и тканье шелковых кушаков разной ширины из шелковых ниток (сими), которые вдевались в мужские штаны вместо вздержки. Кумухские мастерицы были поставщиками этих кушаков для всей Лакии.

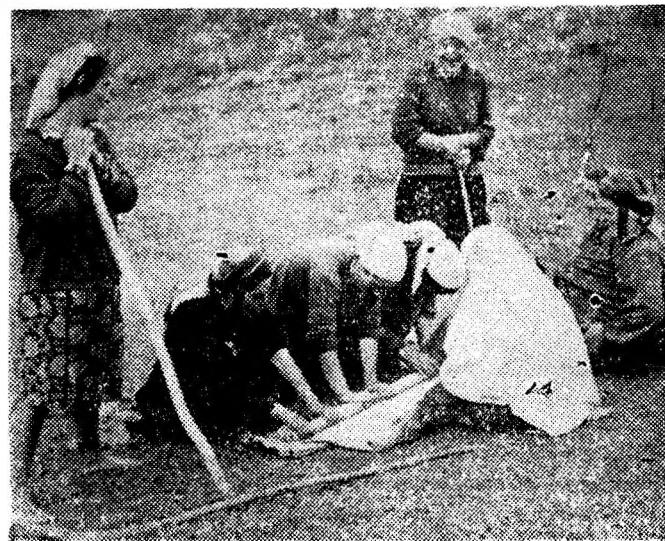

Рис. 2. Изготовление войлока.

Станок «*хах*» для изготовления кушаков был очень прост и представлял собою четырехугольную раму (40×35 см), составленную из четырех жердей. Жерди — стояки имели просверленные отверстия, чтобы по желанию можно было уменьшать ширину изготавливаемого изделия. Рама устанавливалась вертикально перед сидящей мастерицей и обматывалась нитями так, что получалось два ряда нитей. Плетение и продергивание нити производилось вручную, только для прибивания и разрежения основы существовали специальные приспособления.

Для приготовления предметов одежды употреблялась обработанная овчина. Ее обработка состояла в отбеливании и мягчении. Процесс обработки овчины у лакцев имел много общего с соответствующим процессом у других народов Дагестана³⁵.

³⁵ См. С. Ш. Гаджиева. Материальная культура кумыков XIX—XX вв. Махачкала, 1960, стр. 101—102; ее же. Некоторые виды домаш-

Снятую с барана шкуру солили и сушили. Затем для того, чтобы обезжирить овчину, насыпали землю на гладкую ее сторону, терли ее руками до тех пор, пока земля не чернела от впитывания жира. Это продельвалось 2—3 дня подряд. Затем обезжиренную овчину обмывали в реке и сушили.

После этого готовили на бузе кашницу из солода и толокна с добавлением соли и, дав кашнице прокипеть, мазали ею гладкую сторону, клали овчину на палас волосом вниз и оставляли здесь дней на восемь. Затем ее вешали для просушки.

Подсохшую овчину оборачивали вокруг палки и просовывали в отверстие специально для этого предназначенного камня — процесс «кикаву». Целью этой процедуры было смягчение овчины. При пропускании через камень овчину выкручивали внутри камня. Повторялся этот процесс несколько раз, пока овчина не освобождалась от закваски и не белела.

Потом производился процесс «ххуку даву». Белый речной камень «чевгъа» толкли, затем мололи на ручной мельнице и насыпали на овчину. Сверху эту массу растирали камнем по овчине, что способствовало отбеливанию овчины.

Следующий процесс носил название «чата дуккаву» и состоял в том, что специальной железной лопаткой скоблили шкуру, привязав один конец ее к дереву. После этого овчина становилась гладкой и была готова к употреблению. Она шла на шитье верхней зимней одежды мужчин, женщин и детей и на головные уборы мужчин.

Лакхам была известна лишь сыромятная выделка кожи для чарыков. Для другой обуви покупали готовую кожу у даргинцев или же отдавали кожу на выделку цудахарцам.

Для изготовления хорошей обуви лакские сапожники приобретали кожу на кумухском базаре, куда она привозилась из разных мест Дагестана. В конце XIX в. лакские купцы ввозили в Лакию прекрасный сафьян, который употреблялся для изготовления женской обуви под названием «тавриз» (возможно, выделка его производилась в Тавризе).

Кожу для чарыков выделывали следующим образом. Со снятой с барана шкуры состригали шерсть. Затем ее смягчили, залив супом. Скатанную в жгут шерстью внутрь шкуру клали в навоз в хлеву и оставляли в нем на 7—8 дней. Здесь шкура прела и шерсть с нее слезала. Затем шерсть смазывали тестом, снова заворачивали и били специальными дубинами с утолщенным рабочим концом — «гьуннутив». Затем шкуру

резали на куски, нужные для пошива чарыков, и снова били этими дубинками. После этого кожа была пригодна для чарыков. Шитьем обуви славилось в Дагестане лакское селение Шовкра, а седла выделывали в селениях Унчукатль, Палисма и др.

Искусные сапожники селения Шовкра шили мягкие сафьяновые чувяки «тавризрал мягси» (чувяки из сафьяна «тавриз») или «чаргас мягси» (дословно: черкесские чувяки), «лакку чакмарду», в которых не различались левый и правый сапог, «тейла мягсив» (тоже не различавшие левую и правую ногу), «пашмакъру» без задников. Все эти изделия в начале полностью удовлетворяли потребности в обуви внутри Лакии. В конце XIX в. шовкринцы работали в Темир-Хан-Шуре, Порт-Петровске, Баку. Здесь они изготавливали модные сапоги, ботинки на шнурках (венгерки), чувяки с кожаными же галошами, а с начала XX в. — закрытые ботинки (шилвит) с отделкой из сукна. Перекупщики скупали обувь у шовкринцев и везли ее для продажи в Азербайджан.

Во второй половине XIX в. в Кумухе получает развитие вышивание «гулавати» по шелку, коже, атласу, бархату, сукну, как важная отрасль женского труда. Вышивкой украшаются женские головные уборы, одежда, обувь, конская сбруя, кисеты для табака, сумки, суконные занавеси, кобуры, футляры для корана, накидки на сундуки. Первоначально вышивание золотой канителью представляло собою занятие богатых женщин, которые, не занимаясь физическим трудом, имели много свободного времени. Во второй же половине XIX в. в связи с развитием торговли и появлением спроса на вышитые изделия они становятся объектом купли-продажи как в Лакии, так и за ее пределами. Известными мастерицами-вышивальщицами в конце XIX в. были женщины из семьи Акиевых, Муслимат Мусалаева, Ата-бава и др.

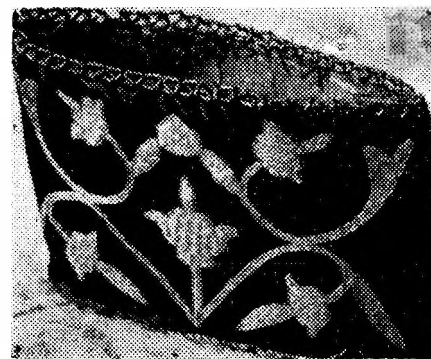

Рис. 3. Вышитая сумка.

По-видимому, искусство вышивания было заимствовано лакскими женщинами у кумычек, среди которых оно было сильно развито. Наиболее распространенными элементами узора вышивки были «пулла» (трехлепестковый цветок) и «ххулу» (по-лакски дорога). «Ххулу» представляло собой стилизованный, вытянутой формы листок трилистника. Были еще элементы «ширипентту»

них промыслов даргинцев XIX—XX вв. Ученые записки ИИЯЛ, т. XVI, Махачкала, 1966, стр. 321; С. С. Агаширинова. Национальная одежда лезгин в XIX—начале XX века. Махачкала, 1960, РФИ, ф. 3, оп. 3, д. 122, стр. 5—6; ее же. Национальная одежда аварцев в XIX—XX вв. Махачкала, 1962, РФИ, ф. 3, оп. 3, д. 153.

(кружочки), «жакну» (стилизованные птицы). В конце XIX—начале XX вв. стали появляться узоры в виде двуглавого орла — символа Российского самодержавия. Смысла этого символа мастерицы не понимали, а видели в нем только удобный для исполнения декоративный узор.

Процессу вышивания предшествовала определенная подготовка. Под материал, который собирались вышивать, подклеивали мучным клейстером простую материю, чтобы создать твердую основу. Затем вырезали из бумаги узор и закрепляли его простыми нитками на материале. После этого заготовку натягивали на специальные пяльцы, которые на ножках устанавливались перед мастерицей, и крученой золотой или серебряной нитью обшивали бумажный узор. При этом нить обкалывалась с двух сторон иголкой с желтой шелковой нитью. Затем бумажный узор убирался и крученая нить располагалась внутри ограниченного поля в форме всевозможных узоров.

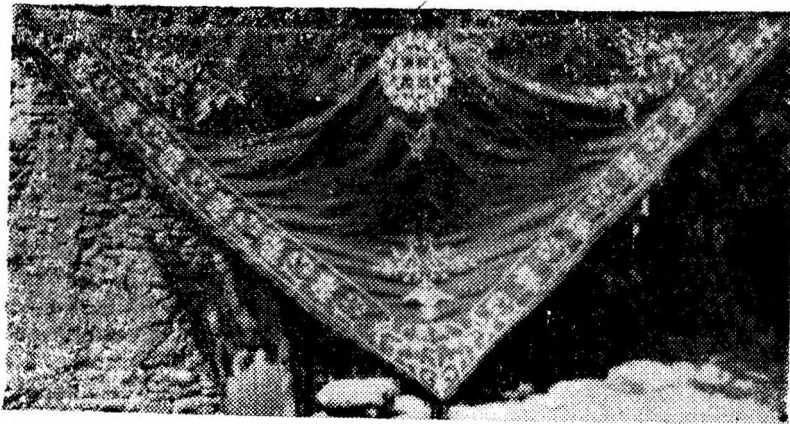

Рис. 4. Вышивка на головном платке.

Техника свободного вышивания была та же, что и обшивания узора: золотая или серебряная нить не продевалась в материю, а лишь располагалась на ней незаметными стежками, пришиваемая к ней желтой нитью. По технике заполнения поля различались способы: «зунххи» (расположение нити под острым углом к полю) и «каралагия» (расположение нити ромбиками разных размеров). Различались узоры: «уттаней зунххи», «Аймисей (женское имя) накъич», «салингуллу», «зунхилув каралагия», «каралагиялув яхшарду», «каралагиялув уттаней зунххи», «гъисилу накъич», «зунххилуву яхшарду», «каралагиялув ширипентту», «пахлама накъич».

Обработка минералов

Крупным центром гончарного производства в Дагестане было лакское селение Балхар.

Для этого здесь были особенно благоприятные условия. Прежде всего, местность вокруг Балхара изобиловала залежами глины высокого качества. Кроме того, Балхар был расположен вблизи древнейшего торгового пути, связывающего восточное Закавказье и долины рек Куры, Алазани и Самура со смежными районами Предкавказья (Куба—Кусары—Кумух—Цудахар—Темир-Хан-Шура—Кумыкская плоскость), что создавало благоприятные условия для сбыта гончарных изделий.

Появление искусства расписной керамики в Балхаре исследователи относят к рубежу XIII—XIV вв.³⁶, а в XVII—XVIII вв. балхарцы как поставщики глиняной посуды были уже известны по всему нагорному Дагестану. Балхарские караваны с гончарными изделиями можно было встретить не только во всех уголках Дагестана, но и за его пределами (они проникали даже в Грузию). «Балхарская посуда, — сообщает Пиралов, — отличается чрезвычайной тонкостью стен и вообще по технике считается наилучшею на Кавказе»³⁷.

Изготовлением посуды в Балхаре, начиная с добывания глины и кончая обжигом посуды, занимались только женщины, сбыт же готовой продукции был делом мужчин. Такое разделение труда сложилось издавна и способствовало развитию ремесла и торговли в Балхаре.

А. Омаров свидетельствует: «каждый дом, а иногда несколько домов имеют свой отдельный завод, где обжигают разного рода сосуды»³⁸. Строилась такая печь следующим образом: вначале возводился куполообразный каркас из камня, стены которого имели ширину в два камня. Затем устраивалась плита, на которую клали предназначенную для обжига посуду. С этой целью укреплялись жерди (толщиной с черенок лопаты), подпиравшие противоположные стены сооружения, параллельно основанию на небольшом расстоянии друг от друга. Затем пространство между ними закладывалось глиной и в ней на определенном расстоянии друг от друга продельвались круглые отверстия. Весь каркас изнутри и снаружи тщательно обмазывался глиной, после чего печь обжигали, разведя внутри огонь. При этом деревянные части печи сгорали, а глиняные закреплялись. В такую печь вме-

³⁶ Э. В. Кильчевская, А. С. Иванов. / Художественные промыслы Дагестана. М., 1959, стр. 23.

³⁷ Пиралов. Указ. соч., стр. 223.

³⁸ А. Омаров. Воспоминания муталима. ССКГ, II, стр. 35.

щалось в среднем 200—300 единиц посуды, но бывали печи, вмещавшие до 1000 штук.

Изготовлению посуды предшествовала специальная подготовка глины. Ее не просто копали, а осторожно соскабливали ножами. Принеся глину домой, ее тщательно перебирали, проверяя, нет ли в ней камешков. Затем глину заливали водой и месили ногами. Не случайно лакцы сложили поговорку: у балхарцев большие ноги — одно из самых важных достоинств невесты. После такой обработки глину мяти руками.

Мастерица садилась на низенькую скамейку и ставила перед собой гончарный круг. При этом справа от мастерицы лежал кусок хорошо обмятой глины и рядом стоял сосуд с водой. Вспомогательными инструментами служили «чила» — железный нож без рукоятки и «вирдишай чила» («внутрь опускаемый нож») — инструмент в форме плоского загнутого крючка.

Еще раз тщательно размяв в руках кусок глины и придав ему форму круглой лепешки, мастерица помещала его на гончарный круг и обрабатывала для доньшка с помощью пальцев. Затем, взяв снова кусок глины, мастерица делала из него жгут и наращивала его на дно. Стенки наращивались

Рис. 5. Балхарские мастерицы за работой.

все новыми и новыми жгутами, по мере нарастания стенок мастерица сглаживала их снаружи железным ножом, а затем запускала в сосуд «вирдишай чила» и расширяла пулово. В случае надобности сосуд смачивался водой при помощи

куска войлока. При лепке горлышка мастерица все время пользовалась железным ножом, которым удаляла лишнюю глину. Как только горлышко сосуда было готово, на него при помощи кисточки из овечьей шерсти наносился узор белой глиной, разведенной в воде, и уже после этого приделывалась ручка. Для этого сделанный из глины жгут смачивался водой, прикреплялся к нужным местам и подравнивался. При изготовлении сосудов малого размера на круг ставилась треугольная подставка.

На готовый сосуд наносили узоры белой и желтой глиной, причем желтая после обжига превращалась в красную, темнее, чем цвет самого сосуда. Орнамент был лишен строгой симметрии. Узор бесконечно варьировался. Основными элементами его являлись линии, зигзаги, мазки, штрихи. Главный рисунок занимал преимущественно верхнюю половину сосуда с его выпуклостью, хорошо подчеркивая форму предмета.

Готовые сосуды сушили в помещении дней 15—20, иногда месяц. На солнце сушить их не рекомендовалось, так как при обжиге в этом случае они могли лопнуть. Для обжига сосуды помещали в печь, причем разводили в ней небольшой огонь. Когда топливо сгорало, отверстие в печке закрывали каменной плитой; отверстие, через которое закладывались сосуды, тоже закрывалось, но оставалась маленькая отдушина для выхода дыма. На следующий день в печи раскладывали большой огонь и печь непрерывно топили почти целые сутки. При обжиге печь вначале темнела, но потом, по мере усиления огня, края отверстия, в которое закладывались сосуды, белели. Это было признаком того, что достигнута нужная для обжига температура. Затем топка печи закрывалась, и печь в таком виде оставалась для остывания дня на три, после чего сосуды из нее извлекались.

Иногда бывало и так, что по какой-нибудь причине сосуды лопались в печи и пропадал труд многих месяцев. В таких случаях общество не оставляло пострадавших без помощи: для них делали складчину и каждый жертвовал сосуды, сколько мог.

Балхарцы обменивали свои сосуды на такое количество пшеницы, какое вмещалось в сосуд, либо за двойное количество ячменя или овса³⁹.

По официальным данным, кустари Балхара производили ежегодно около 6000 штук гончарных изделий, на сумму несколько больше 300 рублей⁴⁰.

³⁹ Вильер де Лиль Адам. Две недели в Даргинском округе (путевые заметки). ССКГ, VIII, 1875.

⁴⁰ Труды I съезда деятелей по кустарной промышленности Кавказа в г. Тифлисе. Тифлис, 1902, стр. 73.

Обработка камня не была сильно развита и не имела в Лакии определенного центра, а спорадически встречалась в некоторых селениях. Ограничивалась она изготовлением надмогильных плит; очень редко камень обрабатывали для украшения жилищ⁴¹. Общеизвестными мастерами обработки камня считались аварские мастера.

Из лакских мастеров конца XIX—начала XX вв. были известны кумухец А. Х. Кажласв, реставратор кумухской мечети «Кун мизит», камахальцы Аькал Абдуллах, Къарихъал Магомед.

Соседнее с Балхаром селение Цалакян, по свидетельству А. Омарова, «в прежнее время славилось отделяванием кремней для ружей и жители его развозили кремни по чужим обществам и базарам в большом количестве для продажи»⁴².

В сел. Вачи нынешнего Кулинского района в середине прошлого века была развита выделка из гишера (каменного угля) четок, газырей, мундштуков, нагрудных женских украшений «гъейчала». Практиковалась отделка этих украшений узором из золота. Своего сырья не было; его привозили, по словам местных жителей, откуда-то со стороны Кайтага. К концу XIX—началу XX вв. производство это почти совсем прекратилось⁴³.

Обработка металла

Наиболее распространенные кустарные промыслы Лакии были связаны с обработкой металла. Если обработка шерсти и глины была исключительно женским занятием, то металлообработкой занимались лишь мужчины.

В 30-х гг. XIX в. Гене сообщал: «В обществе Андалал, в Казикумухе, в селении Малом Казанище занимаются разными серебряными изделиями»⁴⁴.

Мастера пользовались привозным материалом: железо издавна поступало из центральной России, медь — из Закавказья и центральной России, драгоценные металлы также были привозными — из Персии, Западной Европы, центральной России.

До окончания Кавказской войны в Лакии процветало оружейное дело. Огнестрельное оружие, а также клинки кинжалов и шашек, а еще раньше кольчуги, изготовленные в Дагестане, пользовались известностью и за его пределами.

По свидетельству Маргграфа, во время Кавказской войны винтовки дагестанского изделия отличались большей прочностью, меткостью и силой боя, чем ружья, которыми были вооружены русские войска⁴⁵.

Наряду со знаменитыми базалаевскими клинками⁴⁶ известностью пользовались и клинки лакских мастеров Чаргада (XVII—XVIII вв.), Абдуллы Акиева (XVIII в.), Гузуновых (XVII—XVIII—XIX—нач. XX вв.); Малла-Омаровых (XVII—XVIII—XIX—XX вв.).

Располагая самым примитивным оборудованием (очаг, наковальня, горн, мехи, кузнечное оборудование), лакские оружейники создавали прекрасные по своим качествам стальные клинки. Монтировка ножен производилась здесь же, в мастерской оружейника, а украшали их мастера гравировки и черни.

После окончания Кавказской войны спрос на огнестрельное оружие упал, производство же клинков продолжалось. Лакцы открывали свои мастерские во многих городах Кавказа и центральной России. Реализацией клинков занимались специальные скупщики.

Во второй половине XIX в. в связи с усилением экономических связей с центральной Россией большое развитие получило производство медной посуды. С производством медной посуды тесно связан и лудильный промысел. Медное и лудильное дело составляли в Лакии занятие целых селений: Кумух, Табахлу, Мукар, Хури, Ури, Убра, Марки.

Большим спросом у населения пользовались медные водоносные кувшины, мелкие кувшины для омовения, тазы, котлы, миски, подносы, чаши. Способ приготовления медных изделий был весьма примитивен: мастер разрезал привозную листовую медь на несколько пластин-заготовок соответствующего размера и формы, а затем спаивал их. Инструмент медника состоял из мехов с горном, из двух наковален: большой и маленькой (пурш-батана, лурзи-мах), кувалды для первой поковки меди (бург), горновых щипцов (царов къяца), щипцов для держания поковки (чапти къяца), ножниц для резания меди, циркуля (паржак), паяльника (абия дизу), молотков, кочерги, пробойников и вырезанных из жести моделей-выкроек для всевозможных видов посуды⁴⁷.

⁴⁵ Маргграф. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа. М., 1882, стр. 206—207.

⁴⁶ Базалаевы — прославленные мастера — оружейники из кумыкского селения Верхнее Казанище. Изготовленные ими клинки отличались большой прочностью и изяществом. См. о них С. Ш. Гаджиева. Кумыки. М., 1961, стр. 94—96.

⁴⁷ Д. С. Габиев. Металлообработка у лаков. Уч. зап. ИИЯЛ, т. IV, стр. 229.

⁴¹ Подробнее см. в книге П. М. Дебирова. Резьба по камню в Дагестане. М., 1966.

⁴² А. Омаров. Указ. соч., стр. 35.

⁴³ Труды I съезда деятелей по кустарной промышленности, стр. 73.

⁴⁴ Ф. И. Гене. Указ. соч., стр. 345.

Медная посуда не имела у лакцев богатой орнаментации. Места спая, обработанные молотком, образовывали узор. На водоносных кувшинах «вараки» этот узор расчленил поверхность сосуда на корпус, высокое узкое горлышко и длинный, сильно изогнутый носик.

Лужение издавна производилось контактным способом⁴⁸. Луженые сосуды покрывались гравировкой. При этом снимался слой олова и выступал узор цвета меди.

Обработка меди в руках отдельных мастеров достигала большого совершенства. На Всероссийской кустарно-промышленной выставке в Петербурге в 1902 году житель сел. Щара Казикумухского округа получил малую серебряную медаль за очень хорошие медные изделия⁴⁹.

Наибольшего мастерства достигли лакцы в обработке драгоценных металлов. Местные мастера изготавливали из золота и серебра всевозможные украшения для женщин: кольца, серьги, пояса, ожерелья, браслеты, женские головные уборы, пуговицы, нагрудные украшения и т. д. Выделка посуды из драгоценных металлов была развита слабо и ограничивалась производством небольшого количества чайных ложек, блюд и кувшинов. Лучшими считались мастера-ювелиры селений Кумух, Хурукра, Табахлу, Кули, Хосрех, Цовкра, Цыйша, Кара, Кунди, Унчукатль, Кая, Куркли, Балхар.

На вышеупомянутой выставке один житель Кумуха получил большую серебряную медаль за художественность и высокое техническое совершенство ювелирных изделий. Малыми серебряными медалями были награждены два жителя Кумуха: один за золотую насечку по стали и кости, за красоту рисунков насечки и чистоту работы; другой за красоту и хорошие технические качества изделий⁵⁰.

Дагестанские изделия славились далеко за пределами Кавказа: в Персии, Турции, в центральной России, Западной Европе.

Наибольшим художественным вкусом отличались украшенные чернью и гравировкой традиционные изделия лакских мастеров. Однако в конце XIX в., когда они стали производить вещи, пользовавшиеся наибольшим спросом у рядового покупателя, на рынок стали попадать недостаточно изящные изделия лакских мастеров; подстаканники, ручки зонтов и лалок, всевозможные безделушки.

Основными элементами лакского орнамента на серебре и золоте были: цветок—пул; цветок в цветке—гулданул вив-

сса пул; трава—уртту; точечный кант—кунт ххай; суць накьич, къун накьич; вов накьич; ччаппа, тути накьич; осума накьич; сус накьич; сути накьич⁵¹.

Лучшими серебрянками считались жители Мугарского наместничества. Украшением серебряных изделий была чернь—твердый сплав черного цвета. В состав черни входили серебро, свинец, бура. Все это плавилось в тигле. В расплавленную массу насыпали серу. Когда полученный состав твердел, его молоточком превращали в порошок, а затем клали в выгравированный узор. Изделие прокаливало и черневой состав плавился, заполняя выемки узора. Потом изделие полировали. В результате черневой узор выделялся на светлом фоне изделия—«сеггал накьич», или светлые узоры выступали на фоне черни—«мерш накьич»⁵².

Серебряные изделия часто покрывались позолотой путем огневого золочения. Процесс этот был опасен для здоровья мастеров, так как производился с помощью ртути. Растертое в порошок золото смешивалось со семью частями ртути и дважды или трижды нагревалось. При вторичном нагреве (до температуры 390°) ртуть испарялась и кристаллы золота прилипали к поверхности изделия. Затем изделие полировали металлической щеткой, очищали в растворе азотной ртути. После этого блестящая поверхность изделия принимала оранжевый цвет⁵³.

Филигранные изделия получили распространение в Лакии в конце XIX в. Филигрань применяли в основном при изготовлении поясов и других женских украшений. Считают, что филигрань занесена на Кавказ через Малую Азию из южной Европы армянами-переселенцами в начале XIX в.⁵⁴.

Насечку по стали и кости производили с большим мастерством. Хорошие мастера—серебряки зарабатывали за 9—10 месяцев отхода до 1000 и более рублей.

Таким образом, кустарные промыслы играли большую роль в хозяйстве лакцев. Для значительной части населения Лакии они были во второй половине XIX в. единственным источником существования. Возникшие как следствие земельного голода в Лакии, некоторые кустарные промыслы, несмотря на конкуренцию фабричных товаров, сохранились вплоть до Октябрьской революции. Это объяснялось тем, что крестьянство для покупки фабрично-заводских изделий не располагало достаточными средствами. Факт сохранения кустарных промыслов объяснялся и тем, что не все привозные изделия отвечали специфическим требованиям крестьянского

⁴⁸ Н. М. Ильчук. Художественная обработка металла в лакском селении Кумух в XIX—нач. XX века. СЭ, 1958, № 3, стр. 83.

⁴⁹ Обзор Дагестанской области за 1903 год. Темир-Хан-Шура, 1904, стр. 70.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Д. С. Габиев. Указ. соч., стр. 225—226.

⁵² Н. М. Ильчук. Указ. соч., стр. 78.

⁵³ Н. М. Ильчук. Указ. соч., стр. 78—79.

⁵⁴ А. С. Пиралов. Указ. соч., стр. 220.

хозяйства горцев. Определенное значение имели и вкусы горожан, привыкших к традиционным изделиям. Несмотря на эти причины, способствовавшие сохранению промыслов, с развитием крупной капиталистической промышленности домашние ремесла падают. Эта картина наблюдалась и в других районах Кавказа.

В. И. Ленин указывал, что «в пореформенную эпоху происходила, с одной стороны, сильная колонизация Кавказа, широкая распашка земли колонистами (особенно на Северном Кавказе), производившими на продажу пшеницу, табак и пр. и привлекавшими массы сельских наемных рабочих из России. С другой стороны, шло вытеснение туземных вековых «кустарных» промыслов, падающих под конкуренцией привозных московских фабрикатов»⁵⁵.

§ 5. ДОРОГИ, ТРАНСПОРТ, ТОРГОВЛЯ

Лакия, расположенная в центре Дагестана, издавна была связана с другими местностями Дагестана и Закавказья выючными дорогами. Древний торговый путь под названием «шекинский» или «анакский» проходил через Ахты, Рутул, Казикумух, Согратль, Голотлинский мост, по Аварскому Койсу, через Андию, Чечню, Кабарду и далее к берегам Черного моря. Эта дорога связывала Ширван, Шекинское ханство (Нуха, Ганджа) через Дагестан со всем Северным Кавказом⁵⁶.

По сведениям К. Гана, из Каха уже в XV столетии вела выючная тропа вверх по долине Курмуха через Главный Кавказский хребет к истокам Ак-Самура и дальше по Кара-Самуру и через Дульты-даг в Кумух. Когда Елисейское ущелье находилось еще под властью кахетинских царей, дорога эта считалась кратчайшей между устьем Терека и Кахетией⁵⁷.

Дорога, соединявшая Закаталы с Лакией, на хребте после Кусура раздваивалась: одна тропа, оставив слева путь, ведущий в Арчи, шла к лакскому селению Хулисмаи отсюда к Кумуху; она считалась очень удобной. Другая тропа миновала Арчи, также доходила до Кумуха, но была более труднопроходимой.

Дорога из Каха в Кумух проходила через Аракул — Хосрех — Шовкра.

С Дербентом Кумух был связан дорогой Кумух — Шовкра — Щара — Кули — Хосрех — Чурах — Касумкент — Дербент.

⁵⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 594.

⁵⁶ Х. Х. Рамазанов, А. Р. Шихсаидов. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964, стр. 10.

⁵⁷ К. Ган. Путешествие в Кахетию и Дагестан (летом 1898 г.). СМОМПК, XXXI, стр. 61.

Другой путь, соединявший Кумух с Дербентом, проходил по мосту через Койсу к селению Хуна, отсюда через хребет к селению Уллучара, затем по маршруту Танты—Гапшима—Акуша, — Великент — Дербент. В Дербент лакцы попадали и по другим дорогам—через даргинские селения: Цовкра—1: Дуакар — Кубачи и оттуда через Уркарах.

В Кубачи можно было пройти из Кулинского района через Хосрех — Харбук.

Из Кумуха через горы и аварские селения лакцы попадали в Грузию. Известен был путь Кумух — Дучи—Паллуниал (лакская пастбищная гора) — Дусрах — Риш-ор—Кутихи—Цунар. Другой путь в Грузию пролегал из Кумуха через аварские селения: вначале был Чох, затем дорога проходила под Гунибом через Салты—Гидатль—Ахвах—Цунта—Бежтинский хребет в грузинское село Бажан. К этому же пункту в Грузии лакцы приходили и другим путем: Кумух — Камахал — Согратль — Бацада — Бажан. Через Цудахар лакцы были связаны с даргинцами и с Кумыжской плоскостью.

Все эти пути представляли собою выючные тропы.

В 1888 г. были построены колесные дороги из Кумуха в Цудахар Даргинского округа, из Кумуха через Чох на Гуниб и как продолжение этих дорог — из Кумуха в Чирах, Малжалис, Дербент, Касумкент и Ахты⁵⁸.

Остальные же лакские селения были связаны между собою и Кумухом по-прежнему только выючными тропами.

Из-за горного рельефа и свойств грунта, по преимуществу скалистого и глинистого, дороги часто портились. Имели место обвалы и осыпи, особенно в дождливое время, причем бурные речки после дождей повреждали или вовсе сносили мосты. В конце XIX в. все мосты в Лакии были кавказского типа, имелся только более устойчивый деревянный мост американской конструкции через реку Койсу⁵⁹. Вследствие того, что колесных дорог в Лакии было мало, основным способом передвижения была верховая езда. Арбы появились в Лакии лишь в конце XIX в. после постройки колесных дорог. Однако лошади и ослы в качестве средств сообщения между отдельными селениями Лакии сохранили свое значение вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции, а в некоторых селениях и в советское время.

В 1894 году было открыто Кумухское окружное почтово-телеграфное отделение, а в 1910 году установлено спочное экипажное сообщение между Кумухом и Темир-Хан-Шурой. Таким образом, к концу XIX—началу XX вв. установились репутарные связи Лакии с остальным миром.

⁵⁸ Л. Б. Бутаев. Дорога из Кумуха в Гуниб через Чох. Изв. КОИРГО, т. XXIII, № 3, 1915.

⁵⁹ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 1, д. 3, л. 7.

Безземелье лакцев послужило толчком для развития не только промыслов, но и торговли. «Главное значение лаков в среде дагестанских горцев заключается в их торговой и промышленной предприимчивости», — говорит автор середины XIX в.⁶⁰ Предметами торговли служили самодельные сукна «чукъри», клинки, шашки, кинжалы, серебряные изделия, женские украшения, медная посуда, расшитые золотом и серебром шелковые, суконные и кожаные изделия. Привозились в Лакию ситцы из России, которые обменивались на сукно.

Главным предметом ввоза в Лакию был хлеб, который доставлялся выюками с Кумыкской плоскости и из Кюры, рис привозился из Азербайджана. Лакские кустари, работавшие в Закаталах, посылали выюками зерно для своих семей, а частично и для продажи со специальными людьми «чиричитал», которые занимались транспортировкой зерна из Азербайджана и Кюры на своих лошадях. Занимались этим, в основном, жители селений Кули и Хосрех.

Селение Кумух было крупным торговым центром Дагестана. На четверговый кумухский базар съезжались жители не только окрестных селений, но и многих других мест Дагестана. Особенно многолюдны бывали эти базары весной и летом, когда отходники возвращались с заработков домой. Современник писал: «Фрукты привозят сюда из Хаджал-Махов, Гергебиля и даже из Голотля; овощи — из селений, занимавшихся огородничеством, а также из Даргинского округа; хлеб, соль и нефть — с прикаспийской плоскости. Сами кумухцы выносят на базар свои изделия — войлоки, сукна, бурки, сыр, оружие, разного рода мелкие вещицы, как например, деревянные трубочки и чубуки и разные безделушки из серебра и каменного угля. Некоторые русские товары из красных и бакалейных доставляются сюда из Шуры, из нее же снабжаются напитками и четыре кумухских духана»⁶¹. Кроме того, на кумухский базар привозили из Аварии мясо, масло, яйца, из предгорья (Дженгутай, Губден) — зерно, с Кумыкской плоскости — арбузы и виноград. Даргинцы были поставщиками выделанных кож, тонкого сукна из верблюжьей шерсти, очень любимого лакцами продукта из льняного семени — урбеча. Арчинцы привозили масло, сыр. Аварцы, кроме вышеуказанного, привозили еще дубовые балки для потолков, а также седла для лошадей и ослов. Через Темир-Хан-Шуру азербайджанцы доставляли на верблюдах нефть. Из Закатал торговцы-лакцы привозили рис, фруктовый мед (бекмез), фундук. Жители разных селений Лакии привозили на базар изделия своих промыслов и продукты животноводства.

⁶⁰ Казикумухские (лакские) народные сказания. ССКГ, 1, стр. 45.

⁶¹ Н. И. Воронов. Указ. соч., стр. 38—39.

Помимо селения Кумух, базары бывали также в селениях Кули, Кая, Куркли.

Торговля в середине XIX в. была в основном меновая. Современник А. А. Неверовский замечал: «Между собою горцы ведут более меновую торговлю»⁶².

Абдулла Омаров сообщает, что за деньги в деревнях никогда не покупают продукты (фрукты, лук, чеснок, морковь и т. д.). Их выменивают на лоскуты материи, на нитки, шелк, шерсть, одежду и т. д.⁶³ Старые женщины и сейчас вспоминают, как их бабушки рассказывали о таком обмене: торговцы фруктами ходили по улицам селений и кричали: «Парчакъаллух, сими-ххаллух, май-диклух кураг ма» (т. е. возьмите курагу за лоскуты материи, за шелковые нитки, за сало-мясо).

В конце XIX в., кроме базаров, повседневная торговля производилась через лавки, которые были открыты в Кумухе и ряде других селений Лакии. В 1898 году в Кумухе было зарегистрировано 11 мелочных и 9 мануфактурных лавок, содержавшихся в основном жителями селений Кумух и Хурукра. Мелочные лавки были и в ряде других селений округа: Шовкра, Щара, Хурхи, Чуртах, Унчукатль, Куркли, Кули, Цовкра, Кая⁶⁴.

В конце XIX—начале XX вв. появился ряд лиц из местных жителей, в основном, кумухцев, которые скупали на местных базарах сукна и андийские бурки и вывозили их для перепродажи в Закавказье.

У лакцев существовали специальные меры веса и длины, которыми они пользовались при купле-продаже. Мерой веса сыпучих тел (зерна, муки) была «дачу» (сабу), которая имела несколько разновидностей, емкости которых были отличны друг от друга. Так, кумухская «дачу», иначе «паризалул дачу» или «къркъу дачу» вмещала 30 гилванка или 12 кг. При продаже чего-либо или при жертвоприношениях старались пользоваться этой мерой, а при покупке — «цудахарским дачу», вместимость которой равнялась 20 кг. Различался еще кулинский дачу, который был равен кумухскому.

Меньшей по объему мерой был «сах». В кумухском (или кулинском) «дачу» содержалось 4 саха. Он назывался «паризалул сах» и содержал 7,5 гилванка (фунта). Существовал и другой сах, вмещавший 10 гилванка (4 кг). «Ссалу» — мера, равная половине «дачу». «Датял» — мера веса для масла, сыра, меда — содержала 7,5 гилванка и была равноценна «паризалул саху». Половину «датяля» составляла мера «щи-

⁶² А. А. Неверовский. Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношении. Военный журнал, СПб, 1847, № V, стр. 46.

⁶³ А. Омаров. Как живут лаки. ССКГ, вып. IV, стр. 16.

⁶⁴ ЦГА ДАСГР, ф. 72, оп. 2, ед. хр. 24, л. 2—3.

жарт». Затем идет «гилванка» (русский фунт) — 400 г, «дачи гилванка» — 200 г, «чатвар» (от русского «четверть фунта») — 100 г, «осмучка» (русская осьмушка) — 50 г.

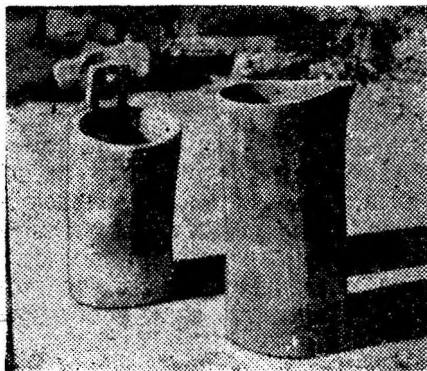

Рис. 6. Мерки для сыпучих тел.

Для измерения сыпучих тел существовали еще другие местные мерки: «кучча» — деревянные мерки разных размеров, иногда очень мелкие. Есть еще мерка «къали», которая не имеет стабильного объема, но всегда больше «кучча».

Этими мерками пользовались обычно не при торговле, а в быту, и по-видимому, они древнее, чем вышеуказанные мерки. Так, название муки по-лакски звучит «иникъали» (толокно-къали). Можно предполагать, что мерка «къали» существовала уже тогда, когда зерно еще перерабатывали в толокно, а не в муку.

При измерении тканей лакцы пользовались следующими мерами длины: «нак» (у даргинцев «дек»), равноценная русскому «локтю», а позднее — половине метра. Пользовались еще мерой «дачи нак», равной половине «нак». После присоединения Дагестана к России и вовлечения лакцев в сферу торговых отношений с центральной Россией при измерении тканей широко стали использовать меру «аршун» (аршин).

Кроме того, существовали мелкие меры: «аьнт» — ширина раскрытой ладони от большого пальца до мизинца и «чири аьнт» (малый «аьнт») — расстояние между большим и указательным пальцами, расположенными на возможно большем расстоянии друг от друга. При измерении пашни пользовались мерой «хархурду» (шаги).

Счет сена велся выюками весом в два пуда, а солому измеряли конусами «арулнак» (в переводе семь «нак») в 9 пудов весом. Для такого измерения солому собирали в кучу конусообразной формы и обхватывали ее от одной стороны основания до другой через вершину конуса веревкой длиной в 7 «нак» (3,5 м), почему эта мера и называлась «арулнак» (7 нак). Затем измеряли кучу с другой стороны, перпендикулярно первому замеру.

Для измерения соломы употреблялась и другая единица — «бачи арулнак» (половина арулнак). В этом случае брали веревку длиной в 5,5 нак и измеряли солому вышеописанным способом. Для получения двух «арулнак» веревка должна

была быть длиной в 9 «нак». При продаже дров единицей измерения был выюк «гьи».

Итак, все имеющиеся данные свидетельствуют, что земледелие и животноводство являются очень древними занятиями лакцев. Хотя в исследуемое время земледелие не могло прокормить лакцев, и хлеб постоянно приходилось ввозить, техника земледелия, навыки и традиции, сложившиеся издавна, сельскохозяйственный календарь, который имел, в основном, земледельческий характер, верования и аграрные культы лакцев являются доказательством древности земледелия у лакцев. Не менее древним занятием было и животноводство. Наличие прекрасных альпийских пастбищ, потребность в мясо-молочной продукции, восполнявшей недостаток зерна, способствовали очень раннему развитию и этой отрасли хозяйства лакцев.

Натуральный характер хозяйства и наличие сырьевой базы способствовали раннему развитию в Лакии всевозможных промыслов, которые с ростом обмена приобретают товарный характер.

Широкое развитие отхожих промыслов в Лакии во второй половине XIX века объясняется усилением экономического неравенства внутри лакского общества, интенсификацией процесса обезземеливания широких крестьянских масс, обеспечением безопасности дорог после окончания Кавказской войны и расширением рынков сбыта изделий.

Что касается транспорта, то он был слабо развит. Колесный транспорт в Лакии появился в конце XIX в., но вплоть до Октябрьской революции продолжали сохранять свое значение лошади и ослы, как транспортное средство.

Торговая деятельность лакцев зародилась рано, так же как и ремесла, в связи с особенностями экономики Лакии, ее безземельем. Но наибольшее развитие торговая деятельность получила во второй половине XIX в.

В целом хозяйство лакцев, несмотря на тяжелый труд, не обеспечивало полностью их потребностей. При наличии отдельных предпринимателей, в руках которых накапливался значительный капитал, рядовые труженики были очень бедны.

Только социалистическое преобразование хозяйства лакцев ликвидировало его вековую отсталость.

Современная Лакия представляет собою резкий контраст с Лакией дореволюционной. Коренные изменения, происшедшие в хозяйственной жизни лакцев, можно наглядно проиллюстрировать на примере достижений колхоза им. Гаруна Саидова селения Кули, в прошлом одного из самых отсталых и бедных аулов Лакии.

Сейчас в Кули имеются детские ясли на 70 мест, большая средняя школа, колхозный клуб на 600 мест, библиотеки,

красные уголки на каждой ферме и в полеводческой бригаде, кино, гостиница, баня, больница, родильный дом, ветеринарный участок, пекарня, магазины, сыроваренный завод.

Основное направление хозяйства колхоза им. Г. Саидова животноводческое. Животноводство носит отгонный характер, то есть зимой овцы и часть крупного рогатого скота содержатся на зимних пастбищах, расположенных на Прикаспийской низменности в районе Бакресса, а также в низовьях реки Терек в Бабаюртовском районе, летом же овцы перегоняются на высокогорные альпийские пастбища.

Веками существовал порядок, при котором в течение 30--40 дней овцы шли по безводным скотопроектным трассам со скудной растительностью. Долгий изнуряющий путь отрицательно влиял на животных, они теряли в весе, заболели. Теперь же колхоз практикует перевозку скота с летних пастбищ на зимние и обратно по железной дороге. На ближайшей к горным пастбищам железнодорожной станции Инче скот погружается в вагоны и доставляется на станцию Кочубей, а оттуда переходит на Бакресские пастбища. На перегон теперь уходит всего 12--13 дней.

Племенная ферма крупного рогатого скота объединяет 11 бригад, расположенных в различных местах, в том числе и на зимних пастбищах. Племенная овцеводческая ферма состоит из 46 бригад. На 1 января 1967 года в колхозе насчитывалось 3100 голов крупного рогатого скота и 41430 овец и коз. За успехи, достигнутые в развитии общественного животноводства, колхозники неоднократно награждались медалями Выставки достижений народного хозяйства СССР.

В растениеводстве занято 10 производственных бригад. За колхозом в горах и на плоскости закреплено 933 га пашни, 1276 га сенокосов, 71 га садов и виноградников (из них внутри Кулинского района 12 га садов), 45355 га пастбищ. На полях колхоза работает 59 тракторов, 5 зерноуборочных комбайнов, 1 кукурузоуборочный комбайн, 12 тракторных плугов, 45 тракторных сенокосилок и т. д. Колхоз располагает 39 грузовыми автомашинами.

Доходы колхоза, следовательно, и благосостояние колхозников растут из года в год. Так, в 1966 году каждый колхозник на каждый трудодень получил 2 рубля 20 копеек деньгами, 1,64 кг зерна, 0,5 кг картофеля, 0,3 кг мяса, 0,032 кг брынзы, 0,012 кг сливочного масла. Величину доходов колхозников можно легко представить себе, если учесть, что большинство семей в колхозе вырабатывает свыше 1000 трудодней.

В середине прошлого столетия Н. И. Воронов утверждал, что садоводство в Лакии невозможно из-за ее сурового климата. По его данным, в Кумухе «яблоня цветет и дает завя-

зи плодов, которые, однако, не созревают, но вишня поспеет»⁶⁵. Опыт лакских колхозов, заложивших в последние десятилетия много садов, свидетельствует о том, что садоводство в Лакии вполне возможно. Сейчас, например, колхоз им. С. Габиева сел. Кумух имеет 53,7 га садов, колхоз «Красное знамя» сел. Унчукатль—87 га и т. д. Даже высокогорное селение Кули имеет 12 гектаров садов.

Среди лакцев появились специалисты—садоводы, а садовод из сел. Унчукатль Гази Хинчалов удостоен звания Героя Социалистического Труда.

Все лакские селения связаны со столицей республики автотранспортом, а в селения Кумух, Вачи и Вихли ежедневно из Махачкалы летает пассажирский самолет. Только в одном ауле Кули сейчас 450 мотоциклов и 8 автомашин «Волга».

Сейчас в Лакии нет ни одного селения, в котором не было бы почтово-телеграфного отделения. Телефонная связь соединяет любой уголок Лакии с райцентром и через него с городами нашей страны.

⁶⁵ Н. И. Воронов. Указ. соч., стр. 38.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

§ 1. ПОСЕЛЕНИЯ¹

Основная масса лакцев живет компактно, занимая центральную часть нагорного Дагестана по долинам реки Казикумухское Койсу и ее притоков. Заселение лакцев определялось многими факторами, общими для всех народов Дагестана: экономическим, естественно-географическим, политическим и т. д.

Важнейшим фактором, определявшим характер заселения лакцев, как и других горцев Дагестана, была экономия земли, годной под пашни. Под поселение занят обычно выход скалы, скальная гряда или острый гребень горы, которые не могли быть использованы как сельскохозяйственное угодье. Ярким примером такой экономии земли являются лакские селения Вихли, Кули, Куба, Мукар, Караша, Камахал. Острый земельный голод в Лакии издавна заставлял селиться только в таких местах, которые ни при каких усилиях нельзя было возделывать. Поэтому с ростом числа жителей селение росло не вширь, а ввысь.

Почти каждое селение Лакии имеет невдалеке более или менее ровный участок пашни — «къур», а также места для выпаса скота (Кумух, Табахлу, Вихли, Щара). Места первоначального расположения отдельных родовых поселков также красноречиво свидетельствуют о том, что поселенцы большое значение придавали близости земельных угодий.

Не менее важным фактором, определявшим характер заселения лакцев, была близость воды. Все селения Лакии расположены на склонах гор, вблизи от обрывистых берегов рек. Однако, для того, чтобы поить скот зимой, а также пользоваться водой при земляных и других работах, в Лакии издавна было принято создавать искусственные водоемы, где

¹ Говоря о поселениях и жилищах лакцев в XIX—начале XX вв., мы пользуемся полевым материалом только из Лакского и Кулинского районов — мест расселения лакцев с древнейших времен до наших дней. Новолакский район не может дать материала для исследования традиционного лакского поселения и жилища.

скапливалась дождевая вода. Эти традиционные водоемы сохранились почти во всех лакских селениях и по сей день. Устраивались они где-либо на окраине селения, иногда и в центре, на ровной площадке. Время от времени вода из них выпускалась для того, чтобы очистить их от накопившегося ила. Такие водоемы составляли необходимую принадлежность каждого лакского поселения.

Как и для всех селений нагорного Дагестана, для лакского селения характерна солнечная ориентация. Лакские селения располагаются и на южных, и на северных склонах гор, но поселение в целом направлено на юг и все дома в селении обращены в сторону юга, юго-востока или юго-запада. Солнечная ориентация имела большое значение для Лакии, так как из-за бедности лесом лакцы не имели на зиму достаточного количества топлива и весь зимний день проводили на открытых верандах и на крышах, защищенных от северного ветра кизячными кучами, занимаясь домашними делами. Кизяк берегли для приготовления еды и избегали тратить на согревание жилища. Только солнце во все времена года согревало лакцев, поэтому и возникло о нем у лакского народа представление как о «прекрасном юноше, озаряющем и согревающим весь дивный мир»².

Важнейшим фактором, первоначально определявшим характер заселения лакцев, был оборонный. Вблизи многих населенных пунктов Лакии сохранились в самых труднодоступных и неудобных для жизни местах развалины древнейших поселений, которые, по преданию, были покинуты жителями в связи с объединением нескольких тухумных поселков в один крупный аул. Об этом же свидетельствует и расположение большинства сохранившихся по сей день селений. Все они доступны в основном с одной стороны и расположены на склоне или на гребне горы, откуда хорошо просматриваются окрестности.

История дагестанских народов, в том числе лакцев, изобилует разорительными войнами с иноземными завоевателями, а также междоусобными столкновениями. Поэтому фактор обороны во все времена не мог не иметь первостепенного значения. В ряде селений сохранились остатки сторожевых башен, которые были разрушены или заброшены после окончания Кавказской войны. Особенно кровопролитными войнами с иноземцами полна средневековая история лакцев. Так, Мухаммед Рафи, писавший о нашествии монголов на Кумух в 1240 году, сообщал о крепости Киккули, где 70 юношей

² С. Габиев. Лаки, их прошлое, стр. 10.

защищались, пока не пали все до единого³. Место, где была расположена крепость, известно в настоящее время под названием «Чикиула». Это место действительно неприступно: оно расположено на гребне горы, с одной стороны которой пропасть, все остальные стороны хорошо просматриваются и труднодоступны.

Средневековые лакские крепости Кули и Таус⁴ историк Тимура сравнивает с гнездами хищной птицы, куда не долетает пущенная стрела⁵.

В конце XVIII в. Ф. Ф. Симонович характеризовал сел. Кули следующим образом: «Кули примечания достойная деревня по крепчайшему ее местоположению, куда владельцы во время неприятельского нападения укрываются»⁶.

По преданию, ряд лакских селений образовался как специальные посты на границах Лакии для несения караульной службы. Располагаются они в труднодоступных пунктах с широкими возможностями обзора окружающих местностей. При приближении неприятеля крайний пограничный пост зажигал огонь, следующий за ним пост, увидев его, в свою очередь разводил костер и так, по цепочке, тревожная весть быстро доходила до Кумуха.

В народе говорят, что таким образом возникло на вершине горы Кун-зунту селение Чилайми (или Чалайми — «видимые»), от которого остались только развалины. Название это сохраняется сейчас в наименовании самого верхнего квартала Кумуха.

Согласно преданиям, караульные посты из семи домов каждый положили начало селениям Куба и Турчи. Так, караульный пост, охранявший Лакию с севера, вначале располагался в местности Кьамаша («ровный хутор»), в 2 км северо-восточнее теперешнего селения Куба. Затем пост по инициативе некоего Курбана был перенесен выше на скалы. Постепенно пост, ранее сменявшийся ежегодно, осел на месте, и образовалось селение Куба, название которого производят от «Кьунтай» (на скалах), то от сокращенного имени первого поселенца Курбана-Куби.

Соображениями обороны объясняют местные жители и образование двух поселений под названием Чар (чарав—рядом), около Хосреха и около Кунди.

Все путешественники и ученые, побывавшие в Дагестане,

³ Извлечение из Тарихи Дагестана Мухаммеда Рафи. Тарихи Дербенд-Наме, стр. 180.

⁴ Развалины ее недалеко от Кули сохранились.

⁵ В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.—Л., 1941, стр. 182.

⁶ Ф. Ф. Симонович. Описание Южного Дагестана, 1796, ИГЭД, стр. 152.

единодушно отмечали неприступный характер селений нагорного Дагестана⁷.

Таким образом, с древнейших времен при выборе места поселения лакцы, как и другие горцы Дагестана, руководствовались следующими соображениями: экономия земли, годной для посевов, близость к воде и земельным угодьям, солнечная ориентация и неприступность для врагов.

Типологически лакские поселения отличаются значительным разнообразием. Здесь мы укажем лишь основные типы этих поселений и прежде всего остановимся на разделении селений по социальному признаку.

Как известно, лакские правители были крупнейшими феодалами Дагестана. Они владели рабами, которые появились в Лакии в процессе феодальных междоусобиц и набегов на соседнюю Грузию. Рабов лакские феодалы обычно сажали на землю. Так, селения Катрух и Четрух, принадлежавшие казикумухским ханам, были населены исключительно рабами, которые жили оседло, обрабатывали ханские земли и получаемый урожай отдавали своим владельцам; ханы имели право брать отсюда в свой дом как мужскую, так и женскую прислугу. Пленными грузинами было заселено, по преданию, селение Сундарал. Жители аулов Тулизма, Хулизма, Хосрех, известных позже как раятские, первоначально также являлись лагами, посаженными на землю⁸.

Группа раятских селений исторически сложилась в Лакии в результате насильственного закабаления свободных общинников. Как указывалось выше, лакским феодалам отбывали повинности следующие раятские селения: Чирах, Ашты, Кунки, Олюх, Худуц, Антлух, Цырха, Санджи (даргинские селения), Хосрех, Щара, Тохчар, Гамиех, Коцран, Хурхи, Тулизма, Хулизма, Арчи, Шали, Халапки, Боркихан (раяты боркиханских беков, выходцев из Лакии). Остальные селения Лакии были узденскими с отдельными вкраплениями лагских тухумов.

Это разделение селений Лакии по социальному признаку развилось в средние века и представляло собою порождение феодального способа производства. Причем следует отметить, что поселения зависимых сословий по внешнему виду не отличались от поселений свободных крестьян.

В XIX—XX вв. мы встречаем у лакцев два основных типа поселений: шар (село) и маши (отселок).

Наиболее ранним типом поселений на территории Лакии, как и всего нагорного Дагестана, являлись небольшие

⁷ См. Ф. И. Гене. Указ. соч., ИГЭД, стр. 346; В. Потто. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 2, вып. II, СПб, 1888, стр. 188.

⁸ Г. Г. Османов. Указ. соч., стр. 158.

тухумные поселки. Во многих случаях объединение их положило начало возникновению крупных территориально-тухумных поселений «шар». Здесь принцип территориальности превалировал над тухумным принципом, тем не менее выходцы из каждого тухумного поселка держались вместе, образуя отдельные кварталы селения.

Предания об образовании многих аулов производят их от небольших тухумных поселков, объединившихся в одно селение. Часто названия этих отдельных тухумных поселков сохраняются в названиях кварталов больших селений. Так, по преданию, селение Кумух образовалось в очень давнее время путем объединения нескольких поселков на месте обширного кладбища, где хоронили покойников из окружающих селений. Лаки собирались здесь на большое вече — «къун макъ», от которого и произошло название «Кумух» (или Г-м-к в арабской транскрипции). Весь Кумух, за исключением самой верхней части, расположенной на выходе скалы, представляет собою огромное старое кладбище. Сейчас очень трудно определить время возникновения Кумуха, но во всяком случае арабские авторы X в. уже упоминают Гумик, как название населенного пункта.

В названиях трех из семи кумухских кварталов по-видимому сохраняются наименования тех поселений, из которых образовался Кумух: Чилейми (самая верхняя, скалистая часть Кумуха), Чувади (из древнего «Кибиди» — верхняя часть Кумуха), Чураши — название этого квартала по своей форме близко к наименованию отдельного поселения.

Чилейми считался в селении наиболее отсталым кварталом, он имел и другое наименование «Алчи». Как утверждают представители старшего поколения, в речи жителей отдельных кумухских кварталов до недавнего времени сохранялась небольшая разница, которая постороннему человеку не бросалась в глаза.

Устные предания возводят возникновение еще целого ряда населенных пунктов к поселению в одном месте жителей нескольких тухумных поселков, часто с оборонительной целью. Иногда новое селение, согласно легендам, возникло на базе какого-нибудь одного селения, куда переселялись остальные, а иногда выбиралось новое место, удобное для поселения.

Селение Вихли, по преданию, образовалось из 6 поселков, которые были расположены неподалеку от современного селения: Ияхалу, Ххьолубалу, Бярчарялу, Кичалалу, Бакухалу, Палабалу. В этих местах и сейчас находят остатки каменной кладки и инвентаря. Количество кварталов и тухумов в современном Вихли соответствует числу объединившихся поселков. Названия кварталов Исулуци, Яхсуми, Чамаци представляют собою, по-видимому, наименования объединив-

шихся поселков. По словам жителей, кварталы селения Вихли несколько отличаются друг от друга по языку.

Родственное расселение в исследуемое время трудно проследить, но иногда, как на примере кварталов и тухумов селения Вихли, его можно восстановить. Так, в Вихли в шести его кварталах жили представители 6 тухумов — «сака»: Хатил, Кютил, Бурагъан, Гъазалихъал, Накалил и Багълихъал.

Предания объясняют объединение нескольких мелких поселков в один большой необходимостью защиты от грабежей. Так, об образовании селения Вихли рассказывают следующее: некий Къубарда при встрече с представителями поселков, из которых возникло потом Вихли, решил объяснить, почему их обижают соседи. Он попросил одного из присутствующих сломать щепку, что было исполнено, затем предложил сломать метлу, но сделать это не удалось. Тогда Къубарда заявил, что никто не решится их обижать, если они будут объединены. Этот случай якобы и послужил поводом к образованию сел. Вихли⁹.

Подобная легенда существует и об образовании Сумбатля. Инициатором объединения пяти мелких поселков, расположенных в местностях Цутрабаку, Куннашаллу, Кунцалу, Уттамачалу, Иявалу, выступило селение, находившееся на месте нынешнего Сумбатля, которое и объединило их вокруг себя. Соответственно этому сохранилось и деление Сумбатля на 6 кварталов: Иявалу, Товлатала, Гьартакъаталу, Гъанац, Вартуялу, Ардаралу. Названия кварталов не сохранили здесь тухумных наименований как в Вихли, и отражают лишь чисто территориальное положение каждого квартала.

Процесс образования в Дагестане крупных территориально-тухумных поселений исследователи относят в основном к XI—XIV вв.¹⁰ Вначале принцип потухумного расселения при образовании поселения, видимо, еще сохранялся, но с течением времени тухумные разграничения стираются, хотя и сейчас в некоторых селениях могут указать, какие тухумы из какого поселка происходят. Каждый квартал вначале представлял, по-видимому, местожительство одного тухума.

Образование территориально-тухумных поселений вызвано было к жизни разложением патриархально-родовых отношений, необходимостью повышения обороноспособности. В боль-

⁹ См. Р. Г. Маршаев. Лаки с древнейших времен до VII в. РФИ, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 51, стр. 93.

¹⁰ См. С. С. Агаширинова. Поселения лезгин в XIX—нач. XX вв. Уч. зап. ИИЯЛ, т. VI, 1959, стр. 238; М.-З. О. Османов. Поселения даргинцев в XIX—XX вв. Уч. зап. ИИЯЛ, т. X, 1962, стр. 223; А. И. Исламмагомедов. Поселения аварцев в XIX—нач. XX вв. Уч. зап. ИИЯЛ, т. XII, 1964, стр. 163.

шинстве селений деление на кварталы не имело никакого отношения к тухумам, а было чисто территориальным. Например, в селении Багикла различаются три квартала, два из которых отражают чисто территориальный принцип расселения: Лултту мягъла — нижний квартал, Ялтту мягъла — верхний квартал; третий квартал — Бурагъан къат — занимает южную часть селения, и в названии этого квартала, видимо, содержится намек на его тухумное происхождение.

В селении Цущар три из четырех кварталов территориальные: Халватрахалу (или мичагъанну — «тенивая сторона», где много крапивы — «мич»), Мизитрахалу (средняя, околомечетская часть), Барщаниялу (барщи или бак щар — верхняя часть селения). Квартал Хувши, который расположен по другую сторону речки отдельно от селения, сохранил, по-видимому, наименование образовавшего его поселения.

Значительная стабилизация политического положения, развитие производительных сил, рост народонаселения и необходимость освоения новых земель обусловили возникновение отселков, в которых господствовал соседский принцип расселения. Вначале это были маленькие хутора земледельческо-животноводческого направления. По полевым данным, основоположниками этих хуторов были отдельные выходцы из крупных поселений, которые переносили свое жилье ближе к сельскохозяйственным угодьям — пастбищам, покосам, пашням. Очевидно, это являлось основной причиной образования отселков — хуторов.

Наиболее ранним является образование отселков с земледельческо-животноводческим направлением хозяйства. Так, по преданию, селение Убра основали Битлахъул и Гусейнахъул, выходцы из сел. Табахлу. Семьи эти разрослись и образовали самостоятельный поселок. Окружающие земли они использовали под пашню и пастбища, что вызвало протест со стороны общества сел. Табахлу. Табахлинцы пытались изгнать их оттуда, но это им не удалось из-за неприступности месторасположения сел. Убра.

Большинство же отселков — «мащи» возникло как результат развития животноводства, в частности овцеводства. Этот процесс особенно был характерен для лакцев нынешнего Кулинского района. Процесс продолжался до XIX века. Отдельные хозяйства не посылали своих овец на плоскость, а содержали их на своих мащи и зимой, выпасая на солнечных склонах «сун» и на стерне той пашни, на которую они имели право «ках». Из таких отселков во многих случаях возникали значительные поселения. Но этот путь образования отселков из овцеводческих «мащи», на наш взгляд, нельзя считать очень ранним. Их образование скорее всего можно отнести к концу XVIII — началу XIX вв. и поставить в связь с интен-

90

сивным развитием овцеводства. В Кулинском районе этот путь прошли селения Бярних, Ула-Урта, Чаккал-мащи, Тукалтул, Тукра, Кичурдих, Джахпарал-мащи и др.

Другой причиной образования хуторов была кровная месть. Основателями ряда селений-хуторов считают лиц, изгнанных в результате кровной мести из родного аула (Шовкра, Мукар).

По преданию, первым на месте нынешнего Шовкра поселился кровник из Кумуха. Но и позже, когда хутор очень разросся, покойников отсюда хоронили только в Кумухе. Это свидетельствует о том, что связь хутора с основным поселением продолжала сохраняться.

Основателями сел. Мукар считают двух братьев — кровников, выходцев из Крыма, поселившихся сначала в Куркли, а затем основавших хутор здесь. Называли этих братьев Ласловханнахъул.

Образование третьей группы хуторов, если судить по преданиям, было связано с целями обороны. Как отмечалось выше, сторожевые посты, охранявшие Лакию от внезапных вторжений, со временем разрослись в большие селения (Куба, Турчи, Чар, и др.).

Полевой материал свидетельствует, что поселения эти основаны на чисто территориальных отношениях. Деление на кварталы в этих селениях также отражает только территориальный принцип расселения. Так, селение Цовкра II делилось на 3 квартала: Ухчи (Ухшар — нижний конец селения), Барщи (Бакшар — верхняя часть селения) и Левсса (средняя часть). Такое деление характерно почти для всех отселков. Тухумный же принцип расселения, глухие отголоски которого еще можно было в XIX в. найти в «щар», полностью исчезает в «мащи». Деление на кварталы в этих селениях по территориальному признаку производится только в связи с очередностью в выполнении обряда первого плуга и для удобства в осуществлении административных функций сельскими властями.

Таким образом, в Лакии исторически прослеживается существование трех типов поселений. Это, во-первых, небольшие тухумные поселки (до XI в.), от которых во многих местах сохранились лишь развалины или предания. Второй тип — большие территориально-тухумные поселения, возникшие путем объединения отдельных тухумных поселков; в них постепенно исчезает признак тухумного расселения и в XIX в. — это территориальные поселения, в которых можно найти лишь намеки на бывшее расселение всех членов тухума вместе. Третий тип — территориальные поселения, возникшие первоначально как отселки разросшихся поселений второго типа.

Форма и планировка поселений лакцев вытекала прежде всего из топографических условий местности. Поселение лак-

цев, как и других народов нагорного Дагестана¹¹, имеет кучевой план.

По группировке домов внутри аула поселения можно разделить на два вида: вертикальной и горизонтальной зональности.

Скученность, теснота в селениях были причинами царившей здесь антисанитарии. Отсутствие канализации приводило к тому, что все отбросы и нечистоты оказывались на узких кривых улочках. Но благодаря расположению селений на крутых склонах они долго здесь не задерживались. Ливневые дожди, потоки растаявшего снега уносили всю грязь с улиц в речки. Так как в селении экономилась площадь застройки, часто улицы представляли собою темные тоннели под вторыми этажами жилых помещений, т. е. многие улицы не имели просвета сверху.

Во многих селениях улицы в некоторых местах представляли собою ступеньки, выбитые в скале (Куба, Вихли и др.). Зачастую улицы, открытые сверху благодаря застройке с обеих сторон домами в несколько ярусов, имели вид ущелий, на дно которых редко попадал луч солнца. Поэтому здесь всегда царил сырость и сумрак. Для удобства хождения по таким улицам они во многих местах имели с одной стороны нечто вроде тротуара, составленного из ряда камней, положенных вплотную к стенам домов.

Большинство лакских селений имеет вертикальное расположение. Селений горизонтальной зональности очень немного. В основном, это поселения типа отселков (Шовкра, Шара).

Некоторые селения вертикальной зональности при отстройке после разрушения меняли ее на горизонтальную. Так, селение Табахлу, ранее располагавшееся на скалистом склоне («кьаркьалле»), после разрушения в 1741 году Магомед-ханом было через несколько лет вновь отстроено на ровном месте, ниже старого местоположения. Селение Ури после разрушения его Шамилем было построено также на более ровном месте.

Общественным центром селения являлись мечеть и годекан «курча». В тех селениях, где было несколько кварталов, такой центр имелся в каждом квартале. Так, в Кумухе было 7 квартальных мечетей (соответственно числу кварталов) и одна большая соборная мечеть, куда собирались со всего селения по пятницам.

Однако наиболее популярным местом, где собиралась мужская половина населения, был «курча». Каждый квартал

имел свой «курча». Это был своеобразный мужской клуб. Здесь рассказывались последние новости, старшие давали молодежи наставления. Это были и своего рода общественные парикмахерские и молельни. Для омовения поблизости от курча устраивались бассейны воды или подводилась вода из источника. Дороги, если они проходили около селения, обычно прокладывались по его нижней окраине. Это объяснялось физико-географическими, топографическими условиями расположения селения и экономией места внутри селения для застройки. В период частых военных столкновений диктовалось это и условиями обороны, а также замкнутостью поселения, как отдельного общества.

Расположение поселений на скалах, где улицы напоминали ущелья, не оставляло места для магистральной дороги. Для базаров в тех селениях, где они устраивались (Кумух, Вачи, Кули, Куркли), отводилась ровная площадка на окраине аула, так как внутри селения вертикальной зональности больших ровных площадей не было. По этой же причине и кладбища выносились за пределы аула. Все это имело по-видимому и другое значение: сделать аул единым оборонительным комплексом. Поэтому-то наблюдатели сравнивают дагестанские аулы с каменными твердынями, называют их селениями — крепостями¹².

Вертикальная направленность лакского селения, как и вообще селений горцев Дагестана, придавала селению вид амфитеатра или совокупности террас, располагающихся ступеньками.

В первые же годы Советской власти в результате осуществления земельно-водной реформы в Дагестане была в основном ликвидирована диспропорция в землепользовании. Кроме того, горным колхозам была отведена часть земель под пашню и зимние пастбища на плоскости. Помимо этого, в советское время немало лакцев осело в городах, а также переселилось на плоскость. Все это способствовало расширению участков, занимаемых под поселение и жилище.

Для советского периода характерно разрастание поселений в сторону пологого склона или подошвы горы, на крутом склоне которой оно раньше располагалось. Начался этот процесс со строительства школ и советских учреждений на более ровном, удобном месте. Затем постепенно туда же переносились жилые дома. Очень характерно в этом отношении селение Кумух. Старая часть его представлена кварталами Чилейми и Цувади. Дома этих кварталов построены на скалах, частично врезаны в них. Остальные пять кварталов расположены ниже по склону горы. Все постройки самой нижней,

¹¹ М.-З. О. Османов. Поселения даргинцев в XIX—XX вв. Уч. зап. ИИЯЛ, т. X, 1962; А. И. Исламмагомедов. Поселения аварцев в XIX—XX вв. Уч. зап. ИИЯЛ, т. XII, 1964.

¹² Е. Марков. Очерки Кавказа. СПб., 1887, стр. 593.

плоскостной части Кумуха относятся к концу XIX—XX вв.

В 30—40-е гг. XX в. происходит ломка старых жилищ верхней части Кумуха в связи с тем, что владельцы их переселяются в города нашей республики и за ее пределы. Камень этих жилищ, проданных колхозу на слом, идет на постройку колхозных сооружений.

В то время как старая верхняя часть Кумуха постепенно превращалась в развалины, появились новостройки в нижней его части. Были застроены и многие старые пумна, которые представляли собою ровные площадки. Только в последние годы процесс превращения наиболее древней части Кумуха в руины прекратился в связи с переселением сюда жителей из высокогорных селений Арчи, Шали, Бурши. Процесс перехода с крутых горных склонов на более пологие площади наблюдается в последние годы и в других селениях Лакии (Вихли, Сумбатль, Унчукатль и др.), где есть для этого возможности.

В настоящее время все аулы Лакии представляют собой поселения, подвергшиеся коренной социальной ломке. Это уже новые, социалистические поселения. Поселений, возникших целиком и полностью в годы Советской власти, у лакцев нет. Переселение же лакцев в 1944 году в Новолакский район не сопровождалось постройкой новых поселений. Но во многих старых селениях сейчас появились новые кварталы, застроенные зданиями школ, больниц, Домов культуры, кино, советских учреждений, магазинов, столовых, жилыми домами (Кумух, Вачи, Кули, Унчукатль, Новолакское). Эти новые кварталы с их простором, чистой водой представляют резкий контраст со старой частью селений.

При взгляде на многие современные селения Лакии бросается в глаза деление их на две части: старая часть, расположенная террасообразно, и новая часть, построенная на ровном месте. Некоторые семьи, имевшие в прошлом жилища в старой части селений, в последние десятилетия построили новые дома в нижней части селений.

Центром общественной жизни селения теперь является клуб, который иногда помещается в здании старой мечети, большей же частью клубы имеют новые просторные здания. Центр селения часто и сейчас не совпадает с геометрическим центром его, так как очаги культурной и деловой жизни селения помещаются в новой его части. Место прежнего «курча» заняли колхозные библиотеки и читальные залы, где пожилые люди и молодежь собираются в свободное от работы время, чтобы почитать газеты, поделиться последними новостями. Это в основном относится к районным центрам. Во многих других селениях сохранились и «курча», где днем никого не видно, а вечерами часто можно увидеть стариков, не спеша

обсуждающих вопросы политической жизни за рубежом и в нашей стране, а также делящихся своими мнениями о текущих делах колхоза. Если раньше одним из признаков селения была его труднодоступность, то в настоящее время делается все, чтобы облегчить общение отдельных селений между собой. Все селения друг с другом и с райцентром, а через него и с остальными районами и городами Дагестана связаны хорошими дорогами.

Изменился и внешний облик селения. Если прежде для него были характерны жилища с плоской глинобитной крышей, то теперь нет ни одного даже самого отдаленного селения Лакии, где не было бы хотя бы нескольких домов с железными, а в последние годы и шиферными крышами.

В новой части селений нет стопроцентной застройки участка, как в старой части. Жилища планируются так, чтобы перед ними был небольшой участок для двора и зеленых насаждений.

Характерной особенностью современного колхозного селения является наличие зелени. Все дореволюционные исследователи отмечали отсутствие зелени в горных селениях и объясняли это климатическими условиями. Так, Н. И. Воронов писал о кумухцах: «...аул их по-прежнему без деревьев и без огородов. Правда, кумухский климат весьма суров; высота местоположения и близость вечных снегов не могут благоприятствовать нежной садовой растительности; акация и тополь с трудом выносят здешние зимы»¹³.

Советская действительность опровергла это утверждение. Во многих селениях, где для того есть хотя бы небольшая возможность, посажены деревья, декоративные и фруктовые.

В Кумухе лет 10—15 назад было заложено два парка, которые хорошо разрослись, один из них — парк культуры и отдыха — расположен у здания лакского драматического театра, другой — у здания новой 10-летней школы. Центральные улицы селения также обсажены деревьями.

Таким образом, качественно новое колхозное село является четвертым типом лакского поселения, возникшим в результате исторического развития поселения от мелкого тухумного через территориально-тухумное и территориальное поселение.

§ 2. ЖИЛИЩЕ

Жилище лакцев прошло длительный путь развития от однокамерного, одноэлементного жилья до современного благоустроенного многокамерного дома.

Можно предполагать, что самым ранним типом жилища

¹³ Н. И. Воронов. Указ. соч., ССКГ, III, стр. 37.

у лакцев, как и у других народов Дагестана, было однокамерное одноэтажное жилище, часто врезанное в склон горы. К исследуемому времени таких однокамерных жилищ в чистом виде не сохранилось, а если они еще существовали, то использовались в качестве хозяйственных помещений: хлева, сеновала. Лишь отдельные признаки—сохранившаяся кое-где обмазка стен, ниши в стенах, покатый для стока дождевой воды потолок, служивший ранее крышей, закопченность стен—выдают прежнее жилое назначение этих помещений.

Трудно определить, когда эти жилища заменились многокамерными и двухэтажными. Во всяком случае, процесс этот произошел задолго до XIX в. и был связан с социально-экономическими и политическими причинами.

Хотя такие жилища в Лакии не сохранились, восстановить их интерьер можно. Интерес представляет в этом отношении одно из помещений в доме Гажалиевых в сел. Камахал. В настоящее время оно выполняет функции сеновала. Дом Гажалиевых повторяет форму склона, к которому он примыкает тыльной стороной.

Указанное помещение, по словам хозяев, является самым старым и вначале единственным жилым помещением этого дома, все остальные комнаты были пристроены позже. Двойной каменной аркой помещение делится на две равные части. Этими же арками поддерживается и перекрытие, которое состоит из бревен, иногда кривых, между которыми заложены каменные плиты. Потолок сильно закопчен, причем передняя (от входа) часть закопчена гораздо сильнее, чем задняя. Очевидно, передняя часть представляла собой нечто вроде очагового отсека, где готовилась пища, и отделялась от задней части. Двойная арка по-видимому выполняла здесь функции не только опоры потолка, но и защиты от дыма. Задняя часть несколько более приподнята. Очевидно, семья здесь укладывалась на ночь.

Стены кое-где еще сохранили следы обмазки, остались также ниши и выступы для мелких предметов обихода. Около входной двери сохранилось небольшое световое отверстие. Окон в полном смысле этого слова или оконных рам в таком жилище не было. Из-за отсутствия в старом жилище окон в лакском языке нет слова, обозначающего понятие «окно»; это понятие выражается описательно, как «малый вход» (чIавахулу).

Позже размер световых отверстий увеличивается, появляются деревянные коробки и деревянные же ставни. Стекол в окнах в большинстве лакских жилищ не было вплоть до установления Советской власти. Вечером такое жилище освещалось каменной жировой плошкой, в которой горела брошенная в нее тряпка. Для освещения употреблялась и лучина

Р и с. 9. Типы традиционных лакских жилищ.

«мак». Огонь в таком помещении разводился в центре в специальном углублении. Кое-где в старых полуразрушенных домах, а также в помещениях, теперь используемых для хозяйственных надобностей, сохранилась очажная цепь с крюком для подвешивания котла, а в центре помещения — углубление для разведения огня — «вилах».

О том, что жилище лакца первоначально состояло из одной комнаты, говорят и данные языка: в лакском языке и в языках других народов Дагестана нет самостоятельного слова для обозначения понятия «дом» — оно передается через множественное число слова комната «къатта» — «къаттри» (комнаты).

Для XIX века в основном характерно двухэтажное, реже трехэтажное многокамерное жилище, в котором хлев, сеновал и другие хозяйственные помещения занимают первый этаж, а второй этаж отводится под жилье. Этажность жилища объяснялась экономией земельной площади, а также соображениями обороны, когда каждый дом представлял крепость, а селение в целом — компактный оборонительный комплекс. Возникавшая в результате разрастания семьи и дальнейшего выделения из нее отдельных семейных ячеек теснота жилища и отсутствие места рядом для пристройки также иногда заставляли надстраивать новый этаж над старым жилищем.

В XIX в. жилая часть дома состояла из 2—3 и даже 4-х комнат, в зависимости от достатка хозяев. Небогатые семьи имели часто только одну комнату, которая служила всем «от гостиной до кухни»¹⁴. Состоятельный же горец имел несколько комнат, но основная жизнь семьи протекала в одной из комнат, где зажигался огонь и готовилась еда — «цуришейну» (огневая, или комната для огня); позже, когда появились железные печки — времянки, эта же комната, или любая другая, где на зиму ставилась печка, стала называться «пачкъатта» (печная комната, или комната для печи).

В «цуришейну» обычно стояла глиняная печь «кара» типа «тондыра», распространенного в Закавказье, только устанавливалась она не в специальной яме, а на поверхности. Она употребляется для хлебопечения и в наши дни. «Кара» имеет форму усеченного конуса с двумя отверстиями: вверху — для котла или для выхода дыма, спереди — полукруглое отверстие, начинающееся от пола, для топки. Топили печь кизяком и соломой; в печи пекли хлеб, а на верхнее отверстие ставили котел и готовили пищу для семьи. Перед печью было углубление «вилах», в которое перемещали из печи часть огня:

¹⁴ Г.-М. Амиров. Среди горцев Северного Дагестана. ССКГ, вып. 7, 1879, стр. 78—79.

в зимнее время вся семья садилась вокруг этого углубления и грелась.

Для бедняков, а часто и для средних слоев населения эта комната служила не только для приготовления пищи — здесь семья проводила день и ночь. А. Абдуразакова из сел. Куба вспоминает, что еще в начале XX в. в их доме была комната, обогреваемая таким образом. Топили «кара» только тогда, когда готовили еду. Мать запрещала детям вставать, чтобы им легче было дышать в комнате, полной дыма. Когда же мать поднимала крышку с котла, стоящего на «кара», пар, шедший из котла, конденсировал сажу, и она падала черными хлопьями на вещи, находящиеся в комнате.

В некоторых селениях угол, где находилась «кара», отгораживали от остальной части комнаты клетчатым паласом грубого плетения «чирча» (сел. Вихли). В этом случае палас, не доходящий до пола, выполнял ту же функцию, что и перегородка, не доходящая до пола, в даргинском жилище¹⁵, а также тонкая перегородка с лазейкой в наружную сторону очажной комнаты в кумыкском старинном однокамерном жилище¹⁶.

Можно полагать, что опыт отделения угла паласом для того, чтобы направить дым в предназначенное для этого отверстие в потолке помещения, натолкнул на мысль сделать в углу более фундаментальную постоянную перегородку, плетеную из прутьев и обмазанную глиной (Кумух, Камахал). Возможно, в этом есть и элемент заимствования у соседей (даргинцев) и с плоскости. Но такая перегородка не получила в Лакии большого распространения. На наш взгляд, эта перегородка явилась шагом к возникновению камина «тав», вначале в углу помещения, затем ближе к середине стены. Каминны распространились во второй половине XIX в., их стали сооружать и в остальных комнатах помещения, а самая лучшая, чистая комната в доме получила название «каминной комнаты» — «тавхана».

Большой интерес представляет наличие в прошлом в ряде селений обогреваемых лежанок «лакъру» (возвышение, от «лакь» — высокий). Следует отметить, что по всей территории Лакии они не получили распространения, несмотря на их исключительную экономичность и удобство. Ареал распространения их проходил от пограничных с Аварией лакских селений Мукарского ущелья (Камахал, Палисма, Ури, Мукар), затем через селения Убра, Кумух в Читур, Кулушац, Чуртах (возможно и в Хулисма), затем в сел. Цовкра. Возможно,

они были распространены шире — остатки этой системы или воспоминания о ней при более тщательном исследовании можно встретить и в других селениях Лакии.

Бытование обогреваемых лежанок местные жители относят ко второй половине XIX в., считая его явлением инородным, заимствованным извне. Сейчас даже в вышеуказанных селениях обогреваемые лежанки встречаются редко (за исключением сел. Убра, где они до последних лет были очень распространены), причем чаще в старых, полуразрушенных домах, или в одной из самых старых комнат используемого жилища. Во многих случаях они подверглись переделке и теперь только указывают место, откуда подтапливали лежанку.

Лежанка эта занимает две трети комнаты. Она приподнята над полом приблизительно на 0,5—0,6 м, чтобы было удобно на нее взбираться. Устроена она следующим образом: по ее краю вертикально установлены каменные плиты; каменными же плитами в основании лежанки выложен дымоходный канал, начинающийся от печи «кара», вмозанной в лежанку в центре ее передней стороны или расположенной у одного ее конца. Канал выложен в основании лежанки таким образом, чтобы теплый дым равномерно обогревал лежанку.

Дымоход закрытый, устроен он в одном из углов комнаты, над лежанкой. Если «кара» располагалась сбоку лежанки, то соединялась с ней закрытым узким мостиком с дымоходным каналом внутри; в этом случае дым выводился наружу опять-таки по дымоходу, проходящему в дальнем углу комнаты. На вертикально установленные каменные плиты дымохода горизонтально накладывали такие же плиты. Остальное пространство засыпалось землей и утрамбовывалось. При топке печи «кара», на верхнее ее отверстие ставилась посуда для приготовления пищи, а дым шел не в комнату, а в дымоходный канал, который более или менее равномерно во всех направлениях прорезал основание лежанки, обогревая ее изнутри. После приготовления еды к горячим стенкам печи лепили лепешки хлеба, закрывая при этом все отверстия, чтобы хлеб равномерно выпекался с лицевой стороны. После того, как хлеб пропекался, его снимали со стенок; потом опять закрывали оба отверстия печи, чтобы теплый воздух шел в лежанку. Система эта была очень экономична для горского жилища. Небольшое количество топлива, употреблявшееся для приготовления пищи, согревало и лежанку, на которой сидели, ели, расстелив скатерть, выполняли мелкие домашние работы и спали. Система эта напоминает китайский «кан»¹⁷.

¹⁷ Описание «кана» см. в кн. «Очерки общей этнографии. Зарубежная Азия». М., 1959, стр. 72.

¹⁵ М.-З. Османов. Жилище даргинцев в XIX—XX вв. РФИ. ф. 3. оп. 3. № 119, стр. 5.

¹⁶ С. Ш. Гаджиева. Кумыки. М., 1961, стр. 205—206.

Печь «кара» в такой лежанке обычно топили кизяком, соломой, бурьяном — обычным в Лакии топливом.

Эти лежанки вышли из употребления в связи с широким распространением железных печек-временок. В тесном горском жилище железная временка была удобнее лежанки, так как в теплое время года временку можно было убирать. Кроме того, железная печка во время ее топки ощутимо согревала комнату, тогда как при пользовании лежанкой ощутимого тепла в комнате не было, хотя теплая лежанка и была удобна для сна. Кроме того, в конце XIX—начале XX в. в лакских домах появляется кое-какая мебель, в том числе кровати, первоначально деревянные, и потребность в лежанке отпадает.

В некоторых селениях лежанки, правда, неотапливаемые, бытовали и после Октябрьской революции, и кое-где сохранились до наших дней (селения Унчукатль, Куба, Убра, Мукар и др.). Сохранилась она в основном в той комнате, которая зимой служила местопребыванием семьи. Лежанка застлана коврами и паласами, здесь теплее, чем на полу.

Возможно, что лакцы-отходники принесли извне идею обогрева лежанки. В этнографической литературе, касающейся народов Кавказа, мы не обнаружили упоминаний о таких лежанках. Однако остатки их обнаружены археологами в Дагестане в жилищах Верхнегунибского поселения эпохи бронзы¹⁸, и на Сигитминском городище (середина I тыс. н. э.)¹⁹. Судя по остаткам этой отопительной системы, она по своей конструкции не отличалась от вышеописанной, обнаруженной нами в Лакии.

По нашему мнению, имеющийся фактический материал говорит о том, что обогреваемая лежанка лакцев может считаться явлением местным, и традиции ее сооружения, возможно, восходят к эпохе бронзы. Она могла возникнуть как результат развития ступенчатого жилища. Верхняя сухая и более теплая ступенька жилища, использовавшаяся для сна древнейшими обитателями Верхнегунибского поселения, обогревалась очагом, расположенным на нижней ступеньке. Эта верхняя ступенька могла эволюционировать в лежанку с жаропроводящим каналом, обнаруженным здесь же. Обогреваемая лежанка носила название «пач-кара», а у камахальцев сохранилось более старое ее название «лахъшану» (высокая постель), указывающее на назначение ее для сна.

¹⁸ В. М. Котович. Верхнегунибское поселение. Махачкала, 1965, стр. 36—37.

¹⁹ К. А. Бредэ. Отчет о раскопках в 1956 г. археологических памятников на Сулаке. РФИ, ф. 3, оп. 3, ед. хр. 35; В. И. Канивей. Памятники бронзового века на Сулаке (1956 г.). РФИ, ф. 3, оп. 3, ед. хр. 26.

Решить окончательно вопрос о происхождении этого сооружения пока не представляется возможным из-за недостатка необходимых данных.

Эта оригинальная система отопления по неизвестной причине не получила распространения по всей Лакии. До появления железной печки-временки в лакских жилищах сначала господствовали открытые очаги, затем печи «кара» для хлебопечения, а со второй половины XIX в. — камины «тав». Железная печка-временка распространилась в Лакии в конце XIX в. В некоторых селениях люди преклонного возраста еще помнят эффект, который произвело ее появление. 85-летняя П. Амирова из сел. Мукар Лакского района помнит, как ее дед впервые привез железную печку в родное селение из центральной России. По ее словам, зимой эта печка кочевала по всем четырем селениям Мукарского ущелья (Мукар, Ури, Камахал, Палисма) из дома в дом, где были больные.

Обязательным элементом интерьера описываемой комнаты были деревянные привозные «су» или балхарские глиняные сосуды большого размера, где хранилось зерно. В некоторых селениях в старинных домах сохранились комнаты с глубокими нишами большого размера в стене (на некоторой высоте над полом). В этих нишах и устанавливались балхарские сосуды (сел. Сумбатль).

Матицу потолка поддерживали центральный столб и выступы с двух противоположных стен комнаты — «туккри» (дословно «ослы»). В тех помещениях, где нет центрального столба, эти «туккри» всю нагрузку по поддержке центрального прогона несут на себе. Там, где есть столб, выступ может быть только от одной стены.

На стенах комнаты делались полки: для хранения мелких предметов — узкие полки «чаму» под потолком, широкие полки «ляргунтив» — для крупной балхарской посуды и тяжелых медных подносов. Их вешали и на стены, а также на центральный столб.

Двери таких помещений были деревянные двустворчатые. Со стороны, примыкающей к стене, они имели деревянные выступы, которые входили в каменные гнезда в пороге и в притолоке дверного проема; при движении двери вращались, не выходя из своих гнезд. Такой способ установки дверей известен был еще в эпоху бронзы²⁰. Точно таким же образом впоследствии закреплялись и деревянные створки окна. Этот способ укрепления двери не на петлях, а в каменном гнезде «зитилу» применяется и по сей день в хозяйственных помещениях. Стекол в окнах не было до самого конца XIX в. Сами

²⁰ В. М. Котович. Указ. соч., стр. 74.

окна были небольшого размера, на ночь они закрывались деревянными ставнями.

Первый этаж дома занимали хозяйственные помещения: хлев, сеновал, иногда кладовая. Жилые комнаты были на втором этаже. Самая большая комната в доме называлась «тавхана» («каминная комната») или «кьун-кьатта» (большая комната). Это была парадная комната, украшенная всем, что было лучшего в доме, в частности медной и фарфоровой посудой, паласами, коврами, зеркалами и т. д. Здесь принимали гостей, хотя эта комната и не выделялась в отдельную кунацкую. Камин, находившийся в комнате, топился только при наличии гостей. По свидетельству современника, используемые лакцами каминны «греют, пока горит в них кизяк, и то на весьма ограниченном пространстве, потому что кизяки больше тлеют, чем горят»²¹.

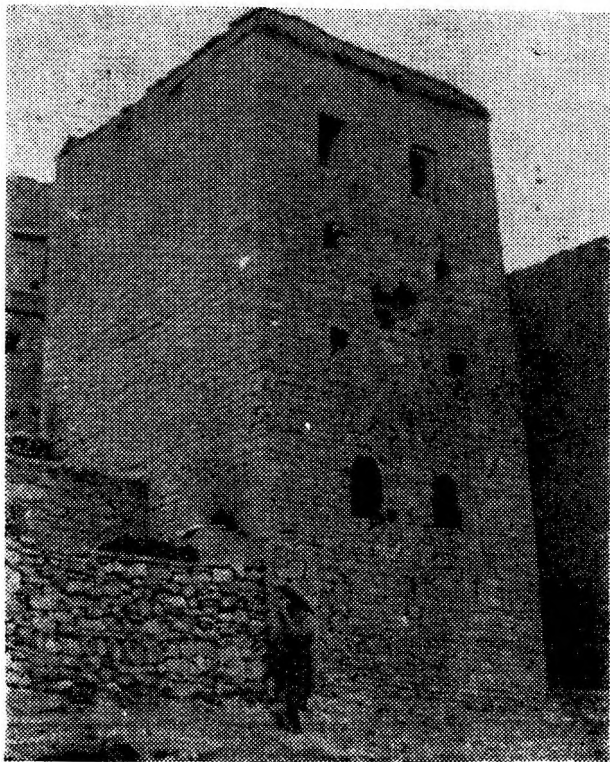

Рис. 10. Башнеобразный дом в с. Куба Лакского р-на.

²¹ Н. М. Трипольский. Казикумухский округ. «Медиц. ведомости», 1865, № 36, стр. 329.

В домах состоятельных людей иногда имелась третья комната, в которой хранилась редко употреблявшаяся посуда, а также была сложена постель. Фарфоровая, стеклянная, медная посуда, тарелки с разноцветными узорами, висевшие в этой комнате, составляли приданое хозяйки, которая в свою очередь отдавала его дочери, выходящей замуж. Здесь же обычно находились и сундуки, где хранились наряды хозяйки, украшения и т. д., полученные ею от родителей при выходе замуж.

Степанных одеял в рядовых семьях не было. Ложась спать, члены семьи покрывались грубыми паласами и шубами. Матрац набивался сеном, а вместо простыни застилался войлоком.

К концу XIX в. во многих домах появилась мебель, в начале только в зажиточных семьях. Н. И. Воронов, побывавший в 70-х гг. прошлого века в доме вдовы последнего лакского правителя Аглар-хана, отмечал, что часть комнат в доме была убрана по-европейски и в них была кое-какая мебель: кровать, стол, стулья. Однако посуда была расставлена в нишах, на полу были расстелены ковры и паласы, а на стенах по традиции висели куски материй²².

Немаловажное значение в жизни лакца имела крыша хозяйственного помещения, примыкавшая к жилому комплексу второго этажа. Днем здесь выполняли различные хозяйственные работы: летом сушили сено; зимой, установив здесь станки, ткали паласы или сукна. Кроме того, зимой на крыше, отгороженной от северных ветров кучами кизяка, грелись, а летом на солнце купали детей.

Все жилища в селении ориентировались на юг или юго-восток. Это было необходимо для получения возможно большего количества солнечного тепла, особенно в зимнее время. Расположение домов в селении амфитеатром исключало возможность незаметного проникновения чужака в селение, что было немаловажно в тревожные времена.

Для лакского дома XIX в. характерны небольшие лоджии с южной стороны жилища.

Открытые лоджии и галереи служили для домашних дел. Сидя здесь, женщины подготавливали шерсть для изготовления пряжи, пряли и ткали. Столбы, каменные или деревянные, поддерживали архитравную балку. Лоджии были либо совсем без перил, либо с низенькими перилами «бьявакълу», галерей же имели «бьявакълу» обязательно. Эти перила строились из камня, высотой около 0,5 м и обмазывались глиной, сверху укреплялось уплощенное бревно, на котором устанавливались столбы, поддерживавшие кровлю.

²² Н. И. Воронов. Указ. соч., ССКГ, III, 1870, стр. 32—33.

Навесные балконы появились в Лакии во второй половине XIX в. В тех случаях, когда строили выдвинутую веранду, тянущуюся перед всем домом, ее поддерживала система арок или деревянных столбов. Пространство под такой верандой использовалось как летний хлев для скота или летняя кухня.

Для большинства лакских селений в прошлом была характерна стопроцентная застройка участка. Многие дома вовсе не имели дворов, а те дворы, что были, отличались своими незначительными размерами. Перед хозяйственными постройками первого этажа всегда оставалось небольшое место, откуда вела лестница на второй этаж и которое чаще всего находилось под лоджией или верандой второго этажа. Оно носило название «къатталалу» (дословно «под комнатой») и являлось маленьким крытым двором. Здесь летом держали корову и хранили небольшое количество сена или свежей травы для нее и топливо для печи «кара», которая также большей частью устанавливалась именно здесь.

На первом этаже обычно находились хозяйственные помещения: хлев, сеновал. В домах зажиточных людей хлев имел несколько отделений для животных разных видов. Сеновал часто также находился рядом с хлевом, но иногда строился отдельно, примыкая к дому сбоку или спереди. Крыша сеновала использовалась в этих случаях вместо веранды.

Сеновалы имели отверстия в виде бойниц или аркообразные отверстия с двух смежных сторон. Чаще всего встречались сеновалы, у которых была открыта одна сторона, так что получалось нечто вроде окна, вытянутого в ширину и занимающего почти четверть одной стены.

В пограничных с Аварией селениях Мукарского ущелья обширное «окно» сеновала, занимавшее почти всю стену, частично закрывалось плетнем, что не характерно для остальной Лакии, и объясняется по-видимому тем, что здесь поблизости есть лес из кустарниковых пород, удобных для плетения. Возможно, здесь есть и элемент заимствования с предгорья, для которого характерны такие сеновалы²³.

В трехэтажных домах первый этаж отводился под хлев, второй под сеновал и третий — под жилье.

В конце XIX в. в Лакии появляются новые дома с европейской архитектурой, в домах делают навесные балконы «ларзу» с ажурными резными деревянными частями. Завоз в Лакию стекла приводит к тому, что размеры окон увеличиваются, комнаты становятся светлее и чище. Недаром в

1903 году А. Дирр, говоря о кумухцах, отмечает: «аул их содержится лучше, чище, он уютнее других»²⁴.

Проникновение элементов русской культуры в Лакию во второй половине XIX в. происходило очень интенсивно благодаря постоянным связям с центральной Россией. В лакской семье появляются совершенно новые предметы обихода (самовар, чайный прибор, керосиновые лампы и т. д.).

Изменению подвергся в конце XIX в. и внешний облик и интерьер лакского жилища: глиняный пол заменяется досчатым, в окна вставляются застекленные рамы, а более или менее зажиточные люди приобретают железные печки-временки, кровати, столы, стулья, зеркала. Некоторые дома строятся с двускатными железными крышами.

Традиционными строительными материалами у лакцев, как и у других горцев Дагестана, были камень, глина, лес. В Лакии почти не было лесов, и это привело к тому, что основную роль при строительстве жилища всегда играл камень, которого здесь много. Поскольку своего строительного леса не было, издревле при строительстве жилья для поддержки кровли, а также отдельных элементов верхнего этажа жилища применялись каменные арки. Как правило, арочная конструкция использовалась в помещениях первого этажа. На втором этаже применять систему арок никогда не решались, так как их тяжесть перекрытие первого этажа могло не выдержать. Каменные арки и каменные столбы использовались и для поддержки веранды.

Арка широко применялась при строительстве оконных проемов в хозяйственных помещениях. Коробка ворот также имеет большей частью форму арки.

При строительстве обычно употреблялся необработанный камень «люгьи чару», а со второй половины XIX в. широко стали употреблять тесаный камень (цуцу чару), если не для всей постройки, то хотя бы для лицевой ее части. Скрепляющим раствором для каменной кладки была смесь глины с водой. Каменщики были местные (из селений Ахар, Убра, Марки, Камахал), но лучшими считались аварские мастера из Согратля, которые и приглашались более состоятельными лакцами для строительства своих домов.

Необходимый лесоматериал ввозился в Лакию из Даргинии (со стороны Кайтага в нынешний Кулинский район), из Аварии в пограничные с ней селения Лакии ввозились массивные бревна из Бацады для центрального прогона «уттуса» (небольшие бревна для балок потолка были иногда из местных лесов). Лесной материал доставлялся в Лакию также

²³ С. Ш. Гаджиева, М. О. Османов, А. Г. Пашаева. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967, стр. 173.

²⁴ А. Дирр. Экскурсии по Дагестану. IV, уКмух и лаки. К, 1904, № 284, стр. 2.

сплавом по р. Аварское Койсу (из сел. Тлярата) и затем почтовой дорогой от Карадахского моста. Это были по преимуществу сосновые бревна. После окончания Кавказской войны сосновые и еловые бревна и доски разных размеров ввозились в большом количестве из центральной России через Астрахань, Порт-Петровск и Темир-Хан-Шуру. Привоз этих материалов в селение Кумух достигал ежегодно 20000 бревен и 100000 досок²⁵.

На большом кумухском четверговом базаре продажа лесного материала играла важную роль. Большое количество бревен, досок и изделий из дерева (рамы, двери и т. п.) доставлялось с этого базара во многие селения Лакии.

Постройке дома предшествовала подготовка необходимого строительного материала, в первую очередь камня. Затем закладывали фундамент. В фундамент клали огромные сланцевые плиты, под которые принято было класть халву или золотую монету на счастье. Закладка фундамента (гъану) сопровождалась раздачей пресных хлебных лепешек.

После возведения стен делали перекрытие крыши. В каждом отдельном помещении жилища вначале устанавливали центральную балку — прогон, как и у других народов Дагестана²⁶. Затем на небольшом расстоянии друг от друга, перпендикулярно центральному прогону, опираясь одним концом на него, другим на стену, устанавливали бревна перекрытия по обе стороны матицы.

На эти балки раньше клали каменные плиты, позже камыш «чагья», привозившийся с плоскости, или «маркъ» — ветви деревьев, очищенные от коры. Сверх них укладывали еще более тонкие ветви деревьев или сено «цянна». На этот настил наливали густую кашу из земли, смешанной с водой, и разравнивали слой ее на крыше. Поверх всего этого насыпали слой земли и укатывали каменным катком «куручен». Слой земли на крыше должен был быть не шире ладони, чтобы не получилось перегрузки на балки, но более тонкий слой мог пропускать влагу.

Затем, обрызгав крышу водой, насыпали еще слой отборной глины, которую брали в специальных местах. В ряде селений, вместо последнего слоя земли, крышу засыпали щебенкой, в других селениях поверхность крыши обмазывали жидкой глиной — «курта бан» (Шовкра, Тулизма, Щара, Курки, Вицхинский магал). При этом в жидкую глину добавляли мякину и метелками прибивали ее к крыше. Этот процесс поз-

торялся несколько раз. Сделанная таким образом крыша позволяла года три жить без ее ремонта.

Полы второго этажа, служащие перекрытием первого, делали таким же образом, лишь слой земли на них был гораздо меньше.

При перекрытии жилища все родственники и соседи приходили на помощь: носили воду и глину, месили ее, делали настил, заливали его жидкой глиной и засыпали землей. Этот обычай взаимопомощи назывался «марща». Пришедшие помогать работали до вечера, затем хозяева хорошо угощали их.

Каменные стены жилищ изнутри обмазывались глиной. Наружные же стены оставались без обмазки и «имели вид развалин, почерневших от времени и атмосферических влияний»²⁷.

Глину, предназначенную для обмазки, очищали от мелких камешков, разводили водой и добавляли в нее мякину. На мокрую стену эту массу бросали понемногу, равномерно размазывая рукой или каменной плитой. Дав стене просохнуть, прodelывали эту процедуру еще раз. Просохшие стены несколько раз белили особой белой глиной «кляла арши», разведенной в воде с добавлением мякины.

Глинобитный пол принято было смазывать глиной желтого цвета (в селениях Вицхинского магала для этого употреблялась белая глина). В местах стыка стен с полом проводилась ровная полоска красного цвета, захватывающая сантиметров на 5 стену и на столько же пол. Такая обмазка требовала постоянного обновления, иначе жилище имело неприглядный вид.

Для защиты стен от влаги их прикрывали сверху каменными, тесно друг к другу пригнанными плитами. Концы их выступали на 8—10 см от стены, образуя карниз. Эти плиты покрывали слоем густого глиняного раствора и, насыпав в него мякины, прибивали руками. В результате над стенами получался земляной валик («зункуллив»).

Крышу строили всегда с небольшим уклоном в одну сторону; для стока дождевой воды в одном или нескольких местах делались каменные или керамические желоба «бьяккану».

В селениях Вицхинского магала (Куба, Унчукатль и др.) вместо земляного валика принято было укладывать камни высотой 8—10 см, плотно подогнав их друг к другу. Их укладывали так, чтобы стык между двумя каменными плитами карниза закрывался центром камня. Укрепленные таким образом карнизы не требовали ремонта много лет, в то время

²⁷ Пржецлавский. Дагестан, его нравы и обычаи. «Вестник Европы», 1867, т. III, стр. 142.

²⁵ Н. И. Кузнецов. В делях Дагестана. СПб., 1913, стр. 153.

²⁶ М.-З. Османов. Указ. соч., стр. 151; А. Исламгагомедов. Жилище аварцев в XIX—XX вв. РФИ, ф. 3, оп. 3, д. 182, стр. 115.

как при укреплении их глиняными валиками ремонт нужен был через каждые 2—3 года.

А. Васильев утверждал, что у лакцев «форма домов продолговатая без всяких украшений снаружи и внутри»²⁸. Утверждение это близко к истине. Для старинных лакских жилищ действительно было характерно полное отсутствие каких-либо украшений; только в стены домов принято было вставлять камень с датой постройки и с каким-нибудь арабским изречением.

Во второй половине XIX в. появляются дома, построенные из обработанного камня, который сам по себе придавал жилищу более нарядный вид. Появляются дома с навесными балконами и галереями, украшенными фигурными столбами и резьбой по дереву (дома Далаевых, Шахшаевых в Кумухе). А. Дирр писал о Кумухе в начале XX в.: «Камни, из которых построены сакли, ровнее обтесаны и старательнее сложены. вход во двор нередко представляет довольно красивый портик; воздушные балконы, широкие окна свидетельствуют о сравнительном достатке жителей»²⁹.

В домах, построенных в конце XIX—начале XX вв., деревянные консоли, поддерживавшие перекрытие балкона или веранды, прикрывались деревянным щитом, украшенным резьбой, который лакцы называли «карниз». Размеры этого щита иногда были очень значительны; украшался он красивым резным орнаментом. Резьба по дереву для лакцев не была характерна и для этой работы приглашали специальных мастеров извне. С конца XIX—начала XX вв. лакцы начинают покрывать крыши своих домов железом.

Современное лакское жилище представляет собою приподнятый дом с подвалом или зимним хлевом под ним (под верандой—летним). Застекленная веранда, которая тянется по всему фасаду дома или занимает часть его, характерна для всех лакских домов, построенных в последние десятилетия.

Для сооружения домов выбирают более ровный участок в нижней части селения или используют тока, которых раньше в каждом квартале селения было несколько. Современное жилище имеет несколько светлых с высоким потолком комнат.

В советское время возникла тенденция к уменьшению количества хозяйственных построек, что наблюдается и у других народов Дагестана³⁰. Это объясняется тем, что сельскохозяйственный инвентарь и рабочий скот содержатся теперь

в колхозе. Благодаря этому стало возможным часть помещений первого этажа реконструировать для жилья. Возможность иметь несколько печек-временок, которые теперь часто ставят одновременно в нескольких комнатах, и рост культурных потребностей семьи, когда нужна отдельная комната для занятий школьников и отдельные комнаты отводятся пожилым и молодым членам семьи—все это привело к тому, что одновременно с уменьшением потребности в хозяйственных помещениях возросла нужда в новых жилых комнатах.

В связи с уменьшением значения фактора экономии земли при строительстве жилища в советское время появилась возможность полного или частичного отделения хозяйственных помещений от жилья, так как близкое соседство сеновала всегда было небезопасно в пожарном отношении. Сеновал небольших размеров теперь строится отдельно от жилого дома.

В строительстве хозяйственных помещений в колхозах соблюдаются местные традиции. Так, в колхозных коровниках и телятниках плоская крыша поддерживается системой арок. Помещения для доярок на фермах имеют планировку лакских жилых домов.

Если раньше о лакском дворе можно было говорить лишь условно, так как большая часть домов фактически не имела дворов, то уже с конца XIX—начала XX вв. лакцы, если позволяя рельеф местности, оставляли небольшую (15—20 см²) площадку перед домом под двор «хью».

Для лакского дома советского периода характерно наличие двора, хотя и небольшого размера. Там, где позволяет его площадь, отдельно строится навес для летней кухни. Свободное пространство во дворе засаживается деревьями, чаще фруктовыми, и цветами.

Возьмем для примера дом Сиянат Амирхановой в сел. Вихли Кулинского района. Он построен в нижней плоскостной части селения. Дом полуторазтажный. Полуподвальный этаж отведен под зимний хлев; место под верандой служит летним хлевом для коровы. Фасад составляют стены двух комнат (в каждой по 2 окна) и застекленная веранда между ними. Вход в комнаты с веранды, на веранду же со двора ведет подъем из 5 ступенек. Задняя часть дома разделена на 3 помещения, из которых одно используется как кладовая, другое—кухня, а третье—проходное помещение, в которое ведут двери с веранды, из обоих подсобных помещений и с заднего двора. Сеновал небольших размеров расположен отдельно, за тыльной стороной дома. Небольшой двор засажен цветами и огородными растениями.

Новые дома также имеют южную и юго-восточную ориентацию, отчасти по традиции, отчасти же для лучшего освеще-

²⁸ А. Васильев. Указ. соч., стр. 69.

²⁹ А. Дирр. Указ. соч., стр. 2.

³⁰ С. Ш. Гаджиева. Материальная культура кумыков. Махачкала, 1960, стр. 77.

шения жилища. Кроме того, южная ориентация объясняется стремлением противопоставить северным холодным ветрам тыльную сторону дома, а также желанием полнее использовать тепло солнечных лучей.

В настоящее время увеличился ассортимент строительных материалов. Камень по-прежнему незаменим для стен, но строят дома только из обработанного камня. Крыши двускатные и четырехскатные покрывают кровельным железом, а в последние годы — шифером. Вначале делают традиционное перекрытие, засыпанное землей, но, вместо мелких бревен и сучьев, на балки перекрытия накладываются доски. Затем делаются стропила, которые накрываются шифером. Все новые дома имеют деревянные полы. В каждой комнате делают одно большое трехстворчатое окно или два двухстворчатых. Характерно увеличение дверного проема — он выше человеческого роста. Двери обычно двухстворчатые, иногда застекленные в верхней части.

Значительно изменился интерьер лакского жилища. Кровати, столы, стулья являются неперменной принадлежностью каждого дома. Все чаще приобретают диваны, шифоньеры. Репродуктор, радиоприемники (в тех селениях, где еще нет электричества — на батареях), а в последние годы (с установкой ретранслятора) и телевизоры занимают в интерьере все больше места. Однако наряду с новыми предметами обстановки почти в каждом доме можно встретить сундук, обитый жестью, на котором уложены мало употребляемые постельные принадлежности.

Следует отметить одну особенность современного лакского интерьера: наличие кровати в каждой жилой комнате. В аулах еще не произошло выделения отдельных помещений, как в городе, под спальню, столовую, гостиную и т. д. Считается, что наличие кровати и стола в каждой комнате, во-первых, украшает ее, во-вторых, это удобно, так как в одной комнате спят молодые члены семьи, в другой — старики, в третьей — гости.

В ряде жилищ сохраняются полки «чаму», на которые сейчас в очень небольшом количестве ставят мелкие предметы (лампу, шкатулку для ниток и т. д.). В большинстве жилищ почетное место занимает настенное зеркало, на ажурную деревянную раму которого с двух сторон набрасываются вышитые полотенца³¹.

Еще в конце XIX в. вошло в традицию набивать по всем стенам жилых помещений деревянные планки для того, чтобы забивать гвозди для ковров или для матерчатых полов, зачастую заменяющих ковры. На эти же гвозди принято

³¹ По-видимому, это заимствовано у русских или у украинцев.

вешать предметы одежды. Называют их «карнизамы». Их и сейчас делают в большинстве новых домов.

Отопительная система лакцев претерпела большие изменения. Печи «кара», которые раньше помещались в жилой комнате и употреблялись для приготовления пищи, хлебопечения и отопления, теперь встречаются только где-нибудь под навесом, отдельно от жилья. Поскольку хлебопекарни функционируют пока только в райцентрах, жители далеких от райцентра селений и по сей день используют для хлебопечения «кара». Что касается приготовления пищи, то в последние 20 лет широко используются керосинки, керогазы, примусы. По отдельным селениям керосин развозится специальными автоцистернами.

В настоящее время во многих домах сел. Кумух установлены газовые плиты, баллоны с газом для которых регулярно привозятся из Махачкады.

В холодное время года лакцы по-прежнему предпочитают пользоваться железной печкой-временкой, которую, обложив изнутри кирпичом, топят теперь каменным углем и дровами, доставляемыми из города. Причем, временки ставят почти во всех жилых комнатах дома.

В целом лакское жилище в своем развитии от древнейшего типа до современного дома прошло те же этапы, что и жилище других народов нагорного Дагестана (аварцев, даргинцев, лезгин).

§ 3. ОДЕЖДА

Сведения о национальной одежде лакцев в этнографической литературе крайне скудны и относятся, как правило, ко второй половине XIX века.

Мужская одежда

Мужская одежда лакцев в XIX—начале XX вв. была в основном общекавказского и общедагестанского типа³². Это объясняется тем, что мужская часть населения Лакии издавна отличалась своей подвижностью. Лакцы-ремесленники и торговцы, бывавшие в различных местах Кавказа, жившие годами в городах Северного Кавказа и Закавказья, заимствовали общекавказский покрой одежды.

³² См. С. Ш. Гаджиева. Материальная культура кумыков XIX—XX вв. Махачкала, 1960, стр. 106—119; ее же, в кн. С. Ш. Гаджиева, М. О. Османов, А. Г. Пашаева. Материальная культура даргинцев, стр. 203—218. С. С. Агаширинова. Национальная одежда лезгин в XIX—нач. XX вв. Махачкала, 1960, РФИ, ф. 3, оп. 3, д. 122, стр. 30—49. Материальная культура аварцев, стр. 216—228.

Нижнего белья лакцы, ни мужчины, ни женщины, вплоть до конца XIX—начала XX вв. не знали. Натальной одеждой мужчин была рубашка туникообразного покроя со стоячим стеганым воротником. Основным материалом для мужской одежды являлось самодельное сукно «чухъа», производством которого занимались для собственного употребления почти в каждом селении Лакии. На верхнюю одежду мужчины шло в среднем 9—10 нак (4,5—5 м.).

Мужская одежда шилась также из привозных хлопчатобумажных тканей. Самой популярной из них была «чадра» — ткань типа бязи синего цвета. Из нее шили мужские рубахи и женские платья. Рубахи шились с глухим воротом, застегивающимся на пуговицу, с рукавами на манжетах, также застегивающимися на пуговицы. На свадьбу или в других торжественных случаях надевались рубашки белого цвета, такого же покроя.

Штаны шились также из местного сукна «чухъа» или из сатина «ластик» темных цветов со штанинами шириной (внизу) 30 см. Поскольку нижнего белья не носили, изготовленные из грубого материала штаны имели стеганную бязевую или ситцевую подкладку. Штаны носились на вздержке: у тех, кто был побогаче, вдевался в штаны кумухский тканый пояс, у небогатых — грубый шерстяной шнур «куръган».

Рис. 11. Лакец в национальной одежде.

Верхней одеждой мужчин были бешмет и черкеска общекавказского покроя.

Сверх рубашки мужчины надевали бешмет «ккуртту» — распашную одежду длиной до колен. Шился он чаще всего из домотканного сукна или из покупного сатина темных цветов: черного, коричневого, темносинего. «Ккуртту» имел раскошенный подол, который в талии суживался. Нарядный «ккуртту» по вороту и по разрезу спереди украшался золотой тесьмой «мусил хва». Для стариков «ккуртту» подбивали ватой или шерстью и простегивали.

Черкеску «чухъа» чаще носили с белой рубашкой со стоячим воротником. Сверх черкески носили металлические пояса местного изготовления, часто представлявшие из себя настоящее произведение искусства.

Рис. 12. Традиционная зимняя одежда лакца.

Верхней теплой одеждой лакца были шубы «рахIу» и «бартук». «РахIу» бывали овчинные и стеганные матерчатые с воротником из овчины. Шились они отрезными в талии, с четырьмя раскошенными клиньями на подоле сзади и с не-
8. Зак. 25.

широким рукавом. «Рахлу» из овчины шился волосом внутрь, с вывернутым наружу шалевым воротником из овчины.

В конце XIX—начале XX вв. наиболее состоятельные лакцы стали носить суконные «рахлу», подбитые каракулем, с каракулевым же воротником.

Другая шуба — «бартук». Длинною она была почти до пят, с ложными рукавами, которые во многих случаях выполняли функцию карманов. У лакцев не получили большого распространения шубы с пелериной «чахуда бартук». Они бытовали только в Вицхинском магале и были заимствованы его жителями у соседних аварцев.

Обычная лакская шуба «бартук» была раскошенного кнizu покроя и имела сравнительно небольшой шалевый воротник. Она надевалась мужчинами на годекан «курча» и называлась «хъун бартук». В холодное время года ими накрывались ночью как одеялом.

Рис. 13. Мужская шуба-накидка с ложными рукавами (с. Куба Лакского р-на).

Вместо плаща употреблялся (особенно часто пастухами) «къавалей»³³ — распашная одежда из белого войлока такого

³³ Возможно, есть какая-то связь этого вида одежды с кумыкским платьем «къабалай», которое также было распашным. Описание «къабалай» см. С. Ш. Гаджиева. Материальная культура кумыков, стр. 127.

же покроя, как «ккуртлу». Спереди по разрезу «къавалей» имел завязки, которые завязывались наглухо. Ворот был глухой; рукав длинный, прямого покроя, одинаковой ширины у проймы и у запястья.

Обычным головным убором была овчинная папаха «кътта къяпа» (или «курки къяпа»), у более зажиточных — «бухар къяпа» (каракулевая шапка). На ночь надевали шерстью внутрь маленькую овчинную шапку круглой, как тубетейка, формы — «къабак» (или «ххувай биху» — «надеваемая на ночь»).

В конце XIX—начале XX вв. пастухи начали носить осетинские войлочные шляпы. Но овчинная папаха остается для колхозников незаменимым головным убором: летом в ней прохладно (защищает от палящих лучей солнца), а зимой тепло.

Голову мужчины брили наголо с детства и до старости, причем регулярно мазали ее жиром. Мужчины всех возрастов носили усы, а пожилые и бороду.

На ногах лакцы носили «хъахъи чакмарду» — сапоги из желтого сафьяна, которые шили местные мастера. Носили также черные сафьяновые чевяки «махIсив» до икр, поверх них надевались «калушру», сшитые из кожи с кожаной же подошвой. Зимой мужчины и женщины носили войлочные сапоги «варсул усру», которые подшивались 6—7 слоями простеганного войлока. Войлочные сапоги мужчин отличались от жен-

Рис. 14. Мужские войлочные сапоги (слева с. Вихли Кулинского р-на; справа с. Куба Лакского р-на).

ских тем, что они были длиной до колен, женские же доходили только до икр. На женские сапоги пришивались фигурно выкроенные кусочки сафьяна, на мужские — часто пришивалась та же кожа в вывернутом виде. В начале XX в. в употреблении вошли «ганз калушру» — кожаные чевяки, в которых

перед шился из мягкой кожи, а пятка — из толстой. С этого же времени получили распространение сапоги. Для изготовления их пользовались привозной кожей, чаще всего тебекмахинской. На месте выделывали кожу только для чарыков «бурчул ус». Обмотки для них — «дулагъру» покупались у пубденцев. Дома и в мечети мужчины носили «пашмакъру» — обувь без задника на деревянной подошве с каблуком.

В Лакии изготовлением обуви занимались в селениях Куркли, Куба, Говкра. Наибольшей популярностью пользовалась обувь шовкрийских мастеров.

Вооружение лакца ничем не отличалось от вооружения других дагестанских и кавказских народов. В далеком прошлом, судя по преданиям, оно состояло из стальной кольчуги «хурни», шлема, налокотников, наколенников. Боевым оружием были рогатины, копья, лук со стрелами, тяжеловесная палица, позднее — боевой топорик-секира, кривая сабля и, наконец, кинжал. По-видимому, в глубокой древности лакцами употреблялась и праща. Сплетенную из шерстяных ниток пращу дети употребляли вплоть до наших дней для метания глиняных шариков в ночь весеннего равноденствия.

В начале XX в. предметами вооружения служили кинжал, оправленный в золото или серебро, и шашка.

Женская одежда

Женская одежда, по сравнению с мужской, отличалась большей оригинальностью и разнообразием; в некоторых случаях она имела свои локальные варианты, чего нельзя сказать о мужской одежде. Тем не менее заимствования проникали и в женскую одежду, особенно в одежду женщин из имущих классов. Процесс этот стал более интенсивным во второй половине XIX в., когда усиливаются торговые связи с центральной Россией и с Закавказьем. В Лакию проникают парчовые и шелковые ткани русского и иностранного производства. Отдельные представительницы имущих слоев населения, иногда выезжавшие за пределы Дагестана, привозили новые фасоны одежды, которые затем получали широкое распространение в Лакии. Заимствованные виды одежды бытовали большей частью в центре Лакии — Кумухе и окружающих селениях. Н. И. Воронов отмечает: «Вообще же в Кумухе и на казикамухцах уже значительно заметно влияние так называемой плоскости, т. е. каспийского побережья, подвергающейся в свою очередь многим внешним влияниям»³⁴.

На женскую одежду также оказывала влияние одежда со-

седних аварских селений (Вицхинский участок) и даргинских селений (Кули):

Нательной одеждой женщин была рубашка туникообразного покроя «лакку гъухъа» (лакское платье), расширявшаяся книзу, с неширокими цельнокроенными рукавами с ластовицей «кутилу». Спереди у ворота она имела разрез, застегивавшийся на пуговицы.

Эта рубашка в XIX в. выполняла функции верхнего платья. Чаще всего она шилась из синей бязи «чадра», а также ситца и сатина, причем у молодых женщин и девушек — синего, красного и других ярких цветов, у пожилых — темных цветов.

Рис. 15. Балхарки.

В XIX в. редко кто из женщин, даже из зажиточных семей, имел больше одного платья. Нарядное платье повторяло покрой повседневного, но шилось из шелковых тканей «дарай», «хара» ярких цветов, чаще всего желтого цвета. Оно украшалось разноцветными шелковыми лоскутами в форме трапеций и квадратов, которые нашивались на край подола и по вырезу ворота. Платье украшалось также металлическими пуговицами, бляшками, золотым или серебряным шнуром и галуном. В пограничных с Аварией селениях Вицхинского магала и Мукарского ущелья «лакку гъухъа» носили подоткнутым с боков в штаны, как у соседних аварок-андалялок.

³⁴ Н. И. Воронов. Указ. соч. ССКГ, III, 1870, стр. 37.

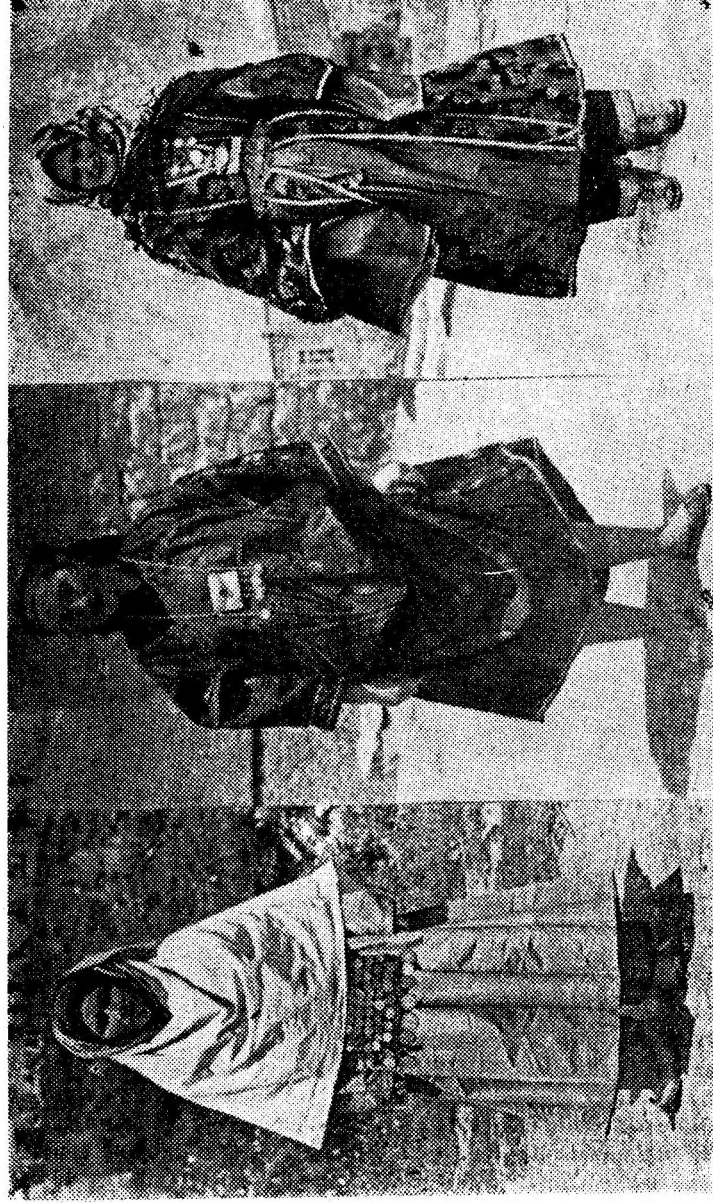

Рис. 16. Лачки в традиционной одежде (слева с. Вихли, в центре с. Куба, справа с. Кая).

Рис. 17. Лачки в народной одежде (слева с. Бурши, в центре Цовкра I, справа с. Хурхи).

Платье-рубашка была наиболее древним и наиболее распространенным в XIX в. в Лакии видом женской одежды. В конце XIX—начале XX вв. оно претерпело некоторую эволюцию: рукав стали делать вшивным, хотя по-прежнему вставлялась и ластовица; обязательным элементом этого платья стал воротник-стойка; кроме того, рукава стали делать на манжетах. Переходным моментом к появлению нижней рубашки можно считать ношение в конце XIX в. частью женщин «вих гьухъа» (дословно внутреннее платье). Некоторые женщины шили его длиною до колен, а чаще всего оно было по пояс.

Во второй половине XIX в. стали шить нарядные платья покроя, заимствованного у жумыков³⁵—это «бузма» и «бузма гьухъа». «Бузма» представляло собою распашную одежду, которая надевалась обязательно на платье. «Бузма гьухъа» имела тот же покррой, но эту одежду можно было носить без нижнего платья, так как она имела спереди вставку из другого материала, имитировавшую платье. Кроме того, она имела двойные рукава, также имитировавшие платье, надетое под «бузма». Форма наружного рукава варьировалась, а внутренний рукав всегда был узким.

Нарядные платья для прочности и сохранения их в чистоте имели подкладку на груди и спине. Они богато украшались бляхами, пуговицами, золотым шнуром, тесьмой, кружевами.

В начале XX в. вошли в употребление отрезные в талии платья со сборкой — «гижбув гьухъа».

Путешественники и исследователи отмечали, что костюм лакских женщин из знатных семей приближался к европейскому. «Костюм ее (ханши Халай, вдовы последнего казикумукского хана Агалар-хана), весь черный, в национальном вкусе, резко отличался от костюма ее дочерей, уже замужних. Они одеты были почти по-европейски, притом в весьма богатые шелковые платья», — отмечал Н. И. Воронов³⁶.

Нательной одеждой были и штаны. Повседневные штаны шились из ситца или бязи темных цветов и имели неширокие штанины (18—20 см). Часто они были на подкладке из бязи красного или синего цвета; в этом случае из того же материала шилась и верхняя набедренная часть штанов, а нижняя часть делалась из другой темной ткани. В сел. Куба повседневные штаны имели широкие штанины (0,5 м.), которые присбаривались у щиколотки и обшивались косичкой из шерстяных ниток нескольких цветов. Нарядные штаны шились из шелка и парчи, причем каждая штанина имела ширину до

до 1,5 м—«гьарта хлажак» (дословно «широкие штаны»): Шились они на подкладке из простого материала. Нижний край штанин украшался тесьмой, шнуром, вышивкой или полоской пестрой парчи. Носились они на вздержке и держались на бедрах. Под «гьарта хлажак» носили нательные штаны из сатина, кашемира или шелка, с длинными и узкими штанинами, украшенными кружевами.

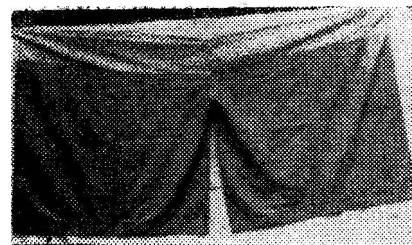

Рис. 18. Женские штаны «гьарта хлажак».

Теплой одеждой были шубы — «рахлу», «бартук». Для невесты шилась нагольная шубка «кьвачу», покррой которой был сходен с покроем мужского бешмета. Она имела круглый вырез горловины без воротника. По разрезу спереди и по краю подола она украшалась нашитыми на нее кусками шелка и парчи, галуном. Вместо пуговиц и застежек по разрезу пришивались шнуры из овчины, которые завязывались, когда надевали шубку. При работе обе полы поднимались и застегивались на спине на уровне талии. Пожилые женщины в хо-

Рис. 19. Женская шуба — накидка.

³⁵ См. С. Ш. Гаджиева. Материальная культура кумыков в XIX—XX вв. Махачкала, 1960, стр. 124—126.

³⁶ Н. И. Воронов. Указ. соч., стр. 34.

лодное время года носили «лавадей» — стеганую распашную одежду, подбитую ватой или шерстью. «Лавадей» также имел покрой мужского бешмета.

Зимой женщины носили и менее изящную теплую одежду — «бартук». Это были овчинные шубы длиной до колен, с ложными рукавами, такого же покроя, как и мужские шубы. Они имели узкую оторочку из овчины по вороту и по разрезу спереди. Щеголихи украшали их и лоскутами парчи (по разрезу). Спереди у ворота они застегивались на пряжку. Носили их накинутыми на плечи. Особенно распространены они были в селениях нынешнего Кулинского района и Впцхинского магала. В отличие от мужских шуб «хъун бартук» («большая шуба») их называли «мерци бартук» («маленькая шуба»).

У женщин были в употреблении и шубки, сшитые в тално, — «рахлу», такого же покроя, как мужские. Только в отличие от мужских «рахлу» женские шубы воротника не имели, а вырез ворота отделялся дорогой тканью.

Помимо шуб местного изготовления, женщины из знатных и зажиточных семей носили привезенные из центральной России нарядные шубки, подбитые дорогим мехом — «хазрал рахлу».

Головные уборы у лакских женщин не отличались таким разнообразием, как у даргинок³⁷ и аварок³⁸. Непосредственно на волосы надевался «бакбахлу» (дословно «повязка для головы»). Этот вид головного убора в прошлом был характерен для женщин всего Дагестана (в разных вариантах). В Лакии он известен в двух формах: «къахха бакбахлу» («кахха» — рукав) — незашитый с двух противоположных сторон мешочек, в который вкладываются волосы; другой вид «бакбахлу» представлял собою полотнище белой материи с подкладкой, головная часть которого была оформлена наподобие чепца. По нашим полевым данным, подкладка в более раннее время пришивалась наглухо только внизу, у затылка же ее не пришивали, а в получившийся мешочек вкладывали косы. Этот вид «бакбахлу» носили в некоторых селениях нынешнего Кулинского района (Вихли, Суки, Цыйша). По покрою он был близок к «чуткью» соседних даргинок — аштинок и так же, как у них, шился из белой бязи³⁹.

«Кахха бакбахлу» имел более широкое распространение на территории Лакии. Шился он из тканей темных цветов.

³⁷ См. С. Ш. Гаджиева, М. О. Османов, А. Г. Пашаева. Материальная культура даргинцев, стр. 226—233.

³⁸ См. С. С. Агаширинова. Национальная одежда аварцев в XIX—XX вв. в кн. Материальная культура аварцев, стр. 242—248.

³⁹ С. Ш. Гаджиева, М. О. Османов, А. Г. Пашаева. Указ. соч., стр. 229.

Вихлинский «бакбахлу» имел завязки из кожи, кожаная же полоска охватывала снизу подбородок. Возможно, к такому типу головного убора принадлежали остатки сильно истлевшей ткани, кожи и железа, обнаруженные в области черепа в одном из захоронений раннесредневекового Кулинского могильника⁴⁰.

Нарядное «бакбахлу» вихлинок украшалось широкой серебряной цепочкой «гудари», которая пришивалась к кожаной подбородочной лямке, а над лбом нашивалась узенькая цепочка «гъама».

Поверх «бакбахлу» носили платок, сложенный треугольником. В конце XIX—начале XX вв. его носили, закидывая один конец на противоположное плечо. В быту носили самодельные платки из простых тканей («чадра», «машалагъ», «пугта») темных тонов. Девушки носили платок иначе, чем женщины: оба конца платка закидывались назад и там у затылка завязывались, спереди платок сильно натягивался на грудь.

Рис. 20 Головной убор вихлинок (с. Вихли Кулинского р-на).

Более древним способом ношения платка был следующий: длинный угол платка женщины набрасывали на противоположное плечо, отсюда он поворачивался к голове и, закрыв ее еще раз, шел назад, к шее. Другой угол платка также поворачивался к шее и там оба конца завязывались.

Нарядными платками были шелковые платки «чалагъай»⁴¹, изготовлявшиеся в Гандже (ныне г. Кировабад Азербайджанской ССР) и пользовавшиеся популярностью у лакских женщин, а также всевозможные платки с тканым, набивным однотонным рисунком ярких цветов. В конце XIX в. были очень популярны шелковые платки красного цвета, затканые золотыми узорами «мусил лачак», фабричного производства.

В будни вихлинская женщина поверх «бакбахлу» надевала белое полотнище из бязи «чинчу»⁴². Способ ношения его

⁴⁰ См. В. Г. Котович, Р. М. Мунчаев, Н. Д. Путинцева. Некоторые данные о средневековых памятниках горного Дагестана. МАД, т. II, стр. 283.

⁴¹ В Азербайджане они назывались «калагайи».

⁴² Этот головной убор у даргинцев имел несколько названий: дикла, чаба, ашмаг, клаз. См. С. Ш. Гаджиева, М. О. Османов, А. Г. Пашаева. Указ. соч., стр. 232. У аварцев он назывался «мучлу». См. С. С. Агаширинова. Указ. соч., стр. 250.

был одинаков с даргинским. В холодное время поверх него накрывался теплый шерстяной платок. Головной убор весьма усложнялся, когда он предназначался для невесты. В этом случае непосредственно на волосы, заплетенные во множество косичек и обмотанные вокруг головы, надевался не «бакбахлу», а четырехугольный головной платок «бакрах дяхлу», сложенный вдвое треугольником. Концы его не завязывались, а просто заправлялись под платок. Поверх него одевался «бакбахлу» с серебряными цепочками. Передняя часть чепца этого головного убора, располагающаяся надо лбом, украшалась разноцветными кусками шелковой материи, которые несколько раз простегивались в обе стороны. Край висящего полотнища украшался полосой цветного шелка, также узорно простроченного. К ней пришивалась бахрома, которая ткалась на месте на самодельных станках. Сверх этого надевалось полотнище «чинчу» из белой бязи или из пестрого кашемира.

Поверх этих головных уборов на голове невесты обязательно имелся «бакрахлу» белого цвета — головной убор, обматывавшийся вокруг головы наподобие чалмы⁴³. Следует оговориться, что этот последний головной убор носили не только невесты, но и вообще девушки и женщины. У девушек он был белого цвета, у женщин черного. Концы «бакрахлу» не завязывались, а заправлялись под него же.

Невеста сверх всех упомянутых головных уборов набрасывала еще «бакренсса» — покрывало из белой бязи, длиной 6—6,5 м, которое свободно распускалось по плечам, закрывая всю фигуру невесты.

Прическа, состоящая из большого количества кос, сохранилась у лакских женщин вплоть до XX в. Женщины всех возрастов носили 12, 20 и даже до 30 косичек. Расчесывали волосы несколько раз в месяц, мыли их редко, а чаще смазывали курдючным салом, считая, что от этого они будут

длиннее и гуще. А. Омаров вспоминал, что его мать обтирала свои сальные руки о его бритую голову⁴⁴.

В большинстве лакских селений косы заправлялись в «бакбахлу» и носились распущенными. В исследуемое время исключение составляла прическа вихлинских женщин, хотя в более раннее время и они носили косы распущенными. Во второй половине XIX в. многочисленные косы стали обматывать с двух сторон вокруг головы.

Молодые женщины низко обрезали волосы спереди на лбу и на затылке. Челка называлась «чантив». На висках волосы также обрезали, делая локоны «зумлив». Для Лакии челка и локоны — явление позднее, заимствованное у кумыков⁴⁵. По пятницам их старались убирать под головной убор. Кое-где (сел. Куба) волосы челки разделялись на 3 пряди: центральная прядь падала на лоб, а боковые заправлялись к вискам.

На ногах лакские женщины в далеком прошлом носили шерстяные вязаные чулки местного изготовления; в XIX—XX вв. женщины из зажиточных семей получили возможность носить покупные чулки. Обувью в древности для женщин служили поршни «хачалай»; в XIX—XX вв. их носили на полевые работы. В отличие от мужчин женщины не носили обмоток — «дулагъру», а закладывали внутрь чарыков сухое сено и одевали их поверх шерстяных чулок и летом, и зимой.

В конце XIX—начале XX вв. женщины носили на ногах туфли «пашмакъру» без задников и на высоких каблуках. «Щелли (зеленые) пашмакъру» в некоторых селениях (Кумух и окружающие его селения) были одним из атрибутов наряда невесты. Шили их на месте, но нарядные «пашмакъру» часто привозили из Азербайджана и из Средней Азии.

Под «щелли пашмакъру» невеста обязательно надевала «тавризрал махисив» (или «чаргас махисив») — мягкие сафьяновые чуваки из покупной кожи. Они были цельнокроенными, без отдельно выкроенной подошвы. К ним пришивались коротенькие голенища, которые по краям и по шву украшались плотными кружевами.

Молодые девушки (сел. Куба) носили и сапожки с каб-

Рис. 22. Женская обувь «пашмакъру».

Рис. 21. Украшение «кхитри» на головном уборе буршиши.

⁴³ Подобный головной убор встречается местами у даргинцев и аварцев. Е. М. Шиллинг. Кубачинцы и их культура. М.—Л., 1949, стр. 53; С. С. Агаширинова. Указ. соч., стр. 118.

⁴⁴ А. Омаров. Как живут лаки. ССКГ, IV, стр. 25—26.

⁴⁵ С. Ш. Гаджиева. Материальная культура кумыков, стр. 130.

лучком из желтого сафьяна — «хъахъи чакмарду». Их шили на месте из покупной кожи. В быту женщины носили «махсив «калуш» — открытые чупаки, у которых передняя часть шилась из мягкого сафьяна, а задник — из грубой кожи.

Зимой женщины всех возрастов носили «варсул усру» — войлочные сапоги.

Лакские женщины, как и другие дагестанки, любили всячески украшать свою одежду. Были украшения, которые носили на голове и головном уборе (налобные, височные, ушные), нагрудные, поясные, наручные и др.

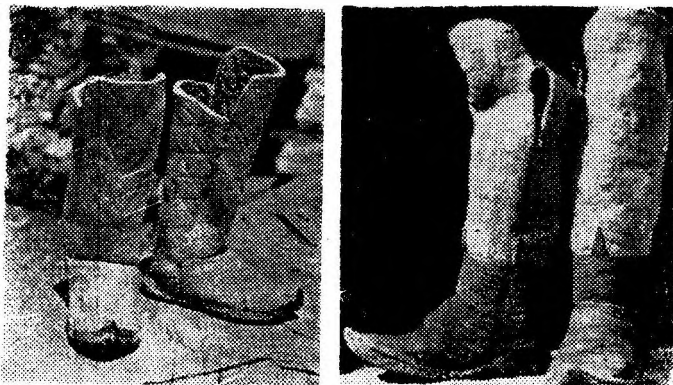

Рис. 23. Женские войлочные сапоги (слева с Куба Лакского р-на, справа с Сумбатль Кулинского р-на).

В последнее время большое распространение имели украшения из серебра, а среди богатых женщин из золота. А. Васильев отмечает, что «замужние женщины украшают свою грудь и головной убор нитями, унизанными дорогими камнями, кораллами, жемчугом, бирюзой, золотыми и серебряными жетончиками. На груди эти драгоценные нити оканчиваются большим золотым или серебряным медальоном, называемым «аммарча» и усыпанным мелкими дорогими камнями»⁴⁶.

У женщин нынешнего Кулинского района бытовало нагрудное украшение даргинского типа⁴⁷, представлявшее собою кусок материи, украшенный сплошь нашитыми на него серебряными монетами. Такое украшение прикреплялось к груди нарядного платья.

Подол платья украшался металлическими пуговицами и подвесками в форме кувшинчиков и зерен.

⁴⁶ А. Васильев. Указ. соч., стр. 70.

⁴⁷ С. Ш. Гаджиева, М. О. Османов, А. Г. Пашаева. Указ. соч., стр. 242.

Разнообразные браслеты, кольца и серьги часто украшались драгоценными камнями. Украшали женскую одежду и всевозможные пояса: «камар» — серебряный пояс на пряжке; «ашур мухлу» — пояс, состоящий из набора серебряных пластинок; «ашурмяртайсса камар» — филигранный пояс.

На голове лакские женщины носили украшение в виде диадемы с ниспадающими на лоб металлическими бирюльками различных форм — «инжияр».

Рис. 24. Женские украшения.

Не все лачки имели возможность носить дорогие металлические украшения. Женщины из бедных семей часто довольствовались несколькими нитками бус, которые носили на шее или вместо браслета. Девушки совсем не носили украшений, лучшим украшением их считалась скромность.

Лакские женщины из трудовых слоев косметикой почти не занимались, это было достоянием женщин из имущих классов. Простым людям даже мыло было недоступно, одежду стирали в сыворотке, детской моче, зольной воде, смазав ее вначале особой белой глиной, простирывали потом в чистой воде. Для получения зольной воды золу заливали водой и оставляли на несколько часов, затем отстоявшуюся жидкость сливали и использовали для стирки белья и мытья головы.

Длинные густые волосы считались украшением женщины, поэтому, чтобы волосы хорошо росли и красиво блестели, до мытья корни волос смазывали жижей из толченых ядер горьких косточек кураги. Считалось также, что эта процедура хорошо помогает и при частых головных болях.

Чтобы смягчить кожу рук и придать свежесть лицу, на ночь смазывали их сметаной. С этой же целью умывались молоком. Чтобы лицо блестело, а у лакских женщин блестящее лицо тоже считалось элементом красоты, разжевывали грецкий орех и жижей смазывали кожу лица. Все это питало кожу и некоторым образом предохраняло ее от преждевременного увядания.

Для окрашивания бровей применялась привозная натуральная краска басма. Женщины из состоятельных семей красили хной и басмой также волосы на голове.

Вместо белил употреблялся особый порошок «ккарчан», а вместо румян — «ятул мич» (также в виде порошка). Чтобы они не осыпались, лицо некоторое время держали над паром. Наиболее простым способом подрумянивания щек был следующий: лоскут красной бязи смачивали водой и прикладывали к щекам.

Лакские женщины умели изготовлять своеобразные духи «тулан». Для этого лепестки цветов шиповника кипятились в воде с добавлением небольшого количества масла. Затем эта масса перегонялась как спирт. Полученной жидкостью и любили душиться женщины.

Вообще же, как было указано выше, женщины из трудовых слоев косметикой почти не занимались, а если и занимались, то исключительно во время предсвадебного и свадебного цикла.

Если на семью обрушивалось несчастье — смерть одного из членов семьи — женщины в знак траура полностью отказывались от украшений и косметики.

Траурная одежда называлась «дягъили янна». Неотъемле-

мой принадлежностью траура была шуба и войлочные сапоги, даже летом. Женская одежда красилась в черный цвет, не снималась и не стиралась до конца траура. Для того, чтобы платок даже случайно не сполз бы с головы, концы его под подбородком зашивались. Близкие родственники покойного (члены патронимии) носили траур в течение 40 дней, а самые близкие (жена, сестра) в течение 1—2 лет.

Детская одежда

Детская одежда по покрою повторяла одежду взрослых. Мальчики, как и взрослые мужчины, носили бешмет «ккуртту». Только он был цельнокроенным, не отрезным в талии. Для ширины в подмышки вставлялись расширяющиеся книзу клинья, на спине делали одну встречную складку и еще по две складки с боков. Как и на мужском, на детском «ккуртту» делалось два нагрудных кармана. Воротник стойкой украшался строчкой, сделанной наискосок сначала в одну сторону, потом в другую. По разрезу ворот украшался галунном и пуговицами из галуна. Для тепла «ккуртту» шили стеганным на вате. Штанишки для самых маленьких детей состояли из двух штанин с пришитым к ним поясом. Они не имели куска в промежности, чтобы ребенок мог свободно опраться, не пачкая штанишек.

Для 5—6-месячного младенца, которого уже брали на руки, шили особого покроя одежду «хурххучи». Она надевалась на рубашку туникообразного покроя. «Хурххучи», как и рубашка, кроилась из сложенного вдвое куска материи, с цельнокроенным рукавом. В талии она бывала слегка заужена. Свободные концы рукавов и одна сторона «хурххучи» наглухо зашивались, оставлялась только внизу у подола маленькая шлица. С другого бока эта одежда не зашивалась совершенно, там пришивались пуговицы, застегивавшиеся на петли. Ворот был глухой. «Хурххучи» шилось стеганным на вате и в некоторой степени заменяло одеяло ребенку в том возрасте, когда он хочет свободно двигать ножками и ручками, а пеленки и одеяло уже стесняют его движения.

Девочки с самого раннего возраста носили платье-рубашку туникообразного покроя «лакку гъухъа». Оно украшалось по подолу разноцветными кусочками шелка, а также золотым шнуром.

На холодное время детям шили овчинные шубки «рахлу», повторяющие покроем шуб для взрослых. Чаще всего детские «рахлу» шили из простой материи, подбитые ватой или шерстью и стеганные, у девочек они имели в талии сборку.

В селениях нынешнего Кулинского района детям шили безрукавки из разноцветных кусков материи с магической

целью: перевести злой глаз с ребенка на его удивительно пеструю безрукавку.

Летом дети обычно ходили босиком, а иногда носили сафьяновые чуваки с голенищами. Для мальчиков постарше сапожникам заказывали сапоги с набитыми на каблуки желез-

Рис. 25. Детская одежда.

ными подковками. Девочкам шили «тавризрал махIсив». С ними носили вязаные чулки. На зиму детям шили войлочные сапоги такого же фасона, как у взрослых.

Грудным детям шили шапочки из ярких тканей, плотно прилегающие к голове. Они делались двойными и простегивались в разные стороны. Самым маленьким повязывали голову специальной повязкой для придания голове определенной формы.

Интересна головная повязка «бахрахIу» грудного ребенка в сел. Вихли. Она повязывалась и мальчикам и девочкам до двухлетнего возраста. На сороковой день после рождения ребенку надевали простую, без украшений повязку. Затем, когда ребенок начинал смеяться, шили другую повязку с украшениями. «БахрахIу» обычно шилась из куска бязи белого цвета шириной 15 см и длиной около 1 м, на подкладке. То место, которое приходилось надо лбом, украшали тканой парчой. Тут же надо лбом пришивали на «бахрахIу» треугольные мешочки с бахромой. В один из них зашивались волосы от первой стрижки ребенка, в другой — душистые специи, чтобы от малыша приятно пахло.

Рис. 26. Дети в головной повязке «бахрахIу» (с. Вихли Кулинского р-на).

Мальчикам 1—1,5 лет шили шапочки с выпуклым верхом конической формы. Для этого круглый верх шапочки стеж-

камни делили на треугольники с одним общим углом в центре, затем в эти треугольники закладывали вату или шерсть. Мальчики постарше носили овчинные папахи.

Девочки рано начинали носить головной убор «бакбахлу», чаще из ситца синего цвета, оживляемого крапинками или мелкими цветочками. Сверх него узлом на затылке завязывался платок.

Таким образом, в XIX—начале XX вв. и мужская, и женская одежда на всей территории Лакии была однотипна. Проявлявшиеся в ней, особенно в мужской одежде, некоторые общедагестанские и общекавказские черты объясняются давними экономическими, политическими и культурными связями между всеми народами Дагестана, а также всего Кавказа. Тождество наблюдалось не только в покрое одежды, но и в материалах для ее изготовления.

В результате усиления торговых связей с Россией после окончания Кавказской войны в Дагестане, в частности в Лакии, широкое распространение получили дешевые русские хлопчатобумажные ткани, приобретаемые взамен продаваемых дагестанцами кавказских сукон «чухъа».

Во второй половине XIX в. благодаря усилившемуся передвижению мужской и отчасти женской части населения наблюдается интенсивное проникновение в Лакию с плоскости женской одежды общекавказского покроя — «бузма гьухъа», сначала в среду знати, затем и простого народа. Этот процесс охватил в основном Кумух и окружающие его селения. На окраинах же Лакии, наряду с проникновением одежды нового покроя, вплоть до последнего времени продолжало бытовать старое лакское платье туникообразного покроя.

Необходимо отметить, что большое влияние на лакскую одежду оказывала и одежда ближайших соседей. Оно сказывалось и в форме головных уборов, и в украшениях, и в способе ношения платья. В одежде, особенно в женской, проявлялось и социальное неравенство. В то время как женщины из зажиточных семей могли позволить себе иметь несколько платьев и дорогие украшения, женщины из бедных семей не имели возможности сменить одежду. Часто платье носилось без стирки до полного износа. Для придания материалу прочности об него обтирали сальные руки. В случае, если платье действительно требовало стирки, ее производили ночью, чтобы до утра оно высохло, или же просили займы на один день платье у соседки или родственницы, имевшей сменное платье. Женщины избегали часто стирать одежду, боясь что она порвется.

Совершенно изменилось положение с одеждой после Великой Октябрьской социалистической революции. Благодаря повысившемуся материальному и культурному уровню горцы

и горянки Дагестана получили возможность одеваться хорошо и со вкусом. Сейчас все мужчины и женщины имеют в своем гардеробе по нескольку смен белья и платья, а также обязательно выходной костюм и нарядное платье. Если раньше жители Дагестана не носили белья, то сейчас они широко пользуются покупным бельем. Благодаря организованному снабжению сельского населения промышленными товарами все предметы одежды, как мужской, так и женской, можно купить в сельмаге. Современная одежда лакцев по покрою не отличается от городской общеевропейской. Но в ней все же сохраняются некоторые черты старинного национального костюма. Так, мужчины нередко носят папаху и кавказский пояс. Черкеску или бешмет можно увидеть только в редких случаях, и то лишь у стариков. До сих пор широко применяются бурки. Бурки, а также войлочные плащи по-прежнему употребляются пастухами, ввиду удобства их в полевых условиях. Папаху также считают удобной при работе в поле и при пастбищескоге. Хотя в магазинах можно купить сейчас любую обувь, пастухи предпочитают носить летом на альпийских пастбищах чарьки «бурчул ус», ввиду их легкости и непромокаемости. Кроме того, они не скользят, когда приходится подниматься по кручам и по склонам гор, поросших травой.

Женщины также носят преимущественно платья городского покроя. Старинного покроя платья сохраняются в основном у пожилых женщин, а в сел. Вихли их можно видеть иногда и на женщинах средних лет.

Одежда молодых женщин и девушек по покрою очень близка к городской. Это объясняется тем, что молодые женщины и девушки, занятые учебой, работой в государственных учреждениях и в колхозах, находятся в постоянном живом общении друг с другом. Они бывают время от времени в городе, а студенты и студентки, учащиеся техникумов и лакцы, живущие в городах, имеют обыкновение каждое лето свой отпуск или каникулы проводить в родном ауле. Вместе с ними проникают в селение и новые фасоны одежды, особенно женской. Селению, правда, присуща еще некоторая консервативность, и новое явление в одежде частенько встречается в штыхи старшим поколением, авторитет же представителей старшего поколения очень силен среди молодежи. Так, молодые женщины и девушки в селениях никогда не носят платьев, сильно обнажающих руки. Платье, даже самого модного покроя, в аулах шьется с рукавом спортивного типа или полудлинным, с небольшим выкатом у шеи. Еще лет 10 назад ни одна жительница селения, боясь общественного мнения, не решалась укоротить длинный рукав платья.

Платья молодых женщин и девушек обычно имеют сборку в талии, или закладываются мягкими складками, встречны-

ми или односторонними. Такой покроем платья удобен при работе в поле. Платья с узкими юбками бытуют только среди женской интеллигенции, для колхозниц же они не приемлемы в качестве рабочей одежды, а как покроем выходной одежды принимаются (со слегка расширенной юбкой).

Во многих селениях пожилые женщины отказались от старинного туникообразного платья. Они носят платья, отрезные в талии, с юбкой, разделенной на клинья, а потом присборенной или просто заложеном в мягкие складки.

Если молодежь любит платья из ситца или шелка ярких расцветок, то пожилые женщины предпочитают платья из темных сатина, штапельного полотна или ситца с мелким рисунком на темном фоне. Рукава чаще бывают на манжетах, иногда в рукава и в талию вдевается резинка. Иногда платье имеет воротник-стойку, а чаще отложеном воротник. Платье спереди до талии имеет разрез, застегивающийся на пуговицы.

Нижняя рубашка для старух шьется из ситца или сатина, имеющего на белом фоне мелкие крапинки или цветочки. Шьется она наподобие старинного платья туникообразного покроя, с длинным рукавом и воротником-стойкой, застегивающимся на пуговицы. Молодые женщины носят фабричное белье.

Старого покроя штаны еще кое-где носят пожилые женщины, хотя в основной своей массе они предпочитают длинные штаны из сатина темных цветов с неширокими штанинами, в талии и внизу штанин вдевается резинка.

Обувью женщин служат покупные чевьяки, туфли, ботинки; в некоторых селениях большой популярностью среди женщин пользуются сапоги.

Повсеместно в Лакии среди женщин пожилого и старшего возраста бытуют азиатские галоши. Молодые женщины носят покупные туфли, босоножки.

Старинная одежда надевается лакскими женщинами только на свадьбы или в спектаклях художественной самодеятельности.

Головные платки «лачак» имеют и сейчас повсеместное распространение. Однако молодые женщины и девушки чаще носят пестрые косынки. Весьма популярны в Лакии шелковые крепдешиновые платки черного и белого цвета с бахромой — «шипун-лачак», а также традиционные «чалагъай». Они носят с нарядным платьем. На свадьбах можно встретить и большие шарфы из шифона или капрона, длиной до 2,5 м.

В холодное время носят кашемировые платки темных цветов с бахромой. Они покупаются готовыми в магазине, а также изготавливаются самими женщинами из куска соответствующей ткани, которая обшивается отдельно приобретенной бахромой.

В быту пожилые женщины носят на голове сверх «бак-бахлу» темных цветов (черного, синего) одинарные платки из ситца или штапельного полотна «салкинса лачак». В сел. Вихли женщины средних лет продолжают носить и старый головной убор в форме белого полотнища.

Верхней одеждой молодых женщин и девушек, как и мужчин, является пальто, а пожилые женщины предпочитают носить вместо пальто теплую клетчатую шаль типа пледа.

В Кулинском районе, а также в некоторых селениях Лакского района (сел. Куба) многие женщины и зимою, и летом надевают внакидку короткие полушубки с фиктивными рукавами.

Почти вся детская одежда сейчас покупная. Только в некоторых селениях на совсем маленьких детей шьют традиционные безрукавки из разноцветных кусков материи, а также детские шапочки, облегающие головку ребенка. В селении Вихли можно еще видеть на детях головные повязки «бак-рахлу».

Городская одежда с каждым годом занимает все более прочное место в материальной культуре лакцев.

СЕМЕЙНЫЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТ

§ 1. СЕМЬЯ И СЕМЕЙНЫЙ БЫТ

Основной формой семьи у лакцев в XIX в., судя по письменным источникам и полевому материалу, была малая семья. Но полевой материал содержит данные и о бытовании у лакцев в XIX и даже в начале XX века неразделившихся семей, состоящих из трех — четырех нисходящих поколений: родители — дети — внуки — правнуки. Однако это не классическая семейная община, в свое время исследованная Ф. Энгельсом¹. В горах большая семья распалась рано, чему способствовал ряд причин, основной из которых были специфические условия горной зоны, где из-за острого малоземелья исстари развивалась система искусственного террасирования. Она вызвала раннее появление частной собственности на возделываемые участки, а это создало новые семейные отношения².

Острый земельный голод обусловил раннее развитие в Лакии ремесел и вовлечение ее в торговые отношения. Это привело к скоплению материальных ресурсов в руках отдельных членов больших семей, что в свою очередь вело к распаду демократических отношений в семейной общине и ее разложению.

Таким образом, еще задолго до XIX в. семейная община у лакцев, не обусловленная экономической необходимостью, изживает себя.

Тип больших семей, который встречается у лакцев в XIX — начале XX в., известный этнограф-кавказовед М. О. Косвен называет «отцовской большой семьей»³. Такие семьи существовали в Лакии вплоть до установления в Дагестане Советской власти и состояли из 20—25 и больше членов.

В этих семьях общими были доходы, получаемые от земли и от скота, а также заработки отходников. В личной собственности членов семьи, кроме одежды, было приданое жен-

щин, а также то, что доставалось им по наследству от своих родных. Возглавляли такую семью обычно отец с матерью. Отец (хъуна-ппу) распоряжался всем имуществом семьи, распределял средства по различным статьям, руководил деятельностью взрослых членов семьи, особенно мужчин. Он имел право наказывать и поощрять отдельных членов семьи. Но над женской половиной дома властвовала мать (хъунна нину) — она распределяла домашнюю работу между невестками, выдавала продукты на день и держала у себя ключи от кладовой. После смерти отца вся полнота власти переходила к матери, а после ее смерти всеми делами семьи ведали старший сын и его жена.

Главы неразделившейся семьи, как мужчина, так и женщина, сами активно участвовали в посильных для них видах труда. Часто вместе с сыновьями в отход уходил и отец; тогда вся тяжесть сельских работ ложилась на женские плечи. Свекровь оказывала невесткам помощь в воспитании детей, а также в работе по хозяйству.

Дошедшие до нас рассказы представителей старшего поколения свидетельствуют о том, что свекровь в неразделившейся семье обладала довольно большой властью и власть эта была деспотичной. Положение невесток в такой семье было совершенно бесправным. Самой неприятной чертой характера свекрови бывала жадность, и она встречала противодействие со стороны остальных женщин дома.

Согласно полевым данным, сохранение неразделившейся семьи у лакцев не зависело от ее экономического положения, а больше всего зависело от ее дружности. Специальное название, обозначающее жилище пережиточно сохранившейся большой семьи, если только такое название существовало, до нас не дошло. Очевидно не было в исследуемое время и специального термина для обозначения неразделившейся семьи, кроме описательного «хъунмасса кулпат» («большая семья»), «ца къатлул инсантал» («люди одного дома»).

Такая семья проживала в одном доме, иногда по размеру не рассчитанном на большое количество членов семьи. С. Габиев сообщал: «Живут лаки часто по несколько семейств в одном доме»⁴.

Если в доме было несколько комнат, то в отапливаемой комнате спали старики. Иногда с ними оставались и внуки или правнуки, за исключением самых маленьких. Супружеские же пары вместе с маленькими детьми удалялись на ночь в неотапливаемые помещения. Но так как зимой мужчин дома не бывало, то чаще всего все спали зимой в одной теплой комнате. При этом поближе к «вилах» (углубление

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1937, стр. 77.

² См. С. Ш. Гаджиева. Семья и семейный быт народов Дагестана. РФИ, ф. 3, оп. 3, д. 195, стр. 13.

³ М. О. Косвен. Семейная община. М., 1963, стр. 72.

⁴ С. Габиев. Лаки, их прошлое и быт, стр. 87.

в центре комнаты для очага) размещались представители старшего поколения, а остальные имели места на лежанках, расположенных вдоль стен комнаты.

Питалась такая семья из одного котла. В некоторых семьях все члены семьи садились обедать вместе, расстелив на полу большую скатерть. Во многих же семьях вначале кормили мужчин, затем детей, а потом садились женщины.

Таким образом, можно полагать, что неразделенные семьи у лакцев в XIX—начале XX вв. представляли собой второй тип семейной общины, существовавшей на Кавказе и представлявшей собой «патриархальное перерождение большой семьи»⁵.

Во второй половине XIX—начале XX вв. неразделенными большими семьями жили в Кумухе: Каламадинхьул (20—25 человек), Гьитинавхьул (20 чел.), Кьурахахьул (15 чел.), Нугтайхьул (22 чел.), Авдухьул, Тюртайхьул, Гузунхьул, Явсухьул, Канкахьул и др. Так, семья Канкахьул в начале XX в. состояла из матери и четырех сыновей. У старшего сына было четверо детей, у второго — пятеро, у третьего — трое, у четвертого — двое, следовательно, семья состояла из 23 человек.

В сел. Табахлу большой семьей жили Цургуннахьул (26 человек), в сел. Вихли — Нурбаганхьул, в сел. Унчукатль — Иштанчахьул (6 братьев с семьями).

В большинстве случаев неразделенными большие семьи оставались при жизни представителей старшего поколения. По существовавшему неписанному закону сыновьям делиться при живых родителях считалось неприличным, выражением неуважения к старшим. Но после смерти отца и матери, или одного отца тенденции к разделам братьев усиливались, хотя во многих случаях и после этого они продолжали жить вместе, пока очень увеличившиеся размеры семьи не заставляли делиться. Считалось, что инициаторами выделов являлись снохи, которые после смерти «хьунна нину» (старшей матери) не хотели подчиняться власти новой «старшей».

Как отмечает М. О. Косвен, женщины семьи являлись здесь лишь выразительницами общей создавшейся ситуации, и ссоры их, если и бывали, являлись отражением того конфликтного состояния, которое создавалось в общине⁶.

Характерно, что неразделенные семьи бытовали в среде отходников, а также овцеводов⁷. По-видимому, причины сохранения этих семей коренились в своеобразии экономики хо-

зяйства лакцев-отходников и овцеводов: семьи эти большую часть года или даже несколько лет оставались фактически без мужчин. Живя большой семьей, члены ее рациональнее использовали маленький земельный участок, находившийся во владении семьи, и скудный сельскохозяйственный инвентарь. Кроме того, такая семейная единица, дружная и сплоченная, была надежной опорой каждого ее члена.

В малой семье отделяли сыновей по мере их женитьбы; для них выделяли отдельные комнаты в том же доме, если только была возможность для этого. Во многих случаях старались приобрести для отделившегося члена семьи дом поблизости или земельный участок по соседству для постройки жилища. При отделении сыновей в отцовском доме оставался младший сын, который до конца жизни содержал родителей.

Положение женщины в семье было нелегким, так как домашний труд целиком и полностью ложился на ее плечи. Женщина ухаживала за домашними животными, заготавливала для них корм, выполняла все полевые работы, за исключением пахоты и сева. Кроме того, труд ее широко использовался в домашних промыслах. Узаконенное адатами и шариадом положение женщины, как в большой, так и в малой семье, продолжало оставаться бесправным.

О тяжелой жизни горской женщины неоднократно писали дореволюционные исследователи. «Разграничение в положении мужчины и женщины делается с самого раннего возраста. Часто можно видеть девятилетних девочек, возвращающихся с реки с огромными кувшинами воды, тогда как мальчики тех же лет, а иногда и более взрослые, ничего не делают. Неудивительно после того, что женщины стареют весьма скоро и делаются горбатыми до такой степени, что в каждом ауле можно встретить несколько старух, ходящих на четвереньках. Помочь жене в ее работе муж считает делом постыдным, и даже в случае болезни жены он ни за что не станет исполнять ее работы, а обратится с просьбой к соседкам распорядиться и позаботиться о его хозяйстве»⁸.

Бесправное положение лакской женщины нашло свое отражение и в устном народном творчестве. «У кого семь дочерей, у того дом валится, высится же дом у того, у кого семь сыновей», — гласит лакская пословица⁹.

На суде свидетельство женщины не принималось во внимание. Как указывал А. В. Комаров, «в большей части Дагестана женщина вовсе не допускалась в свидетели, там же,

⁵ М. О. Косвен. Этнография и история Кавказа. М. 1961, стр. 103.

⁶ См. М. О. Косвен. Семейная община, стр. 66.

⁷ Единичные случаи сохранения таких семей были обнаружены в Кулинском районе С. Ш. Гаджиевой (см. Указ. соч., стр. 28), Л. И. Лавровым (Народы Дагестана, стр. 173) и нами (полевой материал 1965 г.).

⁸ Н. Ф. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе. т. 1, кн. 1, СПб, 1871, стр. 553.

⁹ Казикумухские (лакские) народные сказания. ССКГ, 1, стр. 71.

где принимается их свидетельство, за них присягает муж или брат»¹⁰.

Особенно резко бесправие женщины проявлялось в брачных делах. Старые адаты, а также официальная власть полностью закрепляли ее бесправие в этих делах.

Несмотря на изнурительный труд, положение женщин из трудовых слоев населения было несколько свободнее, чем положение женщин из знати. Участие женщины в производительном труде давало ей хоть и небольшую, но все же свободу в отношениях с мужем и другими членами семьи. Трудящаяся женщина имела право голоса в обсуждении семейных дел, например, в вопросах, связанных с браком детей (хотя и здесь право решающего голоса оставалось за мужчиной), с материальными затратами семьи и т. п. Девушки из таких семей, принимавшие участие в полевых работах, иногда имели возможность общения с юношами. Долгожданным и большим развлечением была «марща» — обычай взаимопомощи при уборке урожая, когда хозяин большого участка земли приглашал на помощь девушек и молодых женщин селения. Для развлечения их приглашались и юноши. «Марща» была и своего рода смотринами, где молодые люди могли увидеть друг друга, перекинуться несколькими фразами. На эту тяжелую работу девушки наряжались в лучшие одежды и шли как на праздник. Девушки из знатных семей были лишены и такого удовольствия. С 13—14-летнего возраста им запрещалось выходить днем из дома. Такая девушка называлась «вив бивтесса душ» (дословно «девушка, которой выход из дома запрещен»). Они не занимались тяжелым физическим трудом, а проводили время за вышиванием золотом и серебром — «гулавати».

Положение в семье девочки и мальчика с ранних лет было неодинаковым. Девочка с малолетства являлась помощницей матери в домашних делах. Правда, мальчики также выполняли по дому некоторые работы (пасли телят, овец и т. д.), но мальчики имели больше досуга для игр и развлечений. Рождению сына радовались в семье и отмечали это событие очень торжественно, в то время как рождение девочки не обставлялось никакими торжествами.

«Не от одного мужа приходится терпеть дагестанской жене, — писал М. Ковалевский. — Молодая супруга вступает в дом родителей мужа в качестве помощницы свекрови; последняя сваливает на нее все работы в доме, помыкает ею, как рабой, и заставляет ее испытывать те же притеснения, каким сама подвергалась в дни молодости. Добрая мать под-

¹⁰ А. В. Комаров. Адаты и судопроизводство по ним. ССКГ, I, стр. 15.

стрекает сына, чтобы он обходился с женою так же сурово, как бывало отец его некогда обходился с нею. Эти советы не пропадают даром и всего чаще исполняются буквально»¹¹.

§ 2. СЕМЕЙНЫЕ ОБЯДЫ

Свадьба

Свадебные обряды лакцев очень разнообразны. Они варьируются почти в каждом селении. Но при этом следует отметить, что свадебные обряды у лакцев имеют много общего с подобными же обрядами у других народов Дагестана.

Как у всех народов Дагестана, у лакцев по традиции сохранялся эндогамный брак. Причины этого неоднократно освещались исследователями¹². Многие информаторы упорно объясняют это явление нежеланием брать в семью чужого человека. На наш же взгляд, экономический фактор превалировал здесь над всеми остальными: тухум был заинтересован сохранить в своей сфере даваемое за девушкой приданое, чтобы не дробить еще больше и без того небольшие земельные участки и поголовье скота.

В исследуемое время браки между родственниками по традиции были предпочтительны, но не обязательны. На первый план выдвигались сословные отношения. При выходе замуж вне своего тухума считалось обязательным, чтобы семья жениха была по «достоинству» не ниже семьи невесты. Девушку из более высокого сословия не выдавали замуж за потомка «лага» (раба), даже и очень зажиточного. Исключения могли составлять в некоторых случаях девушки с каким-либо физическим или умственным недостатком. Таких девушек могли выдать замуж и в другое селение, что вообще, как правило, не практиковалось.

Нужно отметить, что у лакцев, как и у некоторых других народов Дагестана¹³, прослеживаются остатки очень древних, не эндогамных форм заключения брака. С андийским обычаем «цццтер джабир» перекликается лакская легенда об обычае «кьурмяяв»¹⁴.

По преданию, в древности у лакцев браки заключались

¹¹ М. Ковалевский. Указ. соч., стр. 194.

¹² С. Ш. Гаджиева. Брак и свадебные обряды кумыков в XIX—нач. XX вв. Уч. зап. ИИЯЛ, т. IV, 1959; А. Алиев. Брак и свадебные обряды даргинцев. СЭ, 1953, 4; С. С. Агаширинова. Свадебные обряды лезгин XIX—нач. XX вв. Уч. зап. ИИЯЛ, т. XII, 1964; М. Агларов. Формы заключения брака и некоторые особенности свадебной обрядности у андийцев в XIX в. СЭ, 1964, 6.

¹³ М. Агларов. Указ. соч., стр. 130—132.

¹⁴ Выражение не переводится.

по инициативе девушек. Для этого девушка, достигшая брачного возраста, выбирала момент, когда все мужчины селения по какому-нибудь поводу собирались в одном помещении. Она тайком подходила к окошку снаружи и громко называла имя желанного юноши, а затем свое имя. Названный юноша обязан был жениться на этой девушке. Далее предание гласит, что одна гордая девушка возмутилась этим обычаем, долго отказывалась следовать ему, но в конце концов вынуждена была поступиться самолюбием. Она назвала имя юноши, но вслед за этим крикнула: «Да будет проклят этот обычай, да будет он отныне отменен!»

Так своеобразно легенда переосмыслила сохранившийся в памяти народа отзвук очень древних брачных отношений.

В этнографической литературе неоднократно упоминалось об обычае похищения прикосновением у лакцев¹⁵. Этот обычай назывался «душ буган» («поймать девушку») и состоял в следующем: молодой человек отнимал платок или что-либо из вещей (браслет, кольцо) у девушки, на которой хотел жениться, или просто дотрагивался до нее. Это считалось позором для девушки и приравнивалось к похищению. Родственники «пойманной» девушки преследовали оскорбителя как при кровной мести: они обстреливали дом, где он скрывался, и могли убить его. Общество принимало в этом деле живое участие и старалось покончить дело миром. Если же родители или сама девушка наотрез отказывались войти в родство с оскорбителем, то она теряла в обществе репутацию честной девушки, и часто никто не решался на ней жениться, боясь насмешки оскорбителя.

Этот обычай, как отмечает Г. Ф. Чурсин, следует, пожалуй, классифицировать как остаток формы заключения брака похищением¹⁶.

Вместе с тем встречалось, хотя и очень редко, прямое похищение девушки, чаще с ее согласия, реже — насильственным. Первое происходило в том случае, если девушка была согласна на брак, но препятствовали родные. При подготовке к похищению юноша собирал верных друзей и приглашал нейтральную женщину. Девушку подкарауливали у источника, под каким-нибудь предлогом отбирали у нее кувшин и отдавали приглашенной женщине, а та относила его в дом девушки (сел. Вихли). Девушку же окружали похитители и, если она сопротивлялась, насильно вели или несли к кому-нибудь из родственников юноши. Там она и жила, пока сто-

рона юноши договаривалась со стороной девушки и добивалась разрешения на заключение брака.

Еще более редкая форма заключения брака у лакцев — «ликъаву». Если юноша отнял у девушки какой-нибудь предмет, но не делал шагов к сватовству, она приходила с небольшим узелком к родственникам юноши и оставалась у них до тех пор, пока хозяева, приложив максимум усилий, не добивались согласия юноши и его родных на брак с девушкой.

Все описанные формы заключения брака, так или иначе перекликающиеся с подобными же формами у других народов Дагестана, являлись пережитками древнейших форм заключения брака и практиковались очень редко.

У лакцев, как и у других народов Дагестана, свадьба представляла собой длительный и сложный процесс.

Все свадебные обряды лакцев можно условно разделить на 3 цикла: предсвадебные, собственно свадьба и послесвадебные.

Важнейшим моментом предсвадебного цикла был выбор невесты. Брачным возрастом для девушки считалось 14—16 лет, для юноши 16—18 лет. В обсуждении кандидатур девушек — невест участвовали все ближайшие родственники юноши. Обращалось внимание прежде всего на происхождение девушки, а также на ее качества как домашней хозяйки. Девушка должна была уметь шить, вязать, вышивать, готовить обед, смотреть за хозяйством, так как вся домашняя и большая часть полевых работ лежала на обязанности женщины. При этом невеста должна была быть здоровой и хорошо развитой физически, чтобы дать жизнь здоровому поколению.

Желанием иметь в доме лишнего работника объяснялись большей частью ранние браки, а также обычай сговора малолетних.

Как правило, родители и юноши и девушки, закончив обсуждение кандидатур, сообщали детям свое решение. Считалось, что благвоспитанные дети, особенно девушки, не должны противиться воле родителей.

Выбрав подходящую кандидатуру, родители юноши вначале негласно выясняли, выдадут ли эту девушку за их сына, а затем уже посылали сватов. Так делалось потому, что отказ родителей выдать дочь замуж за человека, сделавшего ей предложение, вызвал бы массу неприятностей и острую вражду между сторонами. Сватами три ближайших родственников юноши ходили три дня подряд. На третий день они, наконец, договаривались.

Если родители девушки собирались дать согласие, сватов хорошо принимали, вводили в лучшую комнату, угощали изысканным обедом, а потом подавали «ницахун чат» — тарелку меду и хлеб.

¹⁵ А. Омаров. Указ. соч. ССКГ, вып. IV, стр. 19; А. Васильев. Указ. соч., стр. 78—79; Г. Ф. Чурсин. Свадебные обычаи и обряды на Кавказе. Весь Кавказ, ч. I, 1903, стр. 36.

¹⁶ Г. Ф. Чурсин. Указ. соч., стр. 36.

Это угощение имело символическое значение: сладости этих минут должна была обеспечить дальнейший мир и согласие между обеими сторонами.

Спустя несколько дней после принятия предложения полагалось произвести официальное обручение — «макъ кутла бан». В условленный день от жениха в дом невесты приходило несколько мужчин и женщин с кольцом и подарками для невесты.

Для встречи посланцев жениха родители невесты приглашали своих близких знакомых и почетных лиц селения. Посланцев вводили в лучшую комнату, где находились отец и мать невесты, а также приглашенные. Представители жениха обращались к родным невесты со словами «Саламун алейкум, жу кунма бучлаваннав, зу кунма ляккаваннав» («да прьлут всегда так, как мы приходим, да встретят, найдут таких, как вы»), на что им отвечали «аминь».

Затем женщин с принесенными ими подарками вводили в одну комнату, мужчин — в друпую, и там угощали. Невеста не участвовала в этом — обычно она находилась у соседки.

Когда гости собирались домой, им вручалось несколько «кюрглу» (глиняная чаша) халвы, облитой медом, 2—3 больших головных шелковых платка для ближайших родственников жениха, несколько шелковых носовых платков, вышитый золотом кисет для жениха и узелки с фруктами и сладостями. В доме жениха подарки критически осматривались, а фрукты и сладости делились между родственниками.

Следующим моментом предсвадебного цикла было «аш лаххан» (дословно «надеть знак»). Он заключался в том, что жених посылал невесте золотые или серебряные украшения, а также материю на одежду. С этого времени одевать и обувать невесту должен был жених, а невеста обязана была участвовать во всех хозяйственных работах в доме жениха. Со времени «аш лаххан» и до свадьбы иногда проходило несколько лет. Это объяснялось экономическим положением лакшев-отходников: чтобы заработать денег для свадьбы, жених должен был поработать на чужбине, терпя лишения, отказывая себе в самом необходимом.

В промежуток времени от обручения до свадьбы жених мог иногда видаться с невестой у нее дома, в отсутствие ее отца. Следует отметить, что у лакцев наблюдалась несколько большая, чем у других народов Дагестана, свобода общения между помолвленными молодыми людьми из трудового народа. Так, 98-летняя Меседу из сел. Квба вспоминает, что «аш» (серебряный браслет) был вручен ей на поле во время работы самим женихом. В период от «аш лаххан» до свадьбы родители жениха могли делать невесте самые разнообразные подарки (медную посуду, утварь).

Обычно лакские свадьбы устраивались летом, когда возвращались с заработков отходники. Кроме того, приобреталась лишняя пара рабочих рук в разгар полевых работ. За несколько дней до свадьбы молодые девушки отправлялись в горы собирать мягкую траву «ккьюллу» для тюфяка невесты.

В некоторых селениях до начала свадьбы жених с друзьями приходил в дом невесты — «ххуллу лаххин» («изучить дорогу»). Здесь их радушно угощали, а когда они уходили, дарили каждому кисет, носовой платок и кусок халвы.

Незадолго до свадьбы невесте посылали выкроенный костюм жениха, который она вместе с подругами должна была сшить. Готовый костюм отсылался к жениху, он сразу же облачался в него и не снимал до конца свадьбы. Это ритуальное переодевание по-видимому имело магическое значение и знаменовало собою очищение от порчи, которая могла сохраняться в старой одежде.

К числу предсвадебных относился и обряд кройки платьев невесты. Для этого в дом невесты собирались родственницы и знакомые. Они рассматривали ткани, присланные женихом, и решали вопрос, какие платья сшить из них. Присутствующих женщин угощали традиционным блюдом «буруссануйх курч»¹⁷.

Собственно свадьбе предшествовал обряд «душ шабитан» («посадить девушку-невесту»). В назначенный день несколько мужчин и женщин несли от жениха в дом невесты мешочки хны и подарки. Здесь же собирались подруги и близкие родственницы невесты, которые всячески старались развлечь ее. Пришедших от жениха женщин угощали обрядовым блюдом «буруссануйх курч» и медом. Перед уходом они разводили в воде хну и красили ею ладони невесты. Остатками краски подруги красили себе ногти, ладони, а также волосы. В этот же вечер устраивался «сувгьят» — танцы с приглашением жениха со свитой. Невеста обычно сидела в углу комнаты на большой подушке, закутавшись в платок, и не принимала участия в танцах.

С этого дня невеста называлась «виришар» и целую неделю должна была сидеть в комнате, никуда не выходя.

После окончания срока «душ шабитан» невесту с подругами приглашала к себе «архьял шар» — женщина из числа родственниц, выбранная родителями девушки, чтобы опекать ее в течение всего времени свадьбы. Точно так же и жениху выделяли опекуна-покровителя «архьял-чу», который чаще всего приходился юноше дядей, а при отсутствии такового — двоюродным братом, или мужем сестры.

¹⁷ Кисло-сладкая мучная каша.

Этот обычай представляет собою пережиток авункулата¹⁸, специфического исторического порядка, возникшего и сложившегося в переходную от матриархата к патриархату эпоху¹⁹.

Примерно за 6—8 дней до перехода невесты в дом жениха она, как уже упоминалось выше, поселялась у «архял-шар», а жених у «архял-чу».

В дни, предшествующие свадьбе, жених со своей дружиной, а также невеста с подругами совершали обход своих родственников (по приглашению последних). В некоторых селениях обход этот длился 40 дней (Цушар, Цовкра II, Вихли).

На наш взгляд, этот ритуальный обход членов своей патриимии перед свадьбой является свидетельством былого идослогического единства патриимии у лакцев.

В разных селениях пребывание жениха и невесты вне родительского дома продолжалось неодинаковое время, но сколько бы времени они там ни находились, невеста шла в дом жениха только из родительского дома, куда возвращалась накануне или непосредственно в день свадьбы.

Уход невесты в «другой дом» в своем же селении является пережитком того былого положения, по которому она принадлежала к своему материнскому роду, в эпоху перехода от матриархата к патриархату переходила в этот род, род своей матери, в частности к брату матери, к своему материнскому дяде, в тот дом, в котором она воспитывалась и откуда выходила замуж... То, что она возвращается в свой отчий дом и оттуда направляется к жениху, явление новое, продукт нового патриархального уклада²⁰.

Одним из важнейших моментов считалось «махар бишин» — оформление брака путем совершения религиозного обряда. На заключение махара требовалось согласие жениха и согласие невесты, выраженные при двух поверенных, а также согласие родителей и ближайших родственников.

Сам акт «махар бишин» состоит в следующем: «Поверенные жениха и невесты берут друг друга за правые руки так, чтобы большие пальцы их рук торчали вверх, а открытые руки соприкасались бы между собою со стороны ладони, после чего мулла, обхватив обеими своими руками таким образом сложенные и торчащие вверх большие пальцы правых рук поверенных жениха и невесты спрашивает их троекратно: сперва поверенного жениха: согласен ли доверитель его та-

¹⁸ Этим термином в этнографической литературе обозначаются взаимоотношения между материнским дядей и детьми его сестры, племянниками и племянницами, сохраняющими принадлежность к своему материнскому роду.

¹⁹ М. О. Косвен. Авункулат. СЭ, 1948, I, стр. 36.

²⁰ М. О. Косвен. Этнография и история Кавказа, стр. 68.

кой-то (называет имя, отчество и фамилию жениха и его родителей) вступить в законный брак с дочерью такого-то (опять называет имя, отчество и фамилию невесты и ее родителей), а потом то же самое спрашивает у поверенного невесты»²¹.

Существовало поверье, что при заключении брачного договора можно повредить жениху, производя определенные действия «магического» характера. К таким действиям относилось завязывание всякого рода узелков, вынимание и вкладывание кинжала в ножны и др., если они производились одновременно с чтением молитвы, закрепляющей брак. Во избежание всего этого, процедура «махара» производилась при возможно меньшем количестве свидетелей и где-нибудь в отдаленном помещении. «Махар» предусматривал обеспечение невесты на случай смерти мужа или развода некоторым количеством денег (от 30 до 90 руб. в разных селениях). Существовал еще так называемый «калым», который ничего общего, кроме названия, не имел с калымом предгорья и плоскости. Это были деньги, которые не выдавались на руки стороне невесты, а о которых, как и о «махаре», только договаривались. Они представляли собою как бы «махар» большого размера и служили дополнительным обеспечением женщины на случай развода ее с мужем. Договор о «калыме» заключался только при бракосочетании зажиточных людей, особенно, если невеста была по сословию выше жениха, и размер «калыма» доходил иногда до 400—500 и даже 1000 рублей.

Приготовления к свадьбе шли одновременно в доме архял-шар, невесты, архял-чу и жениха.

В день перехода невесты в дом жениха или в предыдущий день несколько женщин занавешивали угол комнаты, которая предназначалась для молодых; за этой занавеской должна была находиться брачная постель. С. Ш. Гаджиева совершенно справедливо полагает, что прототип этого обычая надо усматривать в выделении новобрачной паре чем-нибудь отгороженного угла в однокамерном жилище²².

В день свадьбы у архял-шар готовили блюдо «курч», которым угощали всех присутствующих женщин. В это же время часть приданого невесты несли в дом жениха, чтобы обставить им комнату молодых.

Во второй половине дня, чтобы пригласить невесту, посылали от жениха трех человек (сел. Вихли), или же большую делегацию (сел. Унчукатль), из состава которой 5—6 человек оставались в доме невесты для ее сопровождения. Еще два-

²¹ Бугаев. Указ. соч., стр. 71.

²² С. Ш. Гаджиева. Семья и семейный быт народов Дагестана. РФИ ИЯЛ, ф. 3, оп. 3, д. 145, стр. 104.

ды приходили к ней с приглашением, причем тех, кто пришел в последний раз, вводили в дом, угощали и, когда гости допивали второй рог бузы (сел. Цовкра II), невеста возвращалась домой и одевалась в свадебный наряд.

Платье невесты повторяло покроем повседневной одежды, но шилось из дорогих шелковых тканей ярких цветов и имело большое количество украшений. Головной убор невесты состоял из нарядного «бакбахлу», белого покрывала, закрывающего лицо, и нескольких шелковых платков поверх покрывала. Покрывание лица невесты — один из распространенных свадебных обычаев всех времен и народов. Смысл его — защита от «сглаза» и злых духов. Возможно, что укутывание головы невесты имело и другой смысл: невеста не только была объектом нападения злых духов, но и сама представляла опасность для окружающих. В народных поверьях глаза и волосы представляли собою обитель души человека и источник злой или доброй силы, исходящей от человека.

Переводили невесту в дом жениха обычно в сумерки, иногда в полночь.

Магические действия, имеющие целью отвращение злых сил, сопровождали каждый шаг невесты вплоть до прихода в предназначенную молодым комнату.

При выходе из родного дома невеста встречала заранее подготовленную женщину из числа родственниц, судьба которой, по мнению окружающих, сложилась удачно: имела мужа и детей.

Когда невеста выходила из родительского дома и входила в дом жениха, перед свадебной процессией жгли костры. Таких костров по пути следования невесты могло быть несколько (сел. Цовкра). Очищение посредством огня, входившее в число свадебных обрядов, основано на первобытном мировоззрении, согласно которому огонь — могучее очистительное средство²³.

Когда невеста переходила к жениху, ей давали два хлеба, один из которых она должна была бросить за воротами родительского дома, другой — у мужа во дворе, как только она вступала в него. Это действие символизировало пожелание, чтобы она отныне жила бы с мужем счастливо и зажиточно, не нуждаясь в родительской помощи.

Иногда вместе с хлебом невеста выбрасывала вату. По-

²³ См. у Е. Г. Кагарова. Состав и происхождение свадебной обрядности. Сб. МАЭ., т. VIII, 1929. Например: после венчания свадебный поезд переезжает через костер из соломы (Красноярск). На Украине новобрачных перевозят через зажженный сноп соломы, что называется «молodu подсмалювать». В Китае невеста должна перешагнуть через пылающий костер, чтобы очиститься от скверны.

видимому, ее белый цвет также должен был символизировать счастье, радость.

Свадебный поезд сопровождался горящими факелами и лампой. Обычно невесту с двух сторон поддерживали ее подруги «чарав душру», в некоторых же селениях эту функцию брали на себя мужчины: родственник жениха и родственник невесты (сел. Цовкра) или ее родные братья (сел. Читур).

Нахождение невесты в центре свадебного поезда, свита из подруг и родственников, плотно окружавшая ее, все это также представляло собою форму ограждения невесты от злых сил. Молодежь селения преграждала путь свадебному поезду и требовала от невесты выкупа. Для этого случая у сопровождавшей ее «архьял-шар» бывали заготовлены куски хлеба и халвы, которыми она и наделяла молодых людей.

Перед домом жениха расстилали ковер, по которому молодая входила в новый для нее дом. Ковер этот поступал в ее собственность, как и скотина, которая выводилась ей навстречу и которой отрезали здесь же кончик уха.

У ворот невесту встречала свекровь, которая восклицала: «Да принесешь ты к нам благополучие, счастье и богатство, да не умрешь ты, пока не увидишь у своих колен правнуков». Она давала молодой ложку меда и сладкой воды «нацлу шин», а также заставляла поглядеть в зеркало. Все это должно было, согласно поверьям лакцев, обеспечить молодой сладкую и светлую жизнь в доме мужа.

Входящую в дом невесту осыпали с крыши сладями, иногда зерном. Это ритуальное действие у многих народов мира выражало пожелание плодовитости.

Недоброжелатели могли в этот момент осыпать невесту луком или чесноком, а также черными бобами. Это должно было символизировать положение вражды с новой родней — лук и чеснок приобретали магическое значение благодаря острому вкусу и запаху, а бобы — благодаря черному цвету.

Вводя невесту в предназначенное молодым помещение, ее сажали за занавеску «пардав» на подушки, причем сторона жениха и сторона невесты старались посадить ее на подушку противоположной стороны, так как большим почетом пользовалась та сторона, которая сумела подложить свою подушку под спину невесты. С невестой оставались «архьял-шар» и «чарав душру», остальные сопровождавшие ее женщины удалялись, прихватив тайком что-нибудь из дома жениха (все это возвращалось на следующий день).

Наиболее распространенным танцем на свадьбах была общеизвестная лезгинка. Но следует упомянуть и о другом, видимо, очень древнем ритуальном танце — «гиргичу». Этот танец можно назвать танцем «сбывшегося желания» — исполнялся он в тот момент, когда из дома жениха выходила

процессия, направлявшаяся за невестой. Начинала этот танец мать жениха, выходящая первой в круг, за ней выходили близкие родственницы со словами «тулгу гиргичу» (дословно «и мой гиргичу»). Они двигались туськом по кругу, поднимая и опуская вытянутые вперед руки в ритме, отличающемся от обычного танцевального ритма. Как только женщины удалялись из круга, в него входили родственники-мужчины во главе с отцом жениха, которые продолжали танец. Рисунок танца свидетельствует о том, что он принадлежал в древности к обрядам солярного культа.

Вероятно, этот танец раньше был широко распространен у лакцев — упоминания о нем встречаются в лакском фольклоре. Возможно, именно этот танец имел в виду Н. И. Воронов, когда давал описание старинного казикумукского танца: «Этот последний состоял в том, что сперва все танцующие женщины составляли из себя вереницу и плавно шли одна вслед за другой, описывая круг; потом женщин сменяла такая же вереница мужчин, и затем оставались на арене двое из них, передовых; между ними тотчас становилась одна из женщин, и в таком порядке делала круг одна партия танцующих, ее сменяла другая, третья и т. д.»²⁴.

К той же категории домусульманских обрядов можно отнести и коллективную ритуальную женскую пляску «сапа», которая по рисунку отличалась от «гиргичу». Чаще всего она сопровождала свадебную процессию²⁵.

В полночь к «архьял-чу», где пировал жених, являлся посланный из его дома мужчина. Посланец долго молчал, пока, наконец, не заставляли его развязать язык. Тогда он произносил иносказательную речь: «Мы нашли крепость, ее никто не может взять, но мы слышали, что у вас есть сильный и могущественный князь навруз-бек. Не возьмется ли он взять крепость?» Эти слова передавали «навруз-беку». Тот вставал, собирал друзей и с этой дружиной под лесни и звуки бубна шел к невесте²⁶.

«Архьял-шар» стелила брачную постель и по ней перекачивала маленького мальчика. Этот обычай выражал желание невесте иметь только сыновей. На наш взгляд, это не что иное, как редуцированный пережиток группового брака. Этот обычай находит себе аналогии в аварском и даргинском обычаях «буруш вачис» («топтанье постели») ²⁷, когда при при-

²⁴ Н. И. Воронов. Из путешествия по Дагестану. ССКГ, III, 1870, стр. 34.

²⁵ Эта пляска являлась также одним из элементов заговора больных животных.

²⁶ Васильев. Указ. соч., стр. 81.

²⁷ См. Г. Ф. Чурсин. Очерки по этнологии Кавказа. Тифлис, 1913; С. Ш. Гаджиева. Указ. соч., стр. 114.

готовлении брачной постели на нее бросались присутствовавшие юноши.

Несколько иначе и для лакцев необычно происходила свадьба в сел. Куба.

После заключения официального брачного акта «махар» в доме жениха и невесты начиналось веселье. На третий день невеста с молодыми девушками шла на площадь «тарацАалу». Они несли различные блюда: вареное мясо, свежее и сушеное, яичницу, вареные яйца, халву «бакух», сырные пироги «нисире ччат», фрукты. Жених со своей дружиной уже находился на площади. Принесенные яства раздавались присутствующим и начинались танцы. Здесь впервые невеста танцевала с женихом, а ее «архьял-шар» с «архьял-чу» жениха. Присутствующие мужчины одаривали невесту и «архьял-шар» деньгами. Отсюда невеста возвращалась к себе домой и жила здесь еще 2—3 года; были, хотя и очень редко, случаи, когда невеста оставалась в родительском доме 5—7 лет. Случалось, что за это время возникала ссора между обеими сторонами. В этот период жених иногда тайно навещал невесту и изредка случалось, что когда невеста, наконец, могла уйти в дом жениха, она уже готовилась стать матерью. В шуточной песенке сел. Куба поется:

«Чалагъайлул жулардуй,
Чагъарданул мягъсирдуй,
Чаххуран чу къахунну
Чирайх лахъе гъармагъай».

Шелковые чулки,
Бумажные чувяки,
Чтоб соседи не слышали
По стене взбиравшегося мужа.

Это явный пережиток дислокальной формы брачного поселения. Порядок, по которому вышедшая замуж женщина на некоторое время остается в своем родном доме, составляет форму перехода к ее поселению в доме мужа, окончательному и прочному²⁸. Переход в дом мужа назывался «ичлунмай гъан» (дословно «уйти домой») и обставлялся всеми теми обрядами, о которых говорилось выше.

В брачную ночь невеста должна была отмалчиваться на все вопросы жениха, пока они не находили сосуд «къонари», спрятанный в этой комнате «архьял-шар» (сел. Унчукатль). Нашедший его должен был умыться водой из него. Этот

²⁸ М. О. Косвен. Этнография и история Кавказа, стр. 51.

обряд, как и последующее ритуальное купание новобрачных, можно отнести к числу очистительных²⁹.

Второй день свадьбы в доме молодого назывался «къун къатИ» (большая свадьба). К молодой приходили женщины с поздравлениями, их угощали обрядовой кашей «гъили ини-къали» (рисовая каша) или «буруссануйх курч».

В этот же день в комнату молодых входили родственники мужа и ближайший из них, подняв палочкой покрывало «пардав» с лица молодой, одаривал ее деньгами или украшениями. Этот обычай назывался «лажин каккан» («увидеть лицо»). После этого родители девушки посылали ее приданое, а также подарки для новых родственников, которые молодая раздавала ближайшим родственникам и родственницам мужа в соответствии с полученными от них подарками.

В один из последующих дней происходил обряд приобщения молодой женщины к труду. Для этого подруги и родственницы обычно вели ее за водой к источнику или в горы за травой. Сопровождавшая их «архял-шар» раздавала встретившимся на пути односельчанам куски хлеба с халвой «бакух». Во многих селениях принято было устраивать проводы «архял-шар» и «архял-чу» из дома жениха, одарив их соответствующим образом.

Через несколько дней после окончания свадьбы или по прошествии нескольких месяцев молодых приглашали к себе родители новобрачной — «ичИунмай буцин» («пригласить домой») и после угощения богато одаривали ее подарками.

М. О. Косвен называет этот обычай «возвращением домой» и считает его явлением переходного периода от матриархального поселения к патриархальному³⁰.

В сел. Вихли было принято после свадьбы приглашать молодых в 40 домов родственников и там одаривать. Иногда это продолжалось целый год. В конце года молодой супруг созывал всех их в свой дом и устраивал «барчалагьрал къатИ» (дословно «свадьбу благодарности»). В сел. Цовкра молодых прежде всего приглашал к себе «архял-чу» и дарил им «мурцу къатта» (утварь, посуда). Послесвадебные обряды на этом кончались, и для новой семьи начинались трудовые будни.

Анализ свадебной обрядности лакцев в XIX—начале XX вв. свидетельствует о сохранении в ней многих моментов, представляющих собой пережитки различных сторон архаических общественных отношений, в том числе и очень древних форм брака.

²⁹ В. Г. Кагаров. Указ. соч., стр. 188.

³⁰ См. М. О. Косвен. Обычай возвращения домой. КСИЭ, I, 1946.

В религиозно-магическом ритуале лакской свадьбы, призванном охранять вступающих в брак от враждебных сил, гарантировать им потомство и благополучие на всю жизнь, прослеживается ряд наслоений, идущих от самой глубокой древности и сложившихся под разными историко-культурными влияниями. Эта сторона свадебной церемонии заслуживает самого внимательного изучения. Для формирования мировоззрения советского человека эти древние верования не менее вредны, чем официальная религия, так как они очень глубоко укоренились в повседневном быту, подстерегая человека на каждом шагу его жизни и мешая ему сознательно и активно участвовать в ней.

Вышеописанные обряды неоднократно вызвали противодействие общественности. Попытки реформы их предпринимались еще в 20-е годы. Так, старожилы Кумуха помнят одну их первых свадеб в селении, устроители которой совершенно отказались от старой обрядности. Это была свадьба А. и П. Алиевых в 1929 году. Все моменты предсвадебного цикла, кроме обручения, были обойдены. В день свадьбы в доме жениха и невесты шли обычные приготовления, хороший повар приготовил угощение, запасли много напитков. Но гости приглашены не были, так как жених—коммунист заявил, что уважающие его друзья и знакомые должны придти сами, без приглашения. Однако никто не явился. Невеста прошла по улицам селения без покрывала, в легком шелковом платке в сопровождении «архял-шар», а также жениха и его брата. Не был выполнен ни один из описанных выше обрядов, однако торжества тоже не получилось. Здесь, как в любом новом дсле, были допущены перегибы, которые и помешали популярности свадьбы такого рода. Но одно положительное последствие эта свадьба все-таки имела: после нее и вплоть до настоящего времени в сел. Кумух невеста шла в дом жениха без покрывала на лице.

Современная лакская свадьба не знает длительных и сейчас уже бессмысленных обрядов. Для брака теперь нет ограничений экономических, сословных, национальных и т. п. За малым исключением нет и религиозного оформления браков, почти все они регистрируются в ЗАГСе.

Выбор друга жизни чаще всего происходит по взаимному влечению молодых людей. В семье обсуждаются личные качества жениха или невесты, их общественное положение. Если родители недовольны выбором своего сына или дочери, они стараются создать своеобразное «общественное мнение», чтобы повлиять на них, но право решающего голоса остается все же за самими молодыми людьми.

Очень много, особенно в последние годы, смешанных браков и большинство из них — счастливые. Если лет 30 назад

браки лакцев с девушками других национальностей были редки, то случаи выхода замуж лакской девушки за молодого человека другой национальности были и вовсе единичны. В последние 10—15 лет число смешанных браков резко возросло. Причины этого явления заключаются, на наш взгляд, в том, что усилилось передвижение населения, возрос его культурный уровень, стираются грани между городом и деревней, изживаются предрассудки в сознании представителей старшего поколения, а молодое поколение в основной своей массе лишено их.

Характерной чертой современности является и то, что смешанные браки заключаются не только во время пребывания молодых людей вне своего селения, связанного с работой, учебой, военной службой, но и в родном ауле.

Русские учительницы, работницы медицинских и советских учреждений, приехавшие на работу в лакские селения, часто связывают свою судьбу с представителями лакского народа и навсегда остаются в Дагестане.

Эти женщины уже через несколько лет свободно говорят по-лакски и настолько приспосабливаются к местной жизни, что порой их трудно отличить от лакцев. В дальних селениях, где нет пекарен, они пекут хлеб в печи «кара» и умеют готовить национальные лакские блюда. В таких семьях взаимоотношения свекра и свекрови с невесткой отличаются теплотой, доброжелательностью.

Следует отметить и значительное сокращение обрядов свадебного цикла. Из большого числа предсвадебных обрядов сохраняется обручение. Договорившись между собой, юноша и девушка сообщают родителям о своем желании вступить в брак. Если возражений нет, созываются ближайшие родственники обеих сторон и совершается обряд обручения «мак кута бан». Для этого в дом девушки, где все уже готово к приему гостей, приходит с обручальным кольцом юноша в сопровождении родных и друзей. Их приглашают в парадную комнату, где стоят накрытые столы. Невесту иногда сажают за стол рядом с женихом, но чаще она сидит в соседней комнате в окружении подруг. После произнесения тоста за молодых жених поднимается со своего места и надевает обручальное кольцо на палец своей избранницы. За угощением следуют танцы, которые продолжаются и в доме жениха. Значительно сократился и период от обручения до свадьбы. Он составляет сейчас от одной недели до месяца.

Свадьбы устраиваются в любое время года, но чаще летом, так как в теплое время их удобнее проводить, а кроме того, лето — пора отпусков и каникул.

Очень торжественно обставляется процедура регистрации брака в ЗАГСе. Молодожены приходят сюда в сопровождении

родных, друзей, знакомых. Особенно показателен в этом отношении опыт работы Новолакского ЗАГСа. К приходу молодых людей нарядно украшается зал. После регистрации брака молодоженов поздравляют заведующая бюро ЗАГС и представители общественных организаций. Молодым преподносятся букеты цветов и памятные подарки. Затем для присутствующих накрывается стол. Отсюда молодожены в сопровождении друзей направляются в дом молодого мужа, где веселье продолжается.

Несколько иначе обстоит дело в Лакском и Кулинском районах. Здесь также во многих случаях регистрация брака происходит в очень торжественной обстановке в сельском клубе. Церемония заканчивается поднесением подарков от организаций и концертом художественной самодеятельности. Но частенько случается, что после этого жених и невеста возвращаются к себе домой, чтобы сыграть традиционную свадьбу. Это объясняется тем, что некоторая сухость, официальность «комсомольских свадеб», делающие их похожими на торжественное заседание с последующей художественной частью, отпугивает не только старшее поколение, но и молодежь.

Поскольку еще нет советской свадебной обрядности, во многих случаях свадьбы, особенно в сельской местности, изобилуют старинными обрядами. Разумеется, с магической стороны этих обрядов никто не задумывается и магический смысл их во внимание не берется — молодежь видит только развлекательную сторону их. Так, перед свадебным поездом, как и в старину, жгут костер, но делают это не в тот момент, когда невеста входит в дом жениха, а задолго до этого или же после того, как она уже вошла. Во время приближения свадебной процессии к дому жениха на крышу взбирается женщина с полной миской сластей, но посылает она ими не невесту, а детей, которые стоят в сторонке и с нетерпением ждут этого момента.

Переход невесты в дом жениха совершается теперь днем. Обычными днями свадеб являются суббота и воскресенье.

За несколько дней до свадьбы начинаются приготовления к ней: закупаются продукты, напитки, договариваются с музыкантами, подбирают «тамаду», а также его помощников «есагуров». Приглашаются гости, причем, наибольшим почетом пользуются передовые люди селения. Угощение для мужчин и женщин раскладывается в разных комнатах, а для танцев все собираются в одну комнату. В день свадьбы от жениха идет за невестой процессия, состоящая из мужчин и женщин (человек 30). В отличие от свадьбы прошлого, в этой процессии находится и сам жених. Невесту сопровождает приблизительно столько же человек. Этот свадебный кортеж

рое выходят в селении и стар, и млад. Время от времени процессия, движущаяся очень медленно, останавливается, и на ровном месте устраиваются танцы.

Свадебный наряд лакской невесты сейчас представляет собою модного покроя шелковое платье белого цвета, на голову или на плечи накидывается легкий шелковый платок белого же цвета, в последние годы — капроновый шарф. В некоторых случаях невеста изъявляет желание покрыть лицо тонкой кисеей для того, чтобы самой наблюдать за окружающим, не боясь показаться нескромной. В самое последнее время стало модно набрасывать на голову, вместо платка, развернутое полотнище капрона или нейлона, которое наподобие вуали покрывает лицо и плечи молодой.

В понедельник в доме молодого веселье возобновляется после окончания рабочего дня. В этот вечер молодая танцует со своим мужем и в знак уважения к ней все присутствующие встают со своих мест.

В этот же день в некоторых селениях совершают обряд кройки одежды для молодой. Он состоит сейчас в том, что надрезается уголок одного куска ткани, и является предлогом для женщин лишний раз собраться вместе и отведать любимое блюдо «буруссануйх курч». В отличие от старинного обряда он имеет место в доме молодого после свадьбы.

В один из последующих дней родители молодой приглашают ее вместе с мужем и его родственниками на обед.

В связи с возросшим материальным благосостоянием, а также повышением культурного уровня населения совершенно изменился и состав приданого невесты.

Приданое богатой невесты в прошлом состояло примерно из следующих предметов: 10—15 «саргас» (большие медные тазы для стирки белья), 15—20 мелких керамических кувшинов, нескольких зеркал, 5—6 поставцов для ложек (къусри дичурт), 8—10 медных блюд «кIурглу», нескольких водоносных сосудов «варакки» и т. п.

В настоящее время в состав приданого рядовой работницы, колхозницы входят такие предметы, как кровать, шифоньер, стол со стульями, диван и т. д.

Унизительных для невесты обрядов, которые сопровождали в прошлом отдельные моменты лакской свадьбы, современная свадьба не знает. Молодежь сознательно, а порой и стихийно избегает тех старых обрядов, которые не соответствуют ее мировоззрению и духу времени. Те же обряды, которые выполняются, рассматриваются только как развлечение, независимо от их содержания, далеко не всегда безобидного.

Кое-где в селениях практикуется проведение всего свадеб-

ного цикла в клубе, так как там достаточно места для танцев и расстановки столов для угощения. Наряду с традиционной лезгинкой на свадьбах танцуют современные европейские танцы.

Изучение лакской свадьбы свидетельствует, что в настоящее время население зачастую обращается к старой свадебной традиции, причем многое из старого переосмыслиется, наполняется новым содержанием. Старое сохраняется, в основном, в формах свадебных обрядов, в то время как в самих семейных отношениях, во взглядах на брак произошли коренные изменения. Старые формы, наполненные новым содержанием, начинают жить заново в нашем современном быту, а то, что противоречит идеологии советских людей, отбрасывается.

Родильные обряды и воспитание детей

Рождение ребенка, особенно первенца, всегда было большим событием в лакской семье. Для того, чтобы родить своего первенца, молодая женщина, как правило, с первыми схватками уходила из дома мужа в родительский дом. Там она оставалась 40 дней после родов, а затем возвращалась к мужу. При рождении последующих детей исполнение данного обычая было необязательно.

В случае трудных родов пользовались всевозможными магическими приемами.

Родители молодой матери дарили ей новую одежду и всевозможную хозяйственную утварь, а для ребенка готовили полное приданое и люльку.

Новорожденного обмывали и, завернув в пеленки, клали окслю матери. В некоторых селениях принято было новорожденного купать в соленой воде (селения Вихли, Цовкра). Делалось это по-видимому для стерильности. Сами жители этих селений считали, что купание в соленой воде делает кожу ребенка крепкой и обеспечивает ему счастливое будущее. В сел. Цовкра на этот счет существовала поговорка: «Тул лашаннил тун цIу бивчуну бакъар» (дословно: «моя повивальная бабка меня не посолила»), — говорил неудачливый цовкринец.

Послед мылся и прятался в изголовье роженицы, на него клали кусок железа от сошника. Позже, когда роженица вставала с постели, она прятала послед на потолке сеновала между бревнами, чтобы его не съело какое-нибудь животное, так как сохранялось представление о связи судьбы ребенка с целостью его последа (случай парциальной магии, по С. А. Токареву)³¹.

³¹ С. А. Токарев. Сущность и происхождение магии. В кн. «Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований». М., 1959.

Роженица и ребенок, по народным представлениям, были весьма уязвимыми объектами для всякого рода злых сил, поэтому с целью их защиты также применялись разнообразные магические приемы.

По поверью, нежелательным было посещение роженицы вооруженным мужчиной или женщиной, имеющей при себе изделия из золота. Новорожденного полагалось купать только в деревянной посудине «алму». Вокруг нее с молитвой проводился углем магический круг, через который не могли переступить злые силы, стремящиеся погубить малыша. Безусловно, к защитной магии прибегали здесь потому, что при купании ребенок подвергался опасности простуды. Употребление же уголька в качестве средства против нечистой силы относится уже к области культа огня³².

Лицо и тельце маленького ребенка время от времени смазывали кашицей из белой глины с водой, что должно было, по представлению матерей, обеспечить чистоту и красивый цвет лица ребенка (вместе с глиной с лица новорожденного смывался пушок), а летом предохранять его от чрезмерной потливости. По-видимому, эта процедура частично заменяла купанье малыша. А. Омаров отмечал: в горах вообще редко купают детей, разве только иногда купают грудных, и то без мыла³³.

Для того, чтобы придать головке ребенка удлиненную форму, а лбу его возможную крутизну, в сел. Кумух принято было головку новорожденного в течение определенного времени перевязывать специальной повязкой.

На седьмой день после рождения ребенка укладывали в люльку «кИану». В качестве оберегов под изголовье ребенка клали кусочки угля, косточку от бабки барана, кусочек сухого теста, листок корана. Особенно заботились об оберегах для младенца, когда приходилось оставлять его спящим одного. В этих случаях защитную функцию выполняли стальные ножницы или веник, положенные у изголовья малыша. На 7—8 день впервые после рождения стригли ребенка.

Когда у ребенка появлялся первый зуб, пекли пироги «чутту» с какой-нибудь начинкой соответственно времени года, и раздавали в качестве «садакъя».

Следует отметить существование в прошлом у лакцев своеобразного «табу чисел». К нежелательным числам относилось собственно 9 или 9 в сочетании с другой цифрой. Наиболее четкое «табу» нам удалось зафиксировать относительно 9 месяцев для младенца и 19 лет для юноши. В других сочетаниях

отрицательное значение числа 9 или вовсе не прослеживается, или звучит очень глухо.

Когда ребенок вступал в девятый месяц своей жизни, окружающие переставали называть это число. Когда же посторонние интересовались возрастом такого ребенка, им отвечали: «Ца дакк'уливу ур» (дословно: «находится в неназываемом»). Девятый месяц жизни ребенка назывался «нзян-нив барз» («трагический месяц»). Считалось, что в этом месяце следует особенно беречь малыша от заболеваний, а если он благополучно минует этот опасный рубеж, можно в дальнейшем не опасаться за его жизнь. Когда ребенку исполнялось 9 месяцев, мать или другая женщина из семьи ребенка варила кашу «хаххари» из 9 различных злаков, причем каждый вид злака обносился 9 раз вокруг головы ребенка. Эта каша также раздавалась в качестве «садакъя».

Таким же запретам подвергалось произнесение числа 19 по отношению к юноше, вступившему в этот возраст. Момент этот в жизни юноши считался переломным и решающим. По магическим представлениям лакцев, этот возраст чреват для юноши всякими опасностями, угрожающими его жизни, поэтому именно в этом возрасте нужно ограждать его от всяких невзгод. Некоторую аналогию этому своеобразному представлению мы находим в «магии счета» — согласно магическим воззрениям знание количества предметов влечет за собой потерю этих предметов; на этом основании многие пастушеские народы избегали считать свой скот, а некоторые боялись также считать людей³⁴.

Наречение имени младенцу происходило на 7-ой или 8-ой день после рождения ребенка и было важным событием в семье. Особенно торжественно присваивалось имя сыну: готовились лучшие национальные блюда и созывались родные и близкие. При этом тот, кто выполнял процедуру наречения имени, обмакнув указательный палец в мед, смазывал им пупы всем присутствующим, а потом ребенку, и трижды произносил имя в ухо новорожденному. Чаще всего ребенку давалось имя умершего родственника. При этом при наречении имени мальчику учитывалось в первую очередь желание отца, а девочке — желание матери.

Наиболее распространенными именами у лакцев были мусульманские имена: Магомед, Муса, Али, Сулейман, Патимат, Хадижат и др., а также имена, являющиеся названиями арабских месяцев: Рамазан, Шахбан, Махаррам и т. д. Но зачастую детям давались исконно лакские имена: Халла, Бича, Щаща, Шила, Ата, Чанкура, Анту, Итна, Ярби,

³² См. Г. Ф. Чурсин. Культ железа у кавказских народов. Тифлис, 1927, стр. 73—76.

³³ А. Омаров. Как живут лаки. ССКГ, вып. 3, стр. 26.

³⁴ Г. Ф. Чурсин. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1957, стр. 111.

Куклу³⁵, Иза, Ита. Распространены были и поэтические имена: Тути (цветок), Къункул тути (роза), Банавша (фиалка).

Воспитанием детей занимались бабушки, большей частью бабушка по отцу. С 10—12-летнего возраста мальчик переходил в общество мужчин и мог присутствовать при разговорах взрослых мужчин на очаре. Здесь формировалось его мировоззрение, его нравственные черты как будущего главы семьи и члена общества.

Девочки с 6—7-летнего возраста помогали матери по хозяйству: выполняли мелкую работу по дому, приносили воду, нянчили малышей. Девочку учили шить, вязать, готовить национальные блюда, а в Кумухе, кроме того, вышивать золотом.

С 12—13 лет девочка в состоятельных семьях подвергалась домашнему заточению («вив битан») вплоть до замужества. При этом она выполняла всю домашнюю работу, обшивала семью, а также вышивала и вязала шнуры (сел. Кумух), поскольку ко времени замужества она должна была подготовить большое количество вышитых кисетов, а также разноцветных шнуров для раздачи родственникам жениха.

В настоящее время рождение ребенка в лакской семье является очень большим, радостным событием. К нему специально готовятся и отмечают его почти с таким же торжеством, как свадьбу.

Женщина с первых же дней беременности находится под наблюдением врача-гинеколога, акушерки или другого медработника. В лакских районах нет ни одного селения, где бы не было медпункта, а родильные дома находятся в районных центрах; в некоторых аулах имеются колхозные родильные дома. Осуществляется обязательный патронаж беременных и родильниц с детьми. Сейчас в лакских селениях совсем не бывает случаев обращения при родах к знахарке, так как в каждом селении есть медпункт, работники которого в состоянии оказать квалифицированную помощь при родах. В особенно трудных случаях роженицу везут в районный центр, или вызывают оттуда врача по телефону.

С первых же минут своей жизни ребенок является объектом заботы государства. После выписки из роддома матери с ребенком, их в тот же день навещает патронажная сестра и врач, которые консультируют молодую мать.

Теперь в лакской семье одинаково радостно встречается появление и девочки и мальчика. Обряд «Ца дизан» («назвать именем») выполняется сразу же после возвращения ма-

тери с ребенком из родильного дома. Помимо родственников, на это торжество приглашаются сослуживцы мужа и жены, соседи, друзья. Один из почетных гостей, провозгласив тост за новорожденного, называет его именем, которое заранее устанавливают родители. По-прежнему часто ребенка называют именем умершего родственника по восходящей линии, но все больше случаев, когда малышу дают просто понравившееся родителям имя, чаще всего русское или взятое из классической литературы. Таковы имена: Светлана, Людмила, Руслан, Павлик, Валерик, Марианна, Дездемона и т. д. Встречаются имена, которые ассоциируются с названием советских праздников, например, Майя.

До революции в селениях Дагестана, в том числе в лакских селениях, был большой процент смертности детей.

Так, в 1899 году в Казикумухском округе процент смертности взрослых и детей от эпидемических заболеваний составлял:

оспа	— 14,6%	смертности по отношению к числу заболевших
дифтерит	— 32,5%	
корь	— 9,6%	
тиф брюшной	— 27,3%	³⁶ .

В настоящее время, вследствие профилактики инфекционных заболеваний, они не принимают форму эпидемий. Медицинские сестры посещают на дому малышей с целью вакцинации их.

Дети в современной лакской семье, независимо от пола, с ранних лет получают трудовое воспитание, которое продолжается и в школе. Большую помощь колхозникам в уборке урожая оказывают школьные ученические бригады.

На примере отцов и дедов, защищавших с оружием в руках Советскую власть, подрастающее поколение учится беззаветно любить свою великую Родину.

§3. ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТ

Основой общественной жизни лакцев в XIX веке было сельское общество «джамаат». Члены джамаата были связаны между собой общностью территории, совместным владением части земельных угодий; частная собственность на скот, пахотные и частично покосные земли и индивидуальный труд сочетались с коллективной собственностью на пастбища, выгоны, пустоши, участки леса.

Административная власть в джамаате возлагалась на совет старейших «кунисса» или «марц арантал» (дословно

³⁵ См. С. Хайдаков. Очерки по лексике лакского языка. М., 1961, стр. 88.

³⁶ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 2, ед. хр. 193, л. 2.

честные мужчины»), известных под названием карты. На должность «куначу» (ед. ч. слова «кунисса») выбирали на сходе представителей одних и тех же наиболее влиятельных фамилий, по несколько человек в каждом селении в зависимости от его величины.

«Кунисса» производили разбор таких дел, как ссоры, драки без ранений, жалобы на потраву полей и т. д. Одной из функций картов было назначение пастухов для сельского стада, определение места для весеннего выгона и летнего выпаса. Они же определяли размер штрафа за потраву летнего пастбища, а также за кошение травы отдельными лицами до особого распоряжения картов. Никто не имел права начинать жатву или косьбу до решения «кунисса», о котором объявлял глашатай. Пока у кого-либо оставался хотя бы небольшой несжатый участок, остальным жителям селения не разрешалось вывозить снопы с поля.

Площадь, где собирався скот до выгона на пастбище, карты отдавали в откуп на право пользования пометом с нее для кизяков. Все дела решались картами гласно в присутствии стариков селения.

Кроме того, на картов возлагалось общее наблюдение за порядком в селении. За свою службу они получали вознаграждение из штрафных денег. К каждому «куначу» для исполнения его приказаний назначался «ялурзу».

В 1868 году было утверждено «Положение о сельских управлениях Дагестана», которое в основном сохранило существовавший порядок управления сельскими обществами, но снизило роль сельского схода «джамаата». Ранее на сходе участвовали все взрослые мужчины, а после утверждения «Положения» — один от дыма. Во главе сельского общества встал теперь старшина «юзбаши» как официальный представитель власти. Избранный на сельском сходе, он утверждался в своей должности начальником Казикумухского округа. Карты сохраняли при нем только судебную власть. Поверенным при старшине и хранителем джамаатских денег был «вакил». Обязательным представителем сельского управления был глашатай (мангуш, чауш, ковш, мяхчи).

Вопросы, касавшиеся всего селения, обсуждались на сельских сходах. В 1908 году начальник Казикумухского округа, стремясь еще больше снизить роль сельского схода, предлагал в рапорте военному губернатору Дагестанской области снова уменьшить число участников сельского схода, образовав его из особо выбранных людей, по одному от каждых десяти дворов³⁷.

³⁷ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 101, л. 1—3.

* * *

Пережиточной формой родовой общины можно считать тухум.

Изучая дагестанский тухум XIX в., М. Ковалевский пришел к выводу, что это род³⁸. В советское время дагестанские историки неоднократно обращались в своих исследованиях к вопросу о тухуме и пришли к заключению, что дагестанский тухум XIX в. нельзя считать родом, «так как здесь не существовало экономической основы рода — родовой собственности на средства производства»³⁹. Однако единого мнения о существовании дагестанского тухума пока нет. Так, Р. М. Магомедов считает, что «тухум» — это семейная община⁴⁰. По мнению Х.-М. О. Хашаева, дагестанский тухум XIX в. не был ни родовой, ни семейной общиной, а представлял собою пережиточную форму ранее существовавших кровнородственных связей⁴¹.

В оценке тухума С. Ш. Гаджиевой нет расхождений с Х.-М. О. Хашаевым, но она более подробно анализирует пережитки тухумных связей у кумыков в XIX—начале XX вв. Кроме того, автор различает внутри тухума группу близкородственных семей — патронимию⁴².

Наиболее подробный анализ патронимии у народов Кавказа, и в частности Дагестана, дан М. О. Косвеню. Родственная группа, которая в Дагестане была известна под названием «тухума», здесь названа «патронимией второго порядка»⁴³. Анализу патронимии у лезгин посвящена специальная статья С. С. Агашириновой⁴⁴.

Конкретно о лакском тухуме никто не писал, хотя все сказанное в вышеупомянутых работах в той или иной степени относится и к нему.

В вопросах, связанных с кровнородственными отношениями у лакцев в XIX в., наиболее отчетливо прослеживаются отношения внутри более узкой, чем тухум, родственной группы, которую М. О. Косвеню назвал патронимией. «Патронимия — родственная группа, состоящая из некоторого числа больших или малых семей, образовавшихся в результате сегмен-

³⁸ М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе, т. I—II. М., 1890.

³⁹ Х.-М. О. Хашаев. Указ. соч., стр. 220.

⁴⁰ Р. М. Магомедов. Указ. соч., стр. 122—127.

⁴¹ Х.-М. О. Хашаев. Указ. соч., стр. 221.

⁴² С. Ш. Гаджиева. Кумыки. М., 1961, стр. 282—285.

⁴³ М. О. Косвеню. Этнография и история Кавказа. М., 1961, стр. 35.

⁴⁴ С. С. Агаширинова. Патронимия у лезгин. Уч. зап. ИИЯЛ, т. XIV, 1965.

тации одной большой семьи. Каждая из этих разделившихся семей представляет собой самостоятельную единицу, вместе с тем вся эта группа семей сохраняет в ряде отношений хозяйственное, общественное и идеологическое единство»⁴⁵.

У лакцев патронимия обозначается специальным термином «уссур-ссу» (дословно: брат — сестра). О сохранившейся тесной связи патронимии с большой отцовской семьей, о том, что патронимия образовалась в результате деления одной семьи, свидетельствует тот факт, что для обозначения патронимии, кроме «уссур-ссу», употреблялось еще выражение «ца къатлул инсантал» (дословно: люди одного дома), которое употребляли и применительно к большой семье, живущей вместе в одном доме и ведущей одно хозяйство.

Круг родственников, входящих в «уссур-ссу», можно очертить следующим образом:

уссу (ссу)	брат (сестра)
ссурахъу	— двоюродный брат или двоюродная сестра
буттал ссурахъу	— двоюродный брат или двоюродная сестра отца.
нигтил ссуракъу	— двоюродный брат или двоюродная сестра матери
хъинирву	— троюродный брат или троюродная сестра
хъинирварал орчру	— дети троюродных братьев и сестер.

Идеологическое единство патронимии лакцев выражалось в исследуемое время в том, что представители отдельных семей патронимии принимали самое активное участие во всех радостных и печальных событиях, касавшихся патронимии. Так, при бракосочетании члена патронимии доверенные лица жениха и невесты обязательно должны были быть из числа ближайших родственников молодых людей. «Вакилом» мог быть отец, при отсутствии его дядя по отцу, двоюродный, троюродный дядя, брат, т. е. члены патронимии. И только в крайнем случае, при полном отсутствии мужчин — членов патронимии, обязанность эта возлагалась на более дальнего родственника — члена тухума.

Кроме того, в некоторых селениях был известен обычай, по которому обрученные молодые люди обязаны были перед свадьбой навестить семьи членов своей патронимии, иногда до 40 семей.

Но особенно легко проследить идеологическое единство патронимии в обычаях, связанных со смертью члена патронимии. Как и у других народов Дагестана⁴⁶, у лакцев сущест-

вовал определенный порядок распределения мест в доме умершего, где принимали соболезнования. Женщины и мужчины располагались отдельно; женское собрание называлось в этих случаях «курукъатта», мужское — «сукур». «Курукъатта» находилось обычно в одной из комнат дома. На «курукъатта» в углу садилась жена, потерявшая мужа. С одной стороны ее были мать мужа и его сестры, с другой — ее собственная мать и сестры; второй ряд составляли двоюродные сестры покойного, третий — троюродные. Соболезнования могли принимать только указанные женщины — члены патронимии, причем каждая вновь пришедшая женщина выражала соболезнование в первую очередь матери и сестрам покойного, затем жене, а потом двоюродным и троюродным сестрам. Члены патронимии обязаны были 40 дней сидеть в доме покойного. От этой обязанности были свободны члены тухума, которые приходили на «курукъатта» только в первые несколько дней.

Мужское траурное собрание называлось «сукур». Расположение родственной группы здесь также было традиционным: все члены тухума садились в один ряд, причем в центре располагались члены патронимии умершего, даже дети мужского пола. Пришедшие с соболезнованиями мужчины вначале пожимали руки всем сидящим, начиная справа, а обойдя ряд, шли к тем, кто сидел в центре, чтобы прочесть молитву «Альхам». Члены тухума сидели на «сукуре» в течение трех дней, а члены патронимии — 40 дней. В течение семи дней все мужчины — представители тухума покойного обязаны были посещать его могилу, чтобы читать там молитвы.

Когда покойного несли хоронить, также соблюдалась определенная градация по степени родства. На пути к кладбищу у носилок сменялись мужчины тухума, а на кладбище носилки несли до могилы только ближайшие родственники покойного, не сменяясь, а при отсутствии их — члены его патронимии.

Тухум представлял собою более широкую, чем патронимия, группу родственников, которую М. О. Косвен называет патронимией второго порядка⁴⁷. У лакцев она носит название «тухум», «сака», «агълу», «лякъин». Самая близкая степень родства внутри тухума обозначается терминами «уссур-ссу» — (брат — сестра), «мачча-гъанмий» (родные — близкие); дальнее родство обозначается словосочетанием «къанкъ диейсса» (дословно: «до которых доходит запах родства») и самая дальняя, едва уловимая степень родства — «къункъал къанкъ» («запах запаха»). Каждый тухум имел определенное название по имени какого-нибудь известного предка или основоположника тухума. Часто название тухума указывало место,

⁴⁵ М. О. Косвен. Указ. соч., стр. 32.

⁴⁶ С. М. Гаджиева. Кумыки, стр. 284.

⁴⁷ М. О. Косвен. Указ. соч., стр. 35

откуда вышли основатели тухума, или место, где в течение определенного времени бывал кто-либо из членов данного тухума. Так, в Кумухе были известны тухумы: Овгъаннахъул (афганцы или иранцы), пугъайхъул (ногайцы), Гъабишнахъул (абиссинцы), Аьмизганхъул (амузгинцы), в Табахлу — Шивидахъул (шведы).

Как отмечалось выше, лакские ремесленники-отходники в поисках заработка часто уходили за пределы Дагестана и иногда попадали в далекие страны. Например, житель сел. Кумух Гула-Гаджиев в середине XIX в. поехал в Абиссинию и занял там должность министра-казначея двора; представителей его тухума с тех пор стали называть абиссинцами. Основоположники тухума Аьмизганхъул были, по-видимому, выходцами из даргинского селения Амузги.

О происхождении тухумного наименования Шивидахъул (шведы) в сел. Табахлу сообщают, что один из членов этого тухума участвовал в Полтавской битве и рассказывал, как он шивидахъул (шведов) колот и рубил. За это его самого и весь его тухум прозвали Шивидахъул⁴⁸.

Тухумы иногда получали наименования по случайному признаку, свойствам или действиям одного из представителей тухума. Например, Къалияхъул (къалия — растопленный курдюк), Укъачхухъул (ненаедающиеся), Таркнахъул (дословно: тарк-кость, нак-суп).

Заслуживает внимания и тот факт, что наряду с названием тухума по имени мужского предка, известны случаи, когда тухумное наименование возводится к женскому имени, например, Тутухъул, Узахъул и т. д. Некоторые тухумные имена в Кумухе выдают свое нелакское происхождение; они могли в разное время проникнуть в Лакию из Грузии и Армении: Саркихъул — Саркиевы (ср. арм. Саркисян), Ягъизархъул — Ягизаровы (ср. арм. Егизарян), Янгихъул — Янгиевы (ср. арм. Янгизарян).

Эквиваленты лакских родовых имен Бирухъул, Макъахъул, Назирхъул, Каландарахъул, Гузунхъул, Аькихъул, Къалихъул, Къансадихъул также встречаются среди армянских имен. Приведенным лакским вариантам приблизительно соответствуют следующие армянские имена: Бирулян, Магакян, Назарян, Каландарян, Газанчан, Акимян, Каланцян, Кансадян⁴⁹.

Тухумные связи, поддержка тухумом в XIX в. в ряде случаев играли еще значительную роль, особенно в делах, связанных с примирением кровников, и во всякого рода уголовных делах, где нужна была присяга членов тухума. А. Омаров писал: «...многочисленность тухума составляла весьма

важное и лестное значение для горца в его обществе, потому что он постоянно нуждался в прежнее время в защите себя и ближних против других своих соплеменников»⁵⁰.

В XIX в. знатный и сильный своей сплоченностью тухум был хорошей защитой для его члена, для твердого его положения в обществе.

Сильный и богатый тухум материально помогал убийце в изгнании, а также ходатайствовал о его прощении. После совершения убийства первой задачей тухума было не дать разграбить имущество убийцы, что всегда старалась сделать сторона убитого. Эту миссию не могли взять на себя члены патронимии из-за боязни быть убитыми в качестве кровников, так как один из членов патронимии вместе с убийцей являлся кровником, которого в течение 40 дней могли убить родственники убитого. После окончания срока изгнания убийцы, иногда и раньше, члены его тухума начинали хлопотать о прощении его родными убитого. С этой целью к ним посылались тухумом изгнанника самые влиятельные лица селения. Затем назначалось место и время примирения кровников. Все мужчины тухума двигались к назначенному месту на колених во главе с самим убийцей. Последний нес на себе перекинутый через плечо саван в знак готовности умереть от руки тех, кого он молит о прощении.

В случае подозрения в воровстве, по адатам Казикумухского округа, подозреваемый обязан был присягнуть сам и представить 12 человек из своих ближайших родственников (патронимия). Но если хотя бы один из привлеченных к присяге, сомневаясь в поведении заподозренного, отказывался от принятия присяги, то подозреваемый признавался виновным. Хотя в адатах значится только 12 присягателей, часто требовали, чтобы их было 40 человек.

При отсутствии представителей патронимии на передний план выступали члены тухума. Надо отметить, что в тухуме родство признавалось только по отцовской линии, в то время как в состав «уссур-ссу» входили родственники и со стороны матери.

При заключении брака при отсутствии у жениха или у невесты ближайших родственников, могущих быть их поверенными, эта обязанность возлагалась на членов их тухума, вплоть до «къанкъ диейсса».

Точно так же, если после смерти определенного лица у него не оказывалось наследников мужского пола, то, исключив долю женщин, остальную часть наследства выделяли родственнику по мужской линии, вплоть до «къункъал къанкъ диейсса».

⁴⁸ См. С. Хайдаков. Указ. соч., стр. 85—86.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ А. Омаров. Как живут лаки. ССКГ, т. III, Тифлис, 1870, стр. 2.

Траур носили только члены «уссур-ссу», на членов тухума эта обязанность не распространялась.

Пережиточно сохранившимся отголоском былой тухумной собственности на землю можно считать интересный факт использования отдельных участков пашни. В некоторых тухумах существовали участки пашни, называвшиеся «ирсирайх нанисса хъуру» («пашни, передающиеся по кровному родству»), которые никто в тухуме не имел права как-либо отчуждать. В тухуме этот участок был в пользовании той семьи, где был в живых самый старший мужской представитель тухума. После его смерти участок механически переходил в другую семью тухума, где был в живых старейший представитель его, а первая семья теряла на него всякие права.

Престарелая представительница тухума Анасхул в сел. Табахлу рассказывает, что на ее памяти такой участок пашни размером в 8 саб дважды переходил в пользование ее семьи. В сел. Кумух такой участок размером в 10 саб, расположенный в местности «Къа къурув», был в пользовании тухума Кадинахул.

В исследуемое время имущественного равенства внутри тухума не было, в состав каждого тухума могли входить богатые и бедные семьи.

В XIX в. различались привилегированные и бесправные тухумы. К числу бесправных принадлежали тухумы, основоположниками которых были рабы (лаги). В число бесправных попадали и выходцы из других мест Дагестана и даже из других аулов Лакки. Они не имели в данном селении ни пашни, ни покосов и вынуждены были заниматься ремеслом или наниматься на сельскохозяйственные работы к хозяевам угодий.

* * *

В общественной жизни лакцев в исследуемое время значительное место занимали разнообразные праздники, игры, развлечения. Как у всех народов Дагестана, очень торжественно отмечались мусульманские праздники. Из доисламских праздников в XIX—начале XX вв. у народов Дагестана был очень популярен праздник выхода плуга, который у лакцев назывался «къурдаккаву» (дословно: «праздник пашни») или «къарас шаву» (дословно: «тронуть сохой»). Отмечался он обычно в конце февраля—начале марта, перед началом весенних полевых работ.

До совершения обряда выхода плуга никто не имел права начинать весеннюю пахоту. Считалось, что урожай хлебов, обилие влаги для полей зависит от удачливости пахаря, про-

ведшего первую борозду. Поэтому первым пахарем старались выбрать человека, известного «легкостью руки» — «ква савовса». Праздник этот в больших селениях проводился ежегодно одним из кварталов селения в порядке очередности. Со всего квартала заранее несли продукты к строителю праздника и пахарю «кунначу».

Для проведения обрядовой борозды не требовалось выхода на настоящую пашню. Проведение борозды было чисто символическим актом, означавшим начало полевых работ, и могло быть произведено даже на чьем-нибудь пумне. Пахарь одевался в овчинную шубу на выворот, что согласно принципу имитативной магии «подобное вызывает подобное» должно было обеспечить лустые всходы, обильный урожай. Пахарь с плугом, в который были запряжены быки, в сопровождении сельчан выходил на обусловленное место. Как только «кунначу» трогался в путь, мальчики начинали осыпать его и сопровождающих его людей комьями земли и снега. Это «осыпание» представляло собой магический акт, который должен был содействовать обилию урожая: как в изобилии сытались на пахаря комья земли, так же обильно должен был потом идти дождь и сыпаться хлеб в закрома⁵¹.

При проведении первой борозды в нее бросали куски хлеба, сласти, которые подбирались детьми. Первоначально это представляло, по-видимому, акт умиловительной жертвы.

Угощением на «къурадаккаву» служили вареное мясо, хлеб, буза. В некоторых селениях «къунначу» поднимал последний рог бузы за определенное лицо из другого квартала, которое он предлагал назначить пахарем на будущий год.

Праздник повсеместно сопровождался соревнованиями в скачках, в беге юношей, девушек и детей.

Лошадь, занявшую первое место в скачках, девушки обшивали шелковыми платками. Все присутствовавшие на скачках награждали победителя определенным количеством зерна (до 1 пуда). Хозяин же победившей лошади устраивал угощение сельчанам осенью, после жатвы.

День первой борозды является древнейшим земледельческим праздником народов Дагестана и имеет аналогии у многих народов земного шара⁵².

Другим очень популярным праздником, ежегодно отмечаемым лакцами, был праздник начала весны «интил хху» (дословно: «ночь весны»). Во многих странах мусульманского Востока этот праздник носит название «навруз байрам»

⁵¹ Г. Ф. Чурсин. Праздник «выхода плуга» у горских народов Дагестана. Известия Кавказского историко-археологического института, т. V, Тифлис, 1927, стр. 43.

⁵² См. Г. Ф. Чурсин. Указ. соч., стр. 58. Дж. Фрэнгер. Золотая ветвь, вып. II, Л., 1928, стр. 126—132.

и считается встречей нового года. «Интнил хху» был совершенно свободен от обрядов мусульманской религии. Некоторые исследователи считали, что «встреча весны ведет свое начало со времени древнеперсидского влияния на дагестанских горцев и вполне соответствует древнеперсидским праздникам в честь солнца и огня»⁵³. Считалось также, что этот праздник был установлен основателем древнеперсидской языческой религии Зороастром⁵⁴.

Праздники в честь тепла, весны и солнца были известны в языческой древности и народам Европы. У лакцев также солнце было в древности основным языческим божеством.

Отмечался этот праздник три дня—21, 22 и 23 марта.

За несколько дней до праздника начиналась деятельная подготовка к нему. Женщины мололи на ручной мельнице зерно в крупу для приготовления ритуальной каши «кьурун-кьуса», которая являлась обязательной составной частью церемонии встречи весны и варилась в первый вечер праздника. Блюдо это называлось и иначе — «кьатта тату» (чтобы дома было пусто). В остальные две ночи принято было готовить пельмени с яичной начинкой и плов. Матери пекли для детей ритуальные хлебцы «барта» и «гьивх риршу ччатГру».

В ритуал этого праздника входили обрядовые гадания девушек. За несколько дней до праздника они приготавливали корни травы «турлан» (дурман), которые имели форму человеческой фигуры. Выкопать этот корень должна была женщина пожилого возраста, так называемая «чистая женщина», а не сама девушка⁵⁵. При выкапывании корня соблюдались определенные предосторожности, чтобы его не коснулся солнечный свет, а также, чтобы сохранить все его ответвления в целостности. Обмыв корень молоком и завернув в шелковый лоскут, девушка клала его под подушку в первую ночь праздника. Во вторую ночь для этой же цели использовалось 9 камешков с крыши какого-нибудь трехэтажного дома или такое же количество зерен жареного голого ячменя; в третью ночь — ядро грецкого ореха, освобожденное от скорлупы без малейшего повреждения его.

В одну из этих ночей девушка должна была увидеть во сне своего суженого или кого-нибудь из родственников своего

будущего мужа. В некоторых аулах (Куба) девушки ели перед сном «цил гурга» — хлебец, выпеченный из теста, состоящего наполовину из соли. По поверью, девушку должна была напоить во сне водой будущая свекровь. В других аулах (Хурукра) в одну из трех праздничных ночей девушки выходили с лукошками пепла в какой-нибудь спокойный уголок вне помещения и высыпали пепел из лукошка, высоко подняв его над головой, так как верили, что воздушное течение унесет пепел в ту сторону селения, где живет будущий жених девушки. Перед сном из печи «кара» в углубление перед ней «вилах» выгребали свежую золу и, тщательно разровняв ее, оставляли на ночь. Считалось, что если утром на золе обнаружится след сапога, девушка выйдет замуж за состоятельного человека, а если след чарыка — ей предстоит выйти замуж за пастуха.

Кроме того, в первые три ночи весны девушки гадали, подслушивая разговор соседней, и по первой фразе узнавали свою судьбу на весь год: «сиди на месте» означало, что в этом году девушка замуж не выйдет, «поезжай», «иди» — наоборот.

Наиболее радостным был этот праздник для детворы. Она особенно любила такое развлечение: за несколько дней до него дети заготавливали из глины лучшего качества большое количество шариков, в которые с двух сторон вставляли стебельки сухого бурьяна; для метания их из шерстяной пряжи изготовлялась особая праща с углублением в центре, к краям которой пришивались тесемки (эта праща называлась «урунна»). Засохший глиняный шарик с подожженными стебельками бурьяна вставлялся в пращу, а концы тесемки закатывались рукой особым образом, так, чтобы один из них можно было свободно выпустить. Затем начинали описывать в воздухе круги пращой, придавая руке вращательное движение, все время ускорявшееся, а потом одна сторона тесьмы отпускалась, и шарик «тГурши» с огненными хвостиками летел по воздуху, описывая круги, а затем падал и с треском лопался.

В эту ночь принято было также «замбаранг битан» («производить взрывы»). Для этого в камнях выдалбливались ямки, в них насыпался порох, а сверху отверстие закрывалось деревянной пробкой. Затем к краю ямки подносили огонь и камень взрывался.

Описанные развлечения были небезопасны для здоровья и имущества жителей, так как из-за них часто возникали пожары или наносились увечья людям. Тем не менее этот обычай был настолько популярен, что удержался вплоть до последних лет.

Кульминацией всего этого праздника было разжигание костров.

⁵³ Вейденбаум. Заметки об употреблении камня и металлов у кавказских народов. Изв. КОРГО, вып. IV, № 3, 1876, стр. 140.

⁵⁴ Б. Алибеков. Праздник «навруз». «Каспий», 1913, № 55.

⁵⁵ Это отголосок широко распространенного в прошлом у многих народов мира отношения к женщине во время определенного физиологического состояния ее как к чему-то нечистому, обладающему губительной силой. См. Дж. Фрэзер. Золотая ветвь, вып. IV, М., 1928, стр. 127—139.

На наш взгляд, весь комплекс действий в ночь весеннего равноденствия представляет собою совокупность магических действий, совершаемых с целью изгнания зимы, холода и помощи весне вступить в свои права. Об этом красноречиво свидетельствует и так называемая «каменная война» мальчиков, которая начиналась почти во всех лакских селениях в 20-х числах марта. Мальчики селения делились на две партии и метали пращей друг в друга камни. Часто в «войне» участвовали и взрослые. Все это кончалось иногда увечьями и ранениями.

По-видимому, «каменная война», а также метания шариков «Гурши» и взрывы камней являются пережитками инсценировки борьбы лета и зимы, известной во многих странах мира в древности и в средние века⁵⁶. Возможно, что в древности обе партии дерущихся бывали одеты соответствующим образом, изображая лето и зиму. Однако в сел. Кумух сохранился за этими двумя дерущимися группами название «ромулак арьял» (римский строй) и «лакрал арьял» (лакское войско), что вместе с другими фактами дает основание полагать, что у Кумуха в древности происходили сражения с какими-то отрядами римских войск⁵⁷.

Нам думается, что название партий дерущихся имеет несколько более позднее происхождение, чем сам обряд. Скорее всего, воспоминания об исторических событиях дополнительно влились в древнейший обряд изгнания зимы. На такое предположение нас толкает и то, что такая «война» была известна во многих лакских селениях, но нигде, кроме Кумуха, она не сохранила в названии воспоминания о римлянах.

В сел. Цовкра II в первый день весны девушки и юноши шли на гору напротив аула и катили с нее каменные круги, причем каждый квартал селения имел свой круг.

В общественной жизни лакцев в исследуемое время значительное место занимали всевозможные игры взрослых и детей. Старинной лакской игрой была «квил-тарх» (чижик). На конце большого камня, слегка приподнятого с одной стороны, помещали особое устройство чижик «квил», а дальше на расстоянии 10—50 шагов друг от друга устанавливали кучки камней. Затем уславливались об определенном числе, до которого следует продолжать игру, и делились на две партии. Та партия, которая первой достигала назначенного числа ударов, считалась выигравшей и имела право на угощение со стороны проигравшей.

Большой популярностью пользовались всевозможные спортивные состязания: скачки, к которым специально готовили

лошадей, метание камней, борьба, игра в мяч, бег вперегонки, прыжки в длину, стрельба в цель.

В конце XIX в. в Лаки большое распространение получают шахматы и шашки⁵⁸.

Среди детей были популярны игры: «лакIрай букваву» (прятки), «акку-заккухъай букваву» (Акку, Закку—мужские имена). Игры девочек были: «Маллахъай букваву» (Малла—женское имя), «Азайхъай букваву» (людоедка Азай), «ХюнхючIиртай букваву» (игра в пять камешков). Возможно, что последняя игра имеет древние истоки, восходящие к культу солнца. В исследуемое время существовала какая-то необъяснимая причинная связь между игрой в камешки и засухой, так как в засушливое лето взрослые запрещали девочкам эту игру. Кроме того, известно, что бросание небольших булыжников в воду с нашептыванием молитв у лакцев, как и других народов Дагестана, сопровождало обряд вызова дождя.

Мальчики увлекались игрой в бабки—«алчимайрттай букваву». Р. Г. Маршаев в результате установления соответствующих аналогий у многих народов Кавказа пришел к выводу, что эта игра в прошлом была связана у лакцев с поклонением огню⁵⁹.

Передовая лакская молодежь искала возможности проводить досуг более содержательно. В 1908 году 35 прогрессивно настроенных молодых людей селения Кумух направили военному губернатору Дагестанской области ходатайство об открытии в Кумухе общественной читальни. Однако открыть читальню не разрешили из боязни, что она может стать «рассадником в округе противоправительственных и других вредных идей»⁶⁰.

С установлением Советской власти в Дагестане в общественном быту лакцев произошли коренные изменения. В быт лакцев прочно вошли новые советские и международные праздники: 7 Ноября, 8 Марта, 1 Мая. Однако наряду с этими праздниками продолжают бытовать и некоторые древние праздники, которые в советское время подверглись переосмыслению, потеряв свою религиозную окраску и магический смысл. Так, день первой борозды, отмечаемый теперь колхозами, мыслится как символическое начало весенних полевых работ, как демонстрация готовности к ним.

На этом празднике присутствуют все колхозники, а также представители общественных организаций селения и района.

⁵⁸ А. Т. Васильев. Указ. соч., стр. 76.

⁵⁹ Р. Г. Маршаев. Лаки с древнейших времен до VII в. РФИ, ф. 3, оп. 1, д. 51, л. 14.

⁶⁰ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 68, л. 1—5.

⁵⁶ См. Фрэзер. Золотая ветвь, вып. III, М., 1928, стр. 30—31.

⁵⁷ См. С. Габиев. Лаки, их прошлое и быт, стр. 7—8.

Все собравшиеся на праздник вместе с заранее назначенным, традиционно одетым в вывернутую шубу пахарем отправляются в поле. Проведение первой борозды сопровождается, как и прежде, осыпанием пахаря снежками и комочками земли, но пахарь теперь вместо прежней молитвы произносит пожелание: «гъаргъарагъи дакъиннав, хъу духъяннав, лухччинул чІан дуцІиннав, чІаллул бакІ дуцІиннав, сурду къалмул буцІиннав» — «пусть будет достаточно осадков, пусть поле хорошо уродится, пусть земля плотно закроется всходами, зерном нальется колос и сундуки наполнятся зерном». Затем следует угощение, скачки, соревнования в беге.

В последние годы большой популярностью стало пользоваться празднование дней рождения детей, на которые приглашаются как дети, так и взрослые. Но дни рождения взрослых членов семьи по-прежнему не отмечаются.

Во внедрении в современный общественный быт села новых форм проведения досуга большую роль играют сельсоветы, женсоветы, советы старейших, комсомольская организация.

Добрая слава идет о делах созданного в Кумухе совета старейших, состоящего из пенсионеров. Почти все они бывшие участники гражданской войны, а затем мирного строительства. Они ведут важную общественную работу, дружат со школьниками и молодежью селения, рассказывают им о жизни лакцев в прошлом, о красных партизанах, о своих встречах с крупными революционерами-большевиками. Вечерами члены совета старейших со свежей газетой в руках посещают «курча» — традиционное место отдыха пожилых людей и рассказывают присутствующим о событиях в нашей стране и за рубежом.

Большая роль в культурном преобразовании колхозного села принадлежит женсоветам. Так, в настоящее время в одном только Новолакском районе работает 11 женсоветов, в составе которых насчитывается 165 человек.

По инициативе женских советов при каждой сельской школе организованы родительские университеты культуры. В этих университетах учителя и учительницы выступают перед родителями с лекциями на темы: «Как сервировать стол», «Как принимать гостей», «Уход за ребенком» и т. д.

Благодаря успешной работе женсоветов, в Новолакском районе нет случаев отрыва девушек от учебы в школе. Следует отметить и возросшую активность женщины-горянки во всех сферах общественной жизни. Так, в 1965 году из 7 председателей сельсоветов Новолакского района было 4 женщины.

Университеты культуры функционируют и при всех районных домах культуры. В 1965 году Новолакским домом культуры был проведен вечер молодоженов, на который были

приглашены все лица, вступившие в брак после 1960 года, а также пожилые супруги, прожившие вместе много лет. Присутствовавшие прослушали лекции: «Брак и семья в социалистическом обществе», «Что такое любовь», а затем выступали пенсионеры и молодожены. Подобные вечера были проведены во многих населенных пунктах района.

В последние годы в Новолакском районе практикуется присуждение звания «Отличная семья» с вручением красного вымпела семьям, где оба супруга отлично трудятся, а дети хорошо учатся. Пять семей в районе уже имеют красные вымпелы «Отличная семья». Так, в семье Халиловых, имеющей красный вымпел, муж Исмаил, участник Великой Отечественной войны, работает инструктором райкома партии, жена трудится в колхозе. Супруги имеют 9 детей. Старший сын окончил радиотехнический факультет Дагестанского университета, второй сын учится в Педагогическом институте, дочь окончила медицинское училище, остальные дети хорошо учатся в школе. В селении Ново-Кули вымпелом «Отличная семья» награждены семьи Джавруева и Габиева. В последней семье муж — чабан, жена и пятеро детей тоже работают в колхозе, а одна дочь учится в педагогическом училище в г. Буйнакске. В 1964 году был проведен вечер чествования этой семьи в районном Доме культуры. Вся семья сидела в президиуме собрания. Выступивший на вечере председатель колхоза рассказал о семье Габиевых, о ее трудолюбии. В этот вечер семье Габиевых было присуждено звание «Семья коммунистического труда» с вручением ценных подарков от колхоза (шифоньера и дивана). Одновременно дочь Габиевых, колхозная доярка, получила вымпел передовика производства.

Велика и роль первичной комсомольской организации в общественной жизни современного селения. Комсомольцы являются организаторами кружков политграмоты, лекториев, диспутов, вечеров вопросов и ответов.

Досуг колхозной молодежи повседневно организуют клубы, дома культуры с большим числом различных кружков, сельские библиотеки. Участники художественной самодеятельности выступают перед односельчанами, а также выезжают с концертами на кутаны и в другие районы республики.

ИДЕОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА

§ 1. РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ

В XIX веке религиозные верования и обряды лакцев представляли собою синтез наслоений различных периодов истории народов Дагестана. Домусульманские верования и обряды причудливо переплетались с мусульманскими, а во многих случаях проявлялись даже ярче, чем последние, хотя обязательным атрибутом обрядов являлась молитва из корана.

Поскольку у всех народов Востока мусульманские верования и обряды одинаковы, мы подробно останавливаться на них не будем, за исключением тех случаев, когда мусульманский обряд претерпел на местной почве существенные изменения.

До принятия ислама лакцы, как и другие народы Дагестана, были, по-видимому, язычниками. Как язычники, лакцы поклонялись различным явлениям и силам природы. Еще в конце XIX—начале XX вв. у лакцев сохранялись пережитки культа огня, камня.

Пережитки культа огня были связаны прежде всего с поклонением солнцу. С. Габиев писал: «Главное место в ряду богов у лаков занимало солнце, которое воображали они себе в виде прекрасного юноши, озаряющего и согревающего весь дивный мир»¹.

Пережитками культа солнца у лакцев являлись ритуальные танцы «гиргичу», «сапа», которые в древности, возможно, были связаны с какими-то обрядами, посвященными солнцу. Согласно устным преданиям лакского народа, танец «гиргичу» в древности исполнялся вокруг озера. Он имел крутовой рисунок и в древности несомненно был элементом не дошедшего до нас обряда солярного культа, который по-видимому сопровождал все важные явления в жизни народа. По преданию, в Казикумухе после избрания шамхала все его подданные исполняли этот танец вокруг озера «Къун бяр». В XIX веке он имел ограниченное применение — на свадьбах, и то не во всех селениях.

¹ С. Габиев. Лаки, их прошлое и быт, стр. 10.

Другой танец «сапа» по рисунку несколько отличался от «гиргичу»: «сапа» состоял не в плавном движении по кругу, а наоборот, женщины двигались по кругу вприпрыжку (в отличие от «гиргичу», «сапа» исполнялся только женщинами). Эти женщины, являясь факелоносцами при свадебном поезде, продвигались вперед, описывая с огнями круги.

Пережитки культа солнца сохранились и в широко распространенных у лакцев играх в альчики и камешки, так как ничем иным нельзя объяснить то, что эти игры категорически запрещались детям во время засухи.

Поклонение солнцу тесно связано с поклонением огню вообще. Как указывалось выше, в ночь на 20—21—22 марта лакцы разжигали большие костры, целью которых было помочь весне отогнать зиму и вступить в свои права². Огню приписывалась могучая целительная и очистительная сила. Недаром каждый год в ночь весеннего равноденствия все лакцы, вплоть до больных и стариков считали своей обязанностью прыгнуть через костер. Характерны слова, которые при этом произносились прыгающими: «Тул цуцIаву цIарыххун, цIуллушиву чурхьаххун» — «моя болезнь — огню, здоровье — телу».

Наиболее ярко очистительная роль огня проявлялась в свадебных обрядах лакцев, когда невеста по пути в дом жениха должна была дважды пройти мимо горящего костра: при выходе из родного дома и при входе в дом жениха. Возможно, в более раннее время она обязана была перепрыгнуть через костер.

Древние лакцы верили в магическое действие огня, как оберега от враждебных сил. Отсюда факелы, а позже зажженные лампы в свадебной процессии, даже когда она двигалась в светлое время дня. Огонь родного очага должен был охранять девушку по пути в дом жениха и, донесенный до ее нового жилища, служить здесь на первых порах ее защитой.

Почитание огня является также истоком культа очага. Не случайно придавалось большое значение целостности домашнего очага. Родственники женщины, разошедшейся с мужем, предпринимали попытки разрушить очаг в доме ее бывшего мужа, а бывший муж и его родные, зная этот обычай, были осторожны, чтобы не допустить этого. Самыми страшными проклятиями лакцев являлись слова: «Вил къатта чуччивуй, вилах лишивуй» (дословно: «Чтоб твой дом сгорел, чтобы потух твой очаг»), «Вил къатлуву цIу лишивуй» (дословно: «Чтобы в твоём доме потух огонь»).

² См. С. Ш. Гаджиева. Кумыки, стр. 322—323; З. А. Никольская. Религиозные представления и земледельские обряды аварцев. «Вопросы истории религии и атеизма», VII, 1959, стр. 322.

Наличие угольков в погребениях раннего средневековья свидетельствует о том, что культ огня играл в древности известную роль в погребальном обряде лакцев³.

Несомненно, весьма древним является у лакцев и культ камня, скал. Живя среди скал, по соседству с валунами, лакцы видели в некоторых из них, отличавшихся от обычных камней цветом, формой или размерами, проявление неведомых грозных сил. До недавнего времени на полях сел. Табахлу у дороги, ведущей в Кумух, лежал валун «абъгу бай кьун» (дословно «валун, который мажут жиром»). Жители окрестных селений, у которых сбылось какое-либо их заветное желание, мазали этот валун жиром. О табахлинском камне существуют следующие легенды.

Согласно одной из них, сын подземного царя влюбился в земную девушку и женился на ней. Но так как он не хотел, чтобы его жена находилась в подземном царстве, они решились бежать оттуда. Подземный царь послал погоню, и когда их уже догоняли, юноша попросил всевышнего превратить их в мечеть с будуном в ней. Эта просьба исполнилась, а сбитые с толку преследователи вернулись и сказали, что они никого не видели, кроме будуна в мечети. Разгневанный царь понял, что сын провел его и приказал возобновить погоню. Вскоре гонимые вернулись вновь и заявили, что на поверхности ничего и никого нет, кроме небольшого озера и селения с луткой. Царь понял, что его одурачили во второй раз, и приказал непременно поймать беглецов. Когда молодые люди увидели, что им нет больше спасения, они обратились к богу с просьбой превратить их в камень. Их желание сбылось, а люди стали почитать этот камень и смазывать его жиром.

Другая легенда обряд смазывания этого камня жиром связывает с именем табахлинца Кайдара. Когда враги схватили его в спелой пшенице в полях сел. Табахлу, они привязали его к камню и развели под ним костер. Едва живого Кайдара спас отряд его друга Мехти. Мехти отвязал его от камня, поднял на руки и крикнул: «Скорей несите из селения сало или масло». Один из его сподвижников вспорол брюхо своего коня, вынул сало и обернул им Кайдара. Кайдар открыл один глаз, посмотрел на окружающих и умер.

На наш взгляд, соединение этого обряда с именем табахлинца Кайдара — явление более позднее, чем сам обряд, который, бесспорно, связан с языческим периодом истории лакского народа.

Такие же валуны были и в других лакских аулах. Так, камень, находившийся в сел. Кая, отождествлялся с женщи-

³ В. Г. Котович, Р. М. Мунчаев, Н. Д. Путинцева. Некоторые данные о средневековых памятниках горного Дагестана. МАД т. II, Махачкала, 1961, стр. 283.

ной. Он также старательно обмазывался женщинами жиром. Согласно существующей легенде, камень представляет собою окаменевшую молодую женщину. Однажды вечером она пошла в хлев и почему-то долго не возвращалась. Раздосадованная свекровь всердцах пожелала, чтобы она превратилась в синий камень. Когда через некоторое время обеспокоенная свекровь спустилась в хлев, она увидела, что невестка в самом деле превратилась в синий камень. По легенде, домочадцы, охваченные благоговейным ужасом, вынесли его на улицу. В дальнейшем камень стал объектом поклонения. Считалось, что для того, чтобы исполнилось желание человека, достаточно смазать камень жиром. Несомненно, эта легенда также возникла много позже обряда, относящегося к тому же языческому культу камня. Более поздняя, чем обряд, легенда пытается объяснить обряд, значение которого во время возникновения легенды было уже непонятно.

У арабского географа Ибн-Русте мы находим сведения о поклонении в Дагестане «сухой голове»: «Во владении царя (Серира, — А. Б.) 20000 ющелей; в них обитали разного рода люди, и у них там поселки и города. Все они поклоняются сухой голове»⁴. Об этом же сообщал Абу Убейдула Абдул ал-Бекри. Про лакцев же, а именно жителей главного аула Кумуха раньше говорили, что они сумеют заставить рычать череп сдохшей лошади — «гумучиял бивкусса чал бак гьегьети байсари»⁵.

Кумух, по сообщениям арабских писателей, являлся одной из крепостей царя Серира⁶.

Ибн-Русте пишет также о владении царя Серира: «когда у них умрет кто-нибудь, то покойника кладут на носилки, выносят его на площадь и оставляют на носилках в течение трех дней. По прошествии этого срока выезжают верхом жители города в латах и кольчугах и являются на площадь; они заносят над покойником, лежащим на носилках, свои копья и кружатся вокруг носилок, причем угрожают (покойнику) копиями, но не наносят ему удара. Я спросил у них о причине таких действий и они сказали: «Был у нас человек; он умер и был похоронен, а по прошествии трех дней крикнул из своей могилы. Поэтому мы оставляем покойника на три дня, а на четвертый день угрожаем ему оружием, так что если дух его хочет вознестись из тела, то вернется обратно к его телу». Обычай этот был введен у них около 300 лет тому назад»⁷.

⁴ Ибн Русте. СМОМіПК, 32, стр. 45.

⁵ Аннотированный список произведений арабских и персидских писателей, отражающих историю Кавказа и Дагестана, РФИ, ф. 1, оп. 1, д. 16, стр. 78.

⁶ Ибн-Русте. СМОМіПК, 32, стр. 49.

⁷ Там же.

Здесь описаны очень древние верования дагестанцев, существовавшие у них задолго до христианства и мусульманства. Этому древнему верованию суждено было в середине XIX в. быть призванным к жизни при весьма интересном стечении обстоятельств. Согласно преданию, после похорон последнего казикумухского хана Аглара из его могилы начали раздаваться стоны. Когда перепуганные муллы решились разрыть могилу, их глазам представилась страшная картина: лицо Аглар-хана было испарано в кровь, волосы выдернуты и кусок савана, которым он был обернут, проглочен умершим. По-видимому, его похоронили в состоянии летаргического сна, и он, проснувшись в могиле, умер в ужасных мучениях. По решению мулл хану отрезали голову, положили в ногах, затем зарезали собаку, бросили ее в могилу и закопали.

У лакцев с древнейших времен существовало поверье: если дать выйти из могилы духу умершего бессердечного человека, получится «ххурттама» («упырь»). Здесь как и в сообщении Ибн-Русте видна боязнь духа умершего. Возможно, возникновение этого поверья было связано со случаями летаргического сна, принимавшегося первобытным человеком за смерть. «Возвращение к жизни» в таких случаях, естественно, не могло не породить всевозможных суеверий.

Когда подобное произошло с последним казикумухским ханом, человеком очень жестоким, древнее поверье лакцев вступило в свои права.

В XIX веке у лакцев сохранялись пережитки веры в «кини» («домового»), «сухасулу» («духа закровов»).

Остановимся несколько подробнее на вере в «кини». Д. Н. Анучин сообщает рассказы о нем: «Это маленький зверек, вроде ящерицы; ему кладут в щели духи или кусочки пищи, если в доме случится несчастье, то говорят — «кини ушла»⁸.

По представлению лакцев, «кини» — это добрый дух дома, но дух пассивный, который помогает дому одним лишь своим присутствием. Если «кини» исчезнет, тогда дому, лишенному покровителя, грозит несчастье. Представляли его себе чаще всего в образе ласки, но полагали, что дух дома может появляться перед его обитателями и в других образах, например, в виде «ххярцу» (паука), «ницилакьи» (шмеля крупного размера) и др. Считалось, что в счастливом доме, которому предопределено благополучие, «кини» ведет себя спокойно, изредка попадаясь людям на глаза. Но если «кини» начинала издавать какие-нибудь звуки, считалось, что она собирается покинуть дом, а без нее дом будет беззащитен от грозящих

⁸ Д. Н. Анучин. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г. Изв. РГО, 1884, т. XX, вып. 4, стр. 439—440.

ему бедствий. За шум, производимый «кини», принимались и звуки, издаваемые сверчком. Считалось, что в этих случаях нужно срочно готовить халву, так как ее запах очень приятен «кини», и она может передумать и остаться в доме.

В древности у лакцев существовала вера и в другого духа — «сухасулу». А. Александров и С. Лобанов, побывавшие в Дагестане в начале XX века, имели возможность зафиксировать это верование. Они писали: «О домовом мы слышали только в Казикумухском и Аварском округах; там называют их Су-ха-Сулу (Су-закром, ха-за, Сулу — собственное имя по-кумухски)»⁹. Как показывает самое название, он является духом закровов и оберегает их.

«Сухасулу», в представлении народа, дух недобрый не только по отношению к чужим, но и к обитателям дома, на которых во время от времени наваливается и душит их.

Происхождение веры в духа закровов сухасулу вполне понятно, если учесть трудности, связанные с выращиванием зерна в горах. Разумеется, в представлении народа дух, охраняющий полученное с таким трудом сравнительно небольшое количество зерна, не мог быть добрым, иначе он не соответствовал бы своему назначению. По народным поверьям, дух этот был невидим, но обладал способностью появляться в образе того или иного животного, чаще кошки. Это и понятно, если учесть, что реальной хранительницей зерна от главных врагов его — мышей, могла быть только кошка.

Следует отметить, что несмотря на казалось бы мужское название Су-ха-Сулу, дух этот мыслился в женском роде. Когда о нем говорили, употребляли женский род, и, кроме того, этот дух, по поверью, носил на шее ожерелье, сорвав которое от сухасулу мог избавиться человек, на которого он навалился. Возможно, здесь мы имеем дело с синтезом двух различных духов мужского и женского пола. Возможно также, что первоначально этот дух — хранитель зерна был женского пола в связи с тем, что в земледелии основную роль играл труд женщины. Переосмысление же его как духа мужского пола могло быть явлением более поздним, связанным с патриархальными отношениями, пришедшими на смену матриархату. Кстати, добрый дух дома «кини» также был женского рода.

Свойство «сухасулу» душить человека, особенно больного, сблизжает его с кумыкским «бастрыкъ»¹⁰.

Вера в духов дома и закровов представляет собой пережиток очень древних верований народа, связанных с тем

⁹ А. Александров и С. Лобанов. Заметки из путешествия по Дагестану. ЭО. 1910, № 1—2.

¹⁰ С. Г. Гаджиева. Кумыки, стр. 327.

периодом истории, когда человек, бессильный перед явлениями природы, находился в постоянном страхе перед ними и верил в добрых и злых духов, помогавших человеку или губивших его.

В древних религиозных верованиях лакцев большое место занимали всевозможные магические представления.

Так, волосы первой стрижки новорожденного не выбрасывали, а, как правило, зашивали в головной убор ребенка. Выпадавшие зубы также не бросали куда попало, а только в определенное место: в гнездо, в котором вращается стержень, держащий ворота. Известно также, что проявлялась определенная забота о последе ребенка: его прятали в надежное место. Во всех этих случаях мы имеем дело с магическим представлением о единстве целого и части — можно было нанести вред человеку через обрезки его волос, ногтей и т. п. Магия плодородия проявляется очень ярко в свадебных и сельскохозяйственных обрядах: в осыпании невесты зерном, а пахаря комками грязи и снега; в шубе, одетой на выворот. Проводившиеся в день первой борозды скачки и соревнования в беге также первоначально имели магический смысл. Здесь осуществлялся принцип имитативной магии: вывернутая шуба пахаря должна была вызвать пустоту посевов, а бег и скачки — быстрый рост растительности. Точно так же в первую ночь весны не мыли посуду, считая, что если помыть ее, посеянное не произрастет хорошо (сел. Сумбатль).

У лакцев, как и у других народов Дагестана, была широко распространена магия родовспоможения. По представлениям лакцев, в случае трудных родов очень хорошо помогало развязывание всевозможных узлов, освобождение всех предметов, заключенных в футляры и т. п.

Лакцам как и другим дагестанцам был известен магический обряд вызова дождя. Он состоял в том, что все жители селения во главе с кадием шли к речке и здесь, собрав большое количество речных камешков, читали над каждым из них молитву и бросали в речку. Затем молодые люди обливали друг друга, а также кадия водой. По мнению Г. Ф. Чурсина, в старое время, чтобы умилостивить разгневанного владыку вод, в жертву ему бросали в реку или в озеро человека. Позднее, вместо того, чтобы топить человека, стали довольствоваться тем, что его только окунали или толкали в воду. Отсюда и ведет свое начало обрядовое обливание друг друга водой¹¹.

У лакцев сохранялись пережитки культа земли в виде отношения к хлебу, как оберегу. Если вечером нужно было

¹¹ Г. Ф. Чурсин. Очерки по этнологии Кавказа. Тифлис, 1913, стр. 58.

куда-нибудь пойти с грудным ребенком, то под его одеяло засовывали кусок хлеба. Ночью старались не выдавать из дома мучку или хлеб (так же, как огонь): считалось, что хлеб в это время спит и нельзя его тревожить.

В разгар лета лакцы обходили свои посевы с молитвой о том, чтобы град не побил урожай, чтобы хлеб уродился высоким, и обводили вокруг посевов жертвенных животных. Этот обряд — «ккъуннил садакъа» (буквально: «полевая жертва») — имел своей целью умилостивить силы природы жертвоприношениями и молениями.

Отзвуком древнейших верований лакского народа являлись всевозможные суеверия. Для суеверного лакца мир был населен духами «джинами», которые действовали в основном ночью. Они жили семьями и выполняли те же работы, что и люди, но к последним были настроены враждебно. Помутнение рассудка у человека обычно приписывали козням джиннов, поэтому там, где это случилось, забивали гвоздь от подковы и об него разбивали яйцо. Железо здесь выступало в роли оберега: гвоздь, забитый в землю, делал это место безопасным для остальных людей. Что касается яйца, то выяснить его значение нам не удалось.

В качестве оберегов на одежду нашивались стальные колечки от кольчуги, кусочки коры серебристой ивы «давдагъар» и всевозможные талисманы с молитвами.

Арабские географы IX—X вв. сообщают о распространении христианства в Дагестане. В частности, говоря о лакском «царстве» Гумик Масуди утверждает, что «жители его христиане»¹².

В этой связи представляет интерес такой этнографический факт. Вплоть до последних десятилетий XIX века жители Кумуха и окрестных селений в день летнего солнцестояния (22 июня) поднимались на соседнюю гору «ВацИилу» и там молились об избавлении полей от засухи и градобития и совершали жертвоприношения. По мнению Л. И. Лаврова, название этой горы «ВацИилу», ничего не означающее на современном лакском языке, находится в прямой связи с былым почитанием осетинами Уац-Иллы, т. е. христианского «святого Ильи», которому осетины; как и лакцы, молились во время засухи и других неблагоприятных для посевов явлений¹³.

Свидетельством бытования в Лакии христианства может служить и форма передней внутренней части Кумухской соборной мечети «Къун мизит». При входе в эту мечеть броса-

¹² Н. А. Караулов. Сведения арабских географов IX—X веков до Р. Х. О Кавказе, Армении и Азербейджане. СМОМПК, вып. 38, Тифлис, 1908, стр. 52.

¹³ Л. И. Лавров. Некоторые вопросы истории лаков. РФИ, ф. 3, оп. 3, д. 2, стр. 203.

ется в глаза несоответствие в плане застройки между передней частью, представляющей собою как бы уголок христианского храма, и всей остальной частью, построенной в обычном стиле восточных мечетей. Надпись на одной из стен внутри мечети гласит, что она была перестроена в XVIII в. Магомед-ханом, а на память лотомству оставлен в неизменном виде уголок старого здания мечети. Старое же здание представляло из себя, по-видимому, приспособленный под мечеть христианский храм.

В прошлом столетии исследователи отмечали наличие в этой мечети интересного посоха. Д. Н. Анучин писал: «В одной из казикумухских мечетей хранится жезл святого Пир-Нахмудина, ударом коего в землю этот святой произвел раз источник воды. Жезл этот помогает в трудных родах. Его обливают водою и воду эту дают пить родильнице»¹⁴. М. Ковалевский, будучи в Кумухе в конце XIX в., видел этот посох, состоящий из четырех кусков черного дерева, связанных тремя костяными кольцами. Ученый отмечал, что костяной набалдашник посоха был той самой формы, какая встречается на армянских епископских посохах: извивающаяся двуглавая змея, пасти которой направлены в противоположные стороны. Местное предание считало его принадлежащим главе того духовенства, которое действовало в Кумухе до внедрения в нем мусульманства¹⁵.

Все вышеизложенное дает основание говорить о бытовании (вероятно, кратковременном) христианства на части лакской территории.

§ 2. НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА И ЗНАХАРСТВО

В народной медицине лакцев, как и других народов Дагестана, рациональные методы лечения переплетались со знахарством и откровенным шарлатанством. По словам Н. Ф. Дубровина, «народная медицина горцев была в руках знахарей и знахарок, мало полезных при лечении внутренних болезней, но отлично изучивших лечение переломов костей и ран, нанесенных огнестрельным оружием»¹⁶.

Очевидцы признавали совершенство горской хирургии. Вылеченные горскими медиками раны не давали о себе знать ломотой или другими болезненными ощущениями в сырую погоду или при резкой смене температуры воздуха. По свидетельству Пирогова, «отнятие членов, вырезывание раздроб-

ленных костей» никогда не предпринималось горскими врачами¹⁷. Тем не менее, если все же приходилось делать ампутацию, производили ее не иначе, как в суставах, простым кинжалом и с незначительной болью. Оставшаяся часть ампутированного места сразу же опускалась в кипящее масло и быстро заживала после этого. Н. Ф. Дубровин отмечал, что в Дагестане не было вовсе или были весьма редкие примеры, чтобы ампутированный юмирал, и в особенности под ножом оператора¹⁸.

Дагестанские хирурги широко использовали в своей практике шкуру только что зарезанного барана. Ею обертывалось большое место или больной человек целиком¹⁹.

В конце XIX—начале XX вв. в сел. Щара нынешнего Лакского района жил известный лекарь Цахай Чанкаев. Это был лекарь-самоучка, опиравшийся в своей практической деятельности на опыт своего отца Мамма-Гаджия, побывавшего в Мекке и овладевшего там начатками арабской медицины. Вместе с тем Мамма-Гаджи прекрасно знал и применял для лечения больных рациональные методы народной лакской медицины; он зафиксировал их в своей рукописи. Сын его Цахай приобрел большую популярность лечением почечно-каменных болезней. Заслуженный врач РСФСР Казаров, работавший в начале нашего века в Лакии и близко знавший Цахая, свидетельствует, что он сам видел телеграммы, полученные Цахаем из Закатал, Шемахи, Кубы, Нухи, в которых больные почечно-каменной болезнью просили Цахая приехать к ним для операции²⁰.

Искусным лекарем в конце XIX—начале XX вв. был и Аркалла из сел. Вихли. Он был известен больше как «костоправ», но брался и за лечение открытых ран.

Надо полагать, что народная медицина стран Востока оказала некоторое влияние на народную лакскую медицину. В частности, это сказалось на составе «хьун дарув» (дословно: «большое лекарство») — универсального средства при болезнях полости рта и носоглотки. В готовом виде это лекарство представляло собою порошок темно-коричневого цвета, который вдвухался в нос через соломинку. В состав его в определенных соотношениях входило 14 компонентов, в том числе кора барбариса, корень растения «макъачи», гвездика, «касмаул ултурту» (разновидность полыни тавриче-

¹⁷ Н. И. Пирогов. Путешествие на Кавказе в 1847 г. «Записки по части врачебных наук», 1848, кн. 3, стр. 165.

¹⁸ Н. Ф. Дубровин. Указ. соч., стр. 584.

¹⁹ Н. И. Пирогов. Указ. соч., стр. 169; И-ч. Состояние медицины в Даргинском округе Дагестанской области. «К», 1889, № 101.

²⁰ С. Казаров. «Дагъустаннал халкъунал медицина». Газета «Шуса хууллу» (на лакском яз.), № 86, 25 окт. 1958 г.

¹⁴ Д. Н. Анучин. Указ. соч., стр. 439.

¹⁵ М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе. Т. 1, М., 1890, стр. 148.

¹⁶ Н. Ф. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1, кн. 1, СПб, 1871 стр. 583.

ской), квасцы, хна и др. Рецепт изготовления этого лекарства был достоянием нескольких семейств в Кумухе, хотя лечение им производилось совершенно бескорыстно. Во второй половине XIX века широко практиковали лечение этим средством Рашкъухъал Салихат, Гьамидхъал Загидат, Иллар Патимаг.

Согласно нашим полевым данным, это лекарство в короткие сроки излечивало ангины, дифтерит и другие болезни.

В народной медицине широко использовались целебные свойства различных диких трав (мята, чебрец, подорожник, конский щавель), пчелиного меда, сливочного масла, копченого курдюка, а также лечебное питание. При простуде и малярии ели пищу, приготовленную из конского щавеля. При ревматизме больное место парили отваром корней крапивы. При воспалительных процессах в полости рта рекомендовалось принятие внутрь молотого барбариса.

При сильных головных болях пили отвар, приготовленный из коры чашечки мака «хунхути», имевшей некоторые наркотические свойства. При острой головной боли применялись также теплые компрессы из трав «папажари» и «узун ликри», вареных в молоке, при постоянных же головных болях мыли голову в отваре травы «лачлал ут».

При заболеваниях горла народная медицина рекомендовала отвар травы «ла» и пироги с начинкой из травы «касмалул уртту». При желудочных болях ели хлебцы с примесью чебреца или мяты. При расстройствах желудка употреблялся настой трав «лякълул уртту», «узун ликри», либо порошок из этих трав добавлялся к обычной еде.

На открытую рану клали травы «шатлул уртту», «щавулул уртту», а кровь из раны останавливали разжеванным листом полевой колючки «мучуч» или подорожника.

В прошлом большое распространение в Дагестане имели кожные болезни, причиной которых являлась антисанитария, скученность жилищ, бедность, отсутствие квалифицированного медицинского обслуживания населения. Способы лечения этих болезней также были известны народной медицине. Так, А. Омаров описывает способ лечения чесотки у лакцев: «Он (лекарь) брал старое сало из бычачьего жира, ставил его на огонь, потом всыпал в сало порошок из пепла старой подошвы и столько же сажи и серы; все это вместе варил и потом мазал мои чесоточные язвы, каждый день утром и вечером»²¹. Целебное действие этого лекарства основывалось, по-видимому, на том, что в состав его входила сера. Существовал и другой способ лечения чесотки, также имевший своей целью отшелушивание пораженной кожи. Для этого в особую глину желтого цвета «мукъачул аьрщи» добавляли соль и мазали

этим составом пораженное место. Когда глина подсыхала, кожа сморщивалась и постепенно отшелушивалась.

Лишай лечили следующим образом. Зерна голого ячменя или овса насыпали на чистую каменную плиту и давили их горячим железным предметом. Вытекшей из зерен желтой жидкостью смазывали пораженное место.

Для лечения застарелых гноящих ран и фурункулов применяли «мальгам» — смесь из равных долей курдючного сала, мыла и меда. Он очищал рану от гноя.

Резюмируя вышеизложенное, можно сказать, что лакская народная медицина использовала некоторые рациональные методы, которые не отрицаются и современной научной медициной: целебные свойства меда и лекарственных трав, обезболивающие свойства некоторых веществ, лечебное питание и т. п.

Наряду с народной медициной, рациональные методы которой вырабатывались на протяжении многих веков эмпирическим путем, сосуществовало знахарство, основанное на всевозможных магических приемах. Так, очень сильна была вера в заболевание людей и домашних животных от сглаза, и если подозревали в этом какого-то определенного человека, то старались незаметно отрезать кончик бахромы платка (если это была женщина) или кусочек другой одежды. Его полагалось сжечь, а пеплом смазать заболевшего человека. Суеверные лакцы полагали, что чем скорее хозяин одежды заметит, что у него отрезали от одежды кусочек материи, тем скорее выздоровеет больной.

Животное, пострадавшее от «сглаза», рекомендовалось обмыть водой уже использованной при обмывании к молитве человеком, от глаза которого пострадало животное.

Существовал способ узнавать, болеет ли человек от сглаза или от чего-нибудь другого. Для этого в железной посудине плавил внутренний жир с кусочком свинца. Затем всю эту расплавленную массу со всего размаха бросали в сосуд с холодной водой. Если при этом масса расплывалась в воде, считали, что причина болезни — сглаз, а если масса падала одним куском, причину болезни нужно было искать не в глазе, а в чем-нибудь другом. Вся эта процедура обычно выполнялась знахаркой.

Если человек хотел избавиться от бородавок, он должен был взять почку свежезарезанного барана, либо несколько овсяных зерен или бобов и, обтерев ими бородавки, закопать в навозе, приговаривая: «ина аву, ва къат уку» (дословно: «ты сгнивай, эта отпадай»). Другим способом избавления от бородавок был следующий: заметив падающую звезду, надо было дотронуться до бородавок и сказать: «Аллав, цукуй, тлул чунтлу» (дословно: «ой, звезда, моя бородавка»). По-

²¹ А. Омаров. Воспоминания муталима. ССКГ, вып. 2, стр. 4.

видимому, здесь вусеченной форме выражено пожелание, чтобы бородавки исчезли так же быстро, как свет падающей звезды.

Заболевания центральной нервной системы лечились муллами и знахарями с помощью молитв и талисманов.

Согласно магическим представлениям, больного человека можно было излечить путем передачи болезни другому лицу. Для этого где-нибудь на улице или на дороге складывалась пирамида из камней, на которые плюнул больной. Считалось, что болезнь перейдет к человеку, разрушившему пирамиду (случай «контактной» магии).

Официальное здравоохранение в Дагестане вообще, и в Лакии в частности, стояло на очень низком уровне. Так, по данным 1897 года в Казикумухском округе с числом жителей 33264 был только один врач, два фельдшера и два оспопрививателя, имелась одна аптека²². При столь малочисленном медицинском персонале в округе любое инфекционное заболевание принимало размеры эпидемий. Эпидемии натуральной оспы, кори, скарлатины, дифтерита, тифа сменяли друг друга. Инфекционные болезни косили особенно много детей. Врачей и средних медицинских работников из среды лакцев не было до самой Октябрьской революции. Тем благороднее был труд врачей и медицинских работников—представителей других национальностей, помогавших населению в борьбе с болезнями. В разное время в Казикумухском округе работали русские врачи Н. М. Трипольский, Ф. Я. Сивицкий, Н. Данилов (60-е годы XIX в.), И. И. Фирсов (прибыл в Казикумух в 1884 г.), И. Фалецкий (1901—1903 гг.), И. Е. Печников (1907—1913 гг.), фельдшер Ф. И. Балянис (1882—1907 гг.), аварец М. Дебилов (1907—1914 гг. и вновь с 1919 г.), повивальная бабка Сластуженская (1901—1902 гг.). В 1916 году в Казикумухский округ приехал работать врачом лакед родом из с. Табахлу Ибрагим Камилович Макуев, окончивший медицинский факультет Харьковского университета.

Первым врачом в нынешнем Кулинском районе (в сел. Кая) был приехавший сюда в 1913 году С. М. Казаров, позже заслуженный врач РСФСР.

После установления Советской власти в Дагестане были приняты действенные меры к организации здравоохранения. По данным 1964 года, в трех лакских районах функционирует 55 фельдшерско-акушерских пунктов²³. В каждом районном центре имеется районная больница, амбулатория, родильный дом с большим количеством врачей и средних медицинских

работников, в последние годы — исключительно из числа лакцев. Средний медицинский персонал в районах состоит сейчас в основном из женщин и девушек. Имеется немало лачек и с высшим медицинским образованием, работающих как в лакских, так и в других районах и городах Дагестана.

²² ЦГА ДАССР, ф. 2. оп. 1, д. 12, л. 10.

²³ Советский Дагестан за 45 лет. Статистический сборник, Махачкала, 1965, стр. 116.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Лаксы, как и другие народы Дагестана, являются на своей территории древнейшими насельниками. Это доказывается всем комплексом археологических, лингвистических и антропологических данных.

Отсутствие письменных источников затрудняет исследование древней истории лакцев. Однако можно считать установленным, что в раннее средневековье Лакия являлась одним из феодальных образований Дагестана и так же, как они, неоднократно подвергалась нашествиям иноземных завоевателей.

К XV—XVI вв. относится усиление казикумукского шамхальства. В середине XVII в. лакские шамхалы перебираются на плоскость, а в Кумухе из представителей побочной ветви семьи шамхалов знать избирает правителя—«хахлавчи».

С 1712 года «хахлавчи» получают титул «хана», власть их становится неограниченной и переходит по наследству. Отныне и до 1858 года лакские правители именуются «ханами казикумукскими».

XIX век характеризуется в Лакии развитыми феодальными отношениями. В первой половине века лакский хан являлся одним из крупнейших феодалов Дагестана. Особенности феодализма в Лакии вытекали из горного рельефа Лакии и связанного с ним уклада хозяйства. Лакские феодалы получали ренту отработкой, продуктами, а со второй половины XIX века и деньгами.

В XIX веке господствует принцип частной собственности на пахотные участки и частично на сенокосы. Одновременно бытуют пережитки былой общинной собственности на них (сервитуты барт-урту, духра, ках). В конце же XIX в. начинается проникновение в хозяйство Лакии элементов капитализма.

Для XIX—начала XX вв. характерны общая отсталость хозяйства Лакии — оно не обеспечивало потребностей населения в продуктах питания. В большей мере это относится к земледелию, которое из-за недостатка земель, пригодных для обработки, и примитивности техники не обеспечивало население хлебом больше чем на 3—4 месяца в году. Недостаток хлеба восполнялся привозом его с предгорья и плоскости.

Вплоть до XIX века сохранились выработанные веками трудовой деятельностью народа навыки и традиции ведения земледельческо-скотоводческого хозяйства, сельскохозяйственный календарь. При этом натуральный характер хозяйства и наличие необходимого сырья способствовали раннему возникновению и развитию разнообразных кустарных промыслов, а затем и ремесел.

Отдельные лакские селения специализировались в разных отраслях ремесленного производства. Колесные дороги, которые после окончания Кавказской войны связали Лакию с другими частями Дагестана, безопасность проезда по дорогам, нарастающее обезземеление трудового крестьянства и обнищание народных масс — все это способствовало усилению отходничества.

Изучение материальной культуры лакцев показывает, что она на всех этапах своего развития была неразрывно связана с материальной культурой соседей, что говорит о культурно-экономической общности народов Дагестана, которая объясняется одинаковыми условиями жизни, одинаковым типом земледельческо-скотоводческого хозяйства и т. д.

При выборе места для поселения лакцы руководствовались благоприятностью как естественно-географического фактора (близость земельных угодий и источника воды, обилие солнечного тепла), так и оборонного фактора. Форма и планировка поселений были тесно связаны с топографическими условиями местности, со стремлением сэкономить землю, пригодную для возделывания. Для лакских селений XIX в. характерны скученность и теснота. Селения большей частью имели вертикальную планировку и располагались амфитеатром на склонах гор.

Исторически развитие лакского поселения шло от небольших тухумных поселков через территориально-тухумные селения к территориальным. Советский колхозный аул является уже новым типом лакского поселения.

Жилище лакцев, как и других народов Дагестана, прошло долгий путь развития от однокамерного примитивного жилья и в XIX в. являлось многокамерной постройкой.

Отопительная система лакского жилища эволюционирует от центрального очага к пристенному камину (что наблюдалось и у других народов Дагестана). Вместе с тем в лакском жилище XIX в. имелась оригинальная отопительная система, очень простая и в то же время эффективная — обогреваемая лежанка. Можно предполагать, что это результат дальнейшего усовершенствования системы обогрева лежанок в жилищах Верхнегунибского поселения эпохи бронзы и Сигитминского городища.

Конструктивной особенностью лакского жилища является

то, что для поддержки центрального прогона потолка употребляются, кроме опорных столбов, выступы от двух противоположных стен, на которых покоятся концы матицы. Для интерьера лакского жилища первой половины XIX века характерно почти полное отсутствие мебели. Она начинает появляться с конца XIX—начала XX в., прежде всего в домах состоятельных людей.

Одежда лакцев в XIX в. имеет много общего с одеждой других народов Дагестана и всего Кавказа. Мужская одежда была в основном общекавказского типа, что объясняется большой подвижностью мужской части населения Лакии.

Нижнего белья лакцы до революции не знали—нательной одеждой как мужчин, так и женщин, была рубашка туникообразного покроя. Платье-рубашка туникообразного покроя «лакью гухъа» (лакское платье) было национальной одеждой лакских женщин.

Со второй половины XIX в. в Лакию проникает с плоскостями распашная одежда — «бузма». Вместе с нею были заимствованы и способы украшения нарядной одежды галуном, кружевами и т. д.

Следует, однако, отметить, что в одежде лакцев наряду с чертами, роднящими ее с одеждой других народов Дагестана, замечается и немало своеобразного.

В конце XIX—начале XX вв. отдельные заимствования у народов Кавказа и внутренней России можно обнаружить во всех отраслях материальной культуры лакцев: в интерьере жилища и во внешнем его виде, в одежде, пище. Это объяснялось тем, что отходники, месяцами и годами жившие вдали от родины, приносили домой элементы культуры тех народов, с которыми они соприкасались.

Основной формой семьи у лакцев в XIX—начале XX вв. является малая семья, но, как пережиточное явление, сохраняются и большие, так называемые «отцовские» семьи, представлявшие собою явление вторичного порядка, а не остатки архаической семейной общины.

Основой общественной жизни лакцев в XIX в. было сельское общество — джамаат. Место ранее существовавших кровнородственных связей давно и прочно заняли связи соседские. Однако в ряде случаев отчетливо прослеживалось единство, в основном идеологическое, более узкой, чем тухум, группы семей — патронимии. Тухумные же связи прослеживались более глухо.

В общественной жизни лакцев в XIX—начале XX вв. значительное место занимали праздники, мусульманские и доисламские. Вплоть до этого времени в Лакии сохранялись довольно сильные пережитки наиболее древних доисламских

верований. В народной медицине рациональные методы лечения переплетались со знахарством и шарлатанством.

Великая Октябрьская социалистическая революция положила начало коренным преобразованиям в экономике, быту и культуре лакского народа. Победа колхозного строя предоставила лакцам широкие возможности для разностороннего развития хозяйства. Наиболее ярко отразились преобразования в материальной культуре народа: произошли изменения в планировке жилища, увеличилось количество комнат, изменилась система освещения и отопления. Все эти изменения базируются на возросшем уровне материального благосостояния и культуры семьи. Особенно интенсивно преобразуется интерьер. Если в XIX в. для лакского жилища было характерно почти полное отсутствие мебели, то в начале XX в. в некоторых домах появились кровати, столы, стулья. В последние годы все больше выходят из употребления громоздкие и неудобные предметы (комоды, сундуки) и все больше внимания при подборе обстановки для жилища обращается на удобство и современность мебели.

Новая часть лакского селения с широкими улицами и новыми домами представляет резительный контраст со старой частью. Но и старые жилища в пределах возможного перестраиваются, расширяются и благоустраиваются.

Одежда является наиболее быстро изменяющейся частью материальной культуры народа, и в настоящее время национальная одежда лакцев все более вытесняется одеждой общеевропейского городского типа. В мужской одежде этот процесс почти полностью завершился. В женской одежде национальный покрой сохранился только в одежде пожилых женщин, но и здесь во многих случаях он подвергся некоторой модернизации. Молодые же женщины и девушки носят одежду современного городского типа. Все больше вытесняются национальные формы и в детской одежде; для детей старше 1,5—2 лет используют в основном покупную одежду.

Социалистическая семья строится на отношениях взаимной любви и равноправия мужчин и женщин. То, что все взрослые члены семьи трудятся и каждый из них является человеком вполне самостоятельным и независимым, способствует развитию чувства взаимного уважения, особенно уважения к женщине. Старшие члены семьи больше стали считаться с мнением невестки и молодых девушек. Во многих случаях женщина сама решает те или иные существенные вопросы семейной жизни.

Некоторые обряды традиционного семейного быта исчезли. Однако в обрядах свадебных и связанных с рождением ребенка, а также похоронных сохраняется еще много традиционных элементов. Наряду с отмиранием изживших себя,

сохраняется ряд обычаев, играющих положительную роль и в современном быту (гостеприимство, взаимопомощь и др.). Появилось и много нового: отмечаются праздники, общие для всех советских народов, день рождения ребенка и т. д.

Резко изменился характер использования досуга. Свободное время употребляется теперь на приобретение политических и научных знаний, на чтение художественной литературы. В домах культуры и клубах работают различные кружки, выступают приезжие артисты и участники художественной самодеятельности, демонстрируются кинофильмы.

Разительные перемены произошли в области здравоохранения. Почти полностью исчезли заболевания, порожденные тяжелыми условиями жизни народа (кожные заболевания, туберкулез и т. д.). Число лечебно-профилактических учреждений в республике, в частности в лакских районах, растет из года в год.

После установления Советской власти в Дагестане началась ликвидация тяжелого наследия прошлого — массовой неграмотности, была коренным образом перестроена и расширена сеть школ, успешно решается задача создания кадров новой, советской интеллигенции.

Только из одного селения Кумух за годы Советской власти вышло 8 докторов и большое число кандидатов наук, сотни специалистов с высшим и средним специальным образованием. Много специалистов с высшим образованием вышло из сел. Турчи, которое в прошлом было одним из самых отсталых в Дагестане и которое называли «аулом нищих».

Только в советское время стало возможным появление у лакцев таких семей, где все или большая часть представителей молодого поколения имеют высшее образование (например, семья Кажлаевых в сел. Кумух) или звание кандидата наук (например, там же в семье Мунчаевых — 3 кандидата наук и 2 человека с высшим образованием).

Далеко за пределами Дагестана известны имена писателей-лакцев Эфенди Капиева, народного поэта Дагестана Абу-талиба Гафурова, Ю. Хатпалаева, Н. Юсупова, композиторов М. Кажлаева, Ш. Чалаева, Героев Советского Союза Амедхана Султана, Ризвана Сулейманова, Якова Сулейманова. Звание Героя Социалистического Труда имеют лакцы садовод Гази Хинчалов, овцевод Алхулаев, грузчик Бижитуев. Искусству советских артистов цирка — канатоходцев Р. Абакарова и Я. Гаджикурбанова, выходцев из лакского аула Цовкра, рукоплескали во многих странах мира.

Все это стало возможным благодаря мудрой ленинской национальной политике, проводимой Коммунистической партией и Советским правительством.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ
ИИЯЛ

КСИЭ
МАЭ
РГО
СМОМПК

ССКГ
СА
СЭ
ЦГА ДАССР

- «Вестник древней истории».
- Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР.
- «Краткие сообщения института этнографии».
- Музей антропологии и этнографии.
- Русское географическое общество.
- «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа».
- «Сборник сведений о кавказских горцах».
- «Советская археология».
- «Советская этнография».
- Центральный государственный архив Дагестанской Автономной Советской Социалистической Республики.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Введение	
Глава I. Краткий очерк истории и социальных отношений лакцев в XIX—нач. XX вв.	
Глава II. Хозяйство.	
§ 1. Сельскохозяйственный календарь	44
§ 2. Земледелие	46
§ 3. Животноводство	54
§ 4. Домашние промыслы и ремесло	60
§ 5. Дороги, транспорт, торговля	76
Глава III. Материальная культура.	
§ 1. Поселения	84
§ 2. Жилище	95
§ 3. Одежда	111
Глава IV. Семейный и общественный быт.	
§ 1. Семья и семейный быт	136
§ 2. Семейные обряды	141
§ 3. Общественный быт	161
Глава V. Идеология и культура	
§ 1. Религиозные верования и обряды лакцев	176
§ 2. Народная медицина и знахарство	184
Заключение	190
Список сокращений	195

Ангара Гамидовна Булатова
ЛАКЦЫ

Редактор Ч. И. Чернигова.
Тех. редактор В. А. Махулова.

Сдано в набор 28/I-1971 г. Подписано в печать 2/VI-1971 г.
Форм. 60×90¹/₁₆. Печ. л. 12,5. Уч. изд. л. 11,48.
С03134. Заказ 25. Тираж 500. Цена 82 коп.

Типография Дагфильнала АН СССР.
г. Махачкала, 5-й жилгородок, корпус 10.

Цена 82 коп.